ISSN: 2709-7382

АКАДЕМИЯИ МИЛЛИИ ИЛМҲОИ ТОҶИКИСТОН

ИНСТИТУТИ ТАЪРИХ, БОСТОНШИНОСӢ ВА МАРДУМШИНОСИИ БА НОМИ АҲМАДИ ДОНИШ

МУАРРИХ

(маҷаллаи илмӣ-назариявӣ)

№ 2 (30) 2022

Маҷаллаи илмӣ-назариявии «Муаррих» соли 2015 таъсис ёфта, дар давоми як сол чаҳор шумора ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ нашр мешавад. Маҷалла дар Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳти 174/МҶ-97 15-уми январи соли 2021 аз нав ба қайд гирифта шудааст.

Маҷалла аз 26-уми апрели соли 2018 дар рӯйхати маҷаллаҳои илмии тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионии (КОА) назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ва аз санаи 21-уми феврали соли 2022 таҳти рақами №1520 дар Феҳристи маҷаллаҳои илмии тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионии (КОА) назди Вазорати маориф ва илми Федератсияи Россия номнавис гардидааст.

САРМУҲАРРИР: Насрулло УБАЙДУЛЛО, доктори илмҳои таърих, профессор

МУҲАРРИРИ МАСЪУЛ: Ҳамза КАМОЛ, доктори илмҳои таърих, профессор

ҲАЙАТИ ТАҲРИРИЯ:

Юсуфшо ЁҚУБШО - академики Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон;
Ҳайдаршо ПИРУМШО - узви вобастаи Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, доктори илмҳои таърих, профессор;
Абдулло ҒАФУРОВ - номзади илмҳои таърих, дотсент;
Лариса ДОДХУДОЕВА - доктори илмҳои таърих, профессор;
Аскаралӣ РАҶАБОВ -доктори илмҳои таърих, профессор;
Абдувалӣ ШАРИФЗОДА - номзади илмҳои таърих;
Нуриддин САЙФУЛЛОЕВ - номзади илмҳои таърих;
Саидмурод БОБОМУЛЛОЕВ - доктори илмҳои таърих;
Қосимшо ИСКАНДАРОВ - доктори илмҳои таърих;
Виктор ДУБОВИТСКИЙ - доктори илмҳои таърих (Русия);
Александр ЧУБАРЯН - академики Академияи илмҳои Русия, доктори илмҳои таърих, профессор (Русия);
Франсис РИШАР - узви вобастаи хориҷии Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, доктори илмҳои таърих, профессор (Фаронса);
Анри-Пол ФРАНКФОР - доктори илмҳои таърих, профессор (Фаронса).

© Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, 2022.

ISSN: 2709-7382

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ АХМАДА ДОНИША

ИСТОРИК

(научно-теоретический журнал)

№ 2 (30) 2022

Научно-теоретический журнал «Историк» основан в 2015 г. и выходит четыре раза в год на таджикском, русском и английском языках. Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан под № 174/МҶ-97 от 15 января 2021 г.

Журнал с 26 апреля 2018 года входит в перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Президенте Республики Таджикистан и с 21 февраля 2022 года под № 1520 входит в перечень ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Насрулло УБАЙДУЛЛО, доктор исторических наук, профессор

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: Хамза КАМОЛ, доктор исторических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Юсуфшо ЁКУБШО - академик Национальной академии наук Таджикистана;
Хайдаршо ПИРУМШО - член-корреспондент Национальной академии наук Таджикистана, доктор исторических наук, профессор;
Абдулло ГАФУРОВ - кандидат исторических наук, доцент;
Лариса ДОДХУДОЕВА - доктор исторических наук, профессор;
Аскарали РАДЖАБОВ - доктор исторических наук, профессор;
Абдували ШАРИФЗОДА - кандидат исторических наук;
Нуриддин САЙФУЛЛАЕВ - кандидат исторических наук;
Саидмурод БОБОМУЛЛОЕВ - доктор исторических наук;
Косимшо ИСКАНДАРОВ - доктор исторических наук;
Виктор ДУБОВИЦКИЙ - доктор исторических наук (Россия);
Александр ЧУБАРЬЯН - академик Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор (Россия);
Франсис РИШАР - иностранный член-корреспондент Национальной академии наук Таджикистана, доктор исторических наук, профессор (Франция);
Анри-Поль ФРАНКФОР - доктор исторических наук, профессор (Франция).

© Институт истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша Национальной академии наук Таджикистана, 2022.

ISSN: 2709-7382

NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF TAJIKISTAN

AHMAD DONISH INSTITUTE OF HISTORY, ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

HISTORIAN

(scientific-theoretical journal)

№ 2 (30) 2022

The scientific-theoretical journal «Historian» founded in 2015, issues four times a year in Tajik, Russian and English languages. The journal is registered in the Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan under the № 174 / MJ-97 dated of January 15, 2021.

Since April 26, 2018 is the List of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission (HAC) under the President of the Republic of Tajikistan and since February 21, 2022 under No. 1520 HAC Ministry of Education and science of the Russian Federation.

CHIEF EDITOR: **Nasrullo UBAYDULLO Dr. of History, Professor**

EXECITIVE EDITOR**: Hamza KAMOL Dr. of History, Professor**

EDITORIAL BOARD:

Yusufsho YOKUBSHO - Academician of the National Academy of Sciences of Tajikistan;
Haydarsho PIRUMSHO- corresponding member of the National Academy of Sciences of Tajikistan
the AS Republic of Tajikistan, Dr. of History, Professor;
Abdullo GAFUROV - Candidate of History, dotsent;
Larisa DODKHUDOEVA - Dr. of History, Professor;
Askarali RAJABOV - Dr. of History, Professor;
Abduvali SHARIFZODA - candidate of historical sciences;
Nuriddin SAYFULLOEV- Candidate of History;
Saidmurod BOBOMULLOEV - Dr. of History;
Kosimsho ISKANDAROV - Dr. of History;
Victor DUBOVITSKIY - Dr. of History, (Russia);
Alexander CHUBARYAN - academician of the RAS, Dr. of History, Professor (Russia);
Francis RISHAR - foreign corresponding member of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Dr. of History, Professor (France);
Henri-Paul FRANKFOR - Dr. of History, Professor (France).

© Ahmad Donish Institute of history, archaeology and ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan, 2022.

МУНДАРИҶА-СОДЕРЖАНИЕ-CONTENTS

ТАЪРИХИ ВАТАНӢ-ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ-NATIONAL HISTORY

Ҳамза КАМОЛ. Хуруҷи Деваштич 5

НАҶОТОВА Н.Б., ИНОЯТОВА С.Э.
Баъзе маълумот перомуни вазирони аҳди Ғазнавӣ 14

НИЯЗОВА А. У. Храм Навбахор и Бармакиды 26

АКРАМОВ М.И. Социально – экономические преобразования в период гражданской войны в Таджикистане в 1918-1923 годах 34

ҲОТАМОВ Н.Б. Маҳдудияти маънавии тоҷикон ҳангоми гузаронидани тақсимоти ҳудуди миллӣ дар Осиёи Миёна 49

Фарзона ҒАФФОРЗОДА. Нақши Созмони Милали Муттаҳид дар истиқрори сулҳ ва ваҳдати миллии тоҷикон 63

ТАЪРИХНИГОРӢ ВА МАЪХАЗШИНОСӢ-ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ-HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

Абдувалӣ ШАРИФЗОДА. Инъикоси сикказанӣ дар «Футуҳ-ул-булдон»-и Аҳмади Балозурӣ........ 73

АФСАХОВА Н.С. К вопросу о «сартах» в газете «Туркестанские ведомости» 83

ХУСЕНОВ Ф. Р. Отражение порядка проведения дипломатических сношений двора Газнавидов с Сельджуками на ранних этапах в труде Абулфазла Байхаки «История Масъуда» 100

НАЗАРОВ Ф.А. Вклад Хайдаршо Пирумшоева в изучение истории завоевания и присоединения Средней Азии к России во второй половине XIX – начале XX вв. ... 107

Меликиён Э.Б. Кашфи асари наве аз Аҳмади Дониш 116

БОСТОНШИНОСӢ - АРХЕОЛОГИЯ – ARCHEOLOGY

РАХИМОВ Н.Т.
Сырдарья: речной путь в системе коммуникаций Шелкового пути 126

ТАЪРИХИ ҲУНАР-ИСТОРИЯ ИСКУССТВА-ART HISTORY

САЙФУЛЛОЕВА Ш.И. Античная и раннесредневековая терракота долины Вахша и низовьев Кофарнихона 135

СОХИБНАЗАРОВ М.Д. Художественная обработка металла в Тохаристане и Согде эпохи раннего средневековья 144

КАРИМОВА Г.Б. Саҳми Б. И. Маршак дар таҳқиқ, таҷдид ва таҳлили бадеии деворнигораҳои Панҷакенти Қадим 153

ЮСУПОВА Ш.А. Намоишгоҳ ҳамчун шакли муаррифии ёдгориҳои таърихӣ ва асарҳои санъати тасвирӣ........ 160

АМРОЕВ У.М. Гулчеҳра Содиқова ва анъанаи иҷроии мусиқии мардум 166

ТАЪРИХИ ВАТАНӢ-ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ-NATIONAL HISTORY

УДК 9 (575.3)

ХУРУҶИ ДЕВАШТИЧ[1]

Соли 2021 аз хуруҷи Деваштич алайҳи аъроб 1300 сипарӣ гардид.

Ҳамза КАМОЛ,
Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши

Табарӣ дар рухдодҳои соли 103 ҳ.қ./721-722 зикре аз ихшиди Суғд ва афшини Самарқанд-Деваштич мекунад, ки дар водии Зарафшон, дар мубориза алайҳи арабон бархоста буд. Бино ба қавли Табарӣ ӯ аз шумори ашрофдеҳқонони Самарқанд маҳсуб мешуд, ки номи вай «Девошниг буд ва онро муарраб карданд ва Девошнӣ гуфтанд» [2, 3584].

Гуфтаҳои Табарӣ роҷеъ ба Деваштич миёни ховаршиносон он замон арзиш пайдо намуданд, ки ба тасодуф аз кӯҳи Муғ асноде пайдо гардид, ки номи Деваштич ва корномаи ӯро аз зери ғубори асрҳо берун овард.

Баҳори соли 1932 ба ҳангоми чаронидани рамаи гӯсфандон дар фарози кӯҳи Муғ чӯпоне аз деҳи Хайрободи ноҳияи Захматобод (Айнии ҳозира) ба исми Ҷӯраалӣ Маҳмадалӣ мутаваҷҷеҳ мешавад, ки пойи гӯсфанде ба сӯрохе банд мондааст. Ба ҳангоми раҳоии пойи гӯсфанд аз ин сӯрох як сабади нимапӯсида бо пораи коғази нозуки хокистарии равшан, ки бо хати номафҳум дар он навиштаҳое вуҷуд дошт, пайдо мекунад.

Ҷӯраалӣ ин ёфтаро назди босаводтарин аҳли деҳ – муллои маҳал овард, аммо ӯ натавонист асли матнро ба дурустӣ таъйин кунад. Ин санад чанд моҳ дар рустоҳои болооби Зарафшон даст ба даст мегузашт ва билохира ба дасти Абдулҳамид Пӯлодӣ, ки он замон симати котиби Комитети ҳизби ноҳияи Захматободро ба дӯш дошт, мерасад. Ба ибтикори ӯ ин бозёфт ба шаҳри Душанбе оварда мешавад.

Акси ин санадро котиби илмии он замони базаи тоҷикистонии Академияи фанҳои Иттиҳоди Шӯравӣ А.И. Василев бо худ ба шаҳри Ленинград ба назди профессор А.А. Фрейман барои шиносоӣ мебарад. Профессор А.А. Фрейман муайян мекунад, ки нусхаи хаттӣ санадест, ки бо хатти шикастаи суғдӣ ба забони суғдӣ навишта шудааст. Ин аввалин бор буд, ки нусхаи хатти суғдӣ дар Иттиҳоди Шӯравӣ, дар қаламрави худи Суғд ёфт шуд, дар ҳоле ки тамоми ёфтаҳои дастнависҳои суғдӣ то ҳоло дар мустаъмароти Суғд дар Чин ба даст омадааст [14,7].

Ин нахустбозёфт, ки дар феҳристи асноди дастнависи бадастомада аз харобаҳои дижи кӯҳи Муғ зери рақами як шуморагузорӣ шудааст [14, 33;

---

[1] Мақола дар асоси лоиҳаи «Таърихи халқи тоҷик» (асри III-аввали асри XX), рақами қайди давлатӣ 0121TJ1211 навишта шудааст.

13,13], номаи сафири Деваштич Фатуварн мебошад, ки аз Чоч ба ихшиди Суғд ва афшини Самарқанд – Деваштич ирсол шуда буд [14, 34; 13,13].

Рамзкушоии асноду номаҳо ба муҳаққиқон имкон дод, то муайян намоянд, ки дар оғози садаи VIII ин диж паноҳгоҳи ҳокими Панҷакент Деваштич буд, ки муддате чун ихшиди Суғд ва афшини Самарқанд низ ифои вазифа карда, дар ин ҷо бо ишғолгарони араб вориди охирин набард шуда, онро чун сангари муқовимат алайҳи арабҳо истифода намуд.

Чуноне ки баъдан таҳқиқ гардид, дар фарози ин кӯҳ, ки Ҷӯраалии чӯпон сабадеро бо санаде аз сӯрохе пайдо кард, замоне дижи Абғар (Абарғар) қад барафрохта буд. Интихоби мавзеъ барои дижи Абғар дар фарози кӯҳи Муғ аз нигоҳи амният бисёр муҳим буд. Зеро ин кӯҳро аз се тараф: аз ғарб ва шимол дарёи Зарафшон ва аз шарқ дарёчаи Кум иҳота кардаанд. Танҳо дар самти ҷанубии кӯҳи Муғ майдони ҳамворе дар нишебӣ қарор дорад, ки имкони дастрасӣ ба кӯҳро аз тариқи замин фароҳам мекунад. Вайронаҳои дижи Абғар дар фарози кӯҳи Муғ қарор доранд, ки бо таваҷҷуҳ ба шароити топографии минтақа нуқтаи бисёр муносибе барои дифоъ буда, дар айни ҳол маҳалли бисёр мувофиқе барои назорат аст. Дарёи Зарафшон ва дарёчаи Кум ва доманаҳои нишеби кӯҳ, ки дар бархе нуқот ба деворҳо табдил меёбанд, қуллаи кӯҳро, ки дижи Абғар онҷост, аз се тараф комилан ғайри қобили дастрас гардонида, танҳо ҷойи қобили дастрас аз хушкӣ ҳамон майдони дар нишебӣ қарордошта мебошад, ки дар баъзе ҷойҳо хеле борик мешавад.

Моҳи майи соли 1933 дар дижи Муғ А. Пӯлодӣ ва баъдан А.И. Василев [4,18-32] нахуст мустақилона ва баъдан моҳи ноябри соли 1933 дар ҳайати экспедитсияи АФ Иттиҳоди Шӯравӣ зери роҳбарии А.А. Фрейман ҳафриёт гузарониданд. Дар натиҷа аз ин диж 81 санади дастнавис ёфт шуд, ки забони як санади дар чарм навишташуда муайян нагардид ва 80 адади он чунин шиносоӣ шуданд: 25 санад дар коғази нафиси намунаи чинӣ (22 тои он ба забони суғдӣ, ки пушти 5 тои он матн бо забони чинӣ дорад), 32 санад дар чарм (29 тои он ба забони суғдӣ) ва 23 санад дар чӯб (шохаҳои маҷнунбед, ҳама ба забони суғдӣ) [14,14]. Аз ҷумлаи ин санадҳо ду санад дар чарм ба забони арабӣ навишта шудааст, ки И.Ю. Крачковский ва В.А. Крачковская онҳоро бахшҳое аз як санад меҳисобанд [7, 52-90]. Ҳашт санад ба забони чинӣ иншо шудааст, ки онҳоро муҳаққиқ А.С. Поляков шиносоӣ намуд [10, 91-117]. Инчунин ба ҳангоми ҳафриёт аз ин ёдгории таърихӣ теъдоди 400 ашёи фарҳанги моддӣ, мисли пораҳои матоъ, чарм, маснуоти кулолӣ, таҷҳизоти низомӣ (тир ва сипар) ва 6 сикка (як сиккаи нуқра ва боқимонда мис, ки дар мобайнашон сӯрох доранд) ба даст омад. Муқаррар гардид, ки ба шарофати хоки махсуси ин дараи кӯҳӣ асноде, ки дар рӯйи чарм ва коғаз навишта шудаанд, дар зери замин пас аз гузашти сенздаҳ сада комилан ҳифз гардидаанд.

Соли 1934 А.А. Фрейман шарҳи палеографии муфассале аз асноди ёфтшударо таҳия кард ва нишон дод, ки дар миёни мутуни суғдӣ ҳадди ақал ду гурӯҳ аснод – номаҳо ва асноди хоҷагӣ вуҷуд доранд. Феҳристи ин аснод соли 1934 шомили «Согдийский сборник. Сборник статьей о памятниках

согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР» шуда, ба нашр расид [15, 33-51]. Тавсифу таҳқиқи ин аснод соли 1962 аз ҷониби А.А. Фрейман анҷом ёфта, дастраси доираи илм гардиданд [13].

Баъди солҳои панҷоҳуми садаи гузашта асноди кӯҳи Муғ аз ҷониби ховаршинос В.А. Лившитс мавриди омӯзиш қарор гирифтанд [11]. Дар ҷараёни рамзкушоии ин аснод ба В.А. Лившитс муяссар шуд, ки аз миёни ин ҳама аснод мутуни ҳуқуқӣ, пеш аз ҳама қарордодҳоеро ҷудо намояд, ки дар маҷмӯи асноди суғдии таҳиянамудаи А.А. Фрейман аз вуҷуди онҳо сухане набуд. Инчунин маълум шуд, ки асноди кӯҳи Муғ ҳовии иттилооте мебошанд, ки вазъияти сиёсӣ ва низомӣ дар Суғд ва навоҳии ҳамҷавори онро байни солҳои 711-722 муайян мекунанд. Ин аснод бидуни шак ба пажӯҳандагон имкони ироаи тасвири куллие аз низоми иҷтимоӣ ва ҳаёти иқтисодии Суғдро дар ин даврон фароҳам месозад [8, 11-14].

Муайян шуд, ки теъдоди қобили мулоҳизаи ин аснод, аз ҷумла санади арабӣ ба номи Деваштич иртибот мегиранд. Таҳқиқи санади арабии ёфтшуда аз ин диж ба донишмандон И.Ю. Крачковский ва В.А. Крачковская имкон дод, ки на танҳо таърихи ин матнро дақиқ намояд, инчунин номи Деваштич (Девасти)-ро бори нахуст вориди доираи илми таърих намуда, вазъияти таърихии замони харобшавии қалъаро низ мунъакис созанд [7, 52-90].

Дар аввалин мушоҳидаи асноди кӯҳи Муғ, -менависад А.А. Фрейман, - таваҷҷуҳ ба ин ҳолати ҷолиб шуд, ки ба Деваштич унвони ихшиди Суғд ва афшини Самарқандро додаанд, ки он мушобеҳи унвони ҳамзамони ӯ Ғурак мебошад, ки соли 710 самарқандиён пас аз сарнагунии Тархун барои гузаштҳояш ба арабҳо, ӯро ба тахти ихшидӣ нишонданд. Аммо Деваштич ин унвонро на дар ҳама аснод дорад, балки он фақат дар теъдоди муайяни номаҳои бидуни таърих, ки дар рӯйи коғаз ва чарм навишта шудаанд ва дар ду санади таърихгузошта ба номи ӯ, ки яке аз онҳо рӯи чарм ва дигар рӯйи коғаз навишта шудааст, зикр мегардад [13, 42].

Бар асоси рамзкушоии асноди суғдии ёфшуда аз кӯҳи Муғ, ки ба умури хоҷагӣ иртибот доранд, донишмандон М.Н. Боголюбов ва О.И. Смирнова ба ин назаранд, ки Деваштич соҳиби мулки Панҷакент буда, лақаби шоҳзодаи онро дошт ва ба далели густариши доманаи мулкҳояш лақаби афшини Панҷро дарёфт намуда, аз соли 720 ё 721 на камтар аз ду сол лақаби афшини Самарқанд ва ихшиди Суғдро ба худ гирифт [12, 104].

Номҳое, ки дар санади ба забони арабӣ навишташуда зикр шудаанд, калиде барои кушодани қуфли таърихи навишта шудани санад гардид. Донишмандон И.Ю. Крачковский ва В.А. Крачковская дақиқ муайян намуданд, ки ин санад номаест унвонии фармондори Хуросон Ҷарроҳ ибни Абдуллоҳ, ки аз номи Деваштич на зудтар аз оғози соли 718 ва на дертар аз моҳи апрели соли 719 навишта шудааст [7, 53-54]. Зеро Ҷарроҳ ибни Абдуллоҳ дар охири соли 717 аз ҷониби халифа Умар ибни Абдулазиз фармондори Хуросон таъйин шуда, дар охири моҳи апрели соли 719 аз ин вазифа барканор гардида буд.

И.Ю. Крачковский ва В.А. Крачковская ин номаро тафсир намуда, ба ин

назаранд, ки вожаи аввали нома «басмала» (бисмиҳи) баёнгари он аст, ки Деваштич дар ин нома худро мусулмон меҳисобад. Дар идома бо иттико ба манобеи таърихӣ ва адабиёти илмӣ менависанд, ки далелҳое вуҷуд доранд, ки ин шароитро бо сиёсати Умар ибни Абдулазиз иртибот медиҳад. Ин халифа дар оғози хилофати худ пешниҳоди ислом пазируфтанро барои намояндагони силсилаҳои маҳаллӣ дар манотиқи марзии хилофат ирсол кард. Ин пешниҳод на танҳо дар Осиёи Миёна, инчунин дар Ҳинд, эҳтимолан ба унвони як гоми сиёсӣ-дипломатӣ муваффақиятомез буд. Аз ҷумла, ихшиди Суғд ва афшини Самарқанд Ғурак пазириши исломро эълон кард ва аз ин фурсат истифода намуда, сафорате назди Умар ибни Абдулазиз фиристод, то эҳсоси сулҳхоҳонаи худро иброз кунад. Мушаххас аст, ки Ғурак дар ҳамон сол номаи маъруферо бо лаҳни комилан мутафовут дар робита бо арабҳо барои императори Чин ирсол кард. Ин баёнгари он аст, ки пазириши ислом аз ҷониби ӯ фақат як иқдоми дипломатии сохтагӣ буд. Зеро баъдан дубора аз таблиғи ислом дар Самарқанд мешунавем ва пазириши ниҳоии ислом дар ин минтақа сад сол пас, дар замони халифа Муътасим (833-842) иттифоқ афтод. Шакке нест, ки Деваштич низ ҳамон мусулмонест бо равиши дипломатӣ. Деваштич дар нома худро мутавозиона «мавлои амир» мехонад. Дар таърихи хилофат ин калима маъмулан ба ашхосе итлоқ мешуд, ки баромади нажодии ғайри араб доштанд ва ба унвони ҳимоят чун муштарии бархе аз қабилаҳо ё афроди араб пазируфта мешуданд. Теъдоди онҳо бисёр чашмгир буд ва бо густариши қаламрави давлати арабҳо, бавижа дар манотиқи марзӣ афзоиш ёфт. Деваштич бо истифодаи вожаи «мавло» фақат таъкид кардааст, ки дар ҳоли ҳозир худро дар равобити муттаҳидона бо аъроб мебинад [7, 67-69].

Соли 103 ҳ.қ./721-722 суғдиён алайҳи аъроб шӯриш карданд ва хостанд онҳоро аз Самарқанд берун созанд. Фармондори Хуросон Саъиди Хузайна ду бор лашкаркашӣ алайҳи суғдиёни саркашро роҳбарӣ кард, аммо суғдиён бо ёрмандии туркон зарботи сангине ба лашкари ӯ ворид карданд. Ин қиём ба зудӣ дигар навоҳии Суғдро низ фаро гирифт. Саъиди Хузайна натавонист коре дар чораҷӯии шӯришиён кунад ва аз мақомаш канор зада шуд. Дар ивази ӯ соли 103 ҳ.қ. /721-722 шахси золим ба исми Саъид ибни Амри Ҳараширо ба фармондории Хуросон мансуб карданд [2, 3576]. Саъиди Ҳарашӣ бо сахтгириҳояш дар мубориза алайҳи хориҷиён дар хилофат шуҳрат касб карда буд. Барои Суғд низ фармондории кӯтоҳмуддати ӯ дар Хуросон бо як лашкаркашии танбеҳдиҳанда сабти таърих гаштааст.

Соли 104 ҳ.қ. /722-723 Ҳарашӣ бо мардуми шӯридаи Суғд ба ҷанг пардохт ва «деҳқонони Суғду Самарқандро, ки муртад шуда буданд (яъне ба кеши аҷдоди худ баргаштанд), ҳаме гирифт ва ҳаме кушт ва хостаҳо ҳаме ситад, пас халқе аз эшон аз пеши ӯ (Ҳарашӣ) бигрехтанд ва ба Фарғона шуданд ва аз малики Фарғона фарёд хостанд. Малики Фарғона эшонро ёрӣ надод аз бими Саъид. Эшон аз он ҷо боз гаштанд ва ба Хуҷанд омаданд» [1,1580]. Ҳарашӣ аз ин хабар огоҳӣ ёфт ва аз хашм «Суғду Самарқанд ғорат кард ва ҳар киро ёфт бикушт ва барда кард» [1,1580].

Ин фирори суғдиён аз маконҳои бумии худ ба дарвозаи водии Фарғона - шаҳри дурафтодаи Хуҷанд барои наҷот аз интиқоми арабҳо ба манотиқи амнтар аз лашкаркашиҳои тозиён буд. Баръакси чашмдор арабҳо онҳоро то ин шаҳр низ таъқиб карданд. Сокинони Хуҷанд ҳамбастагии худро ба суғдиён иброз доштанд, ки ба хотири он аз ҷониби аъроб муҷозот шуданд [2, 3578-3586; 6, 67-68].

Аммо Деваштич ва ҳаводоронаш ба ҷониби водии Фарғона нарафтанд ва тарҷеҳ доданд, ки барои идомаи мубориза бо арабҳо ба шарқ, ба болооби Зарафшон, ба мантақаи мушкилгузари кӯҳистонии Абғар, ки дар соҳили ҷанубии Зарафшон воқеъ буд, бираванд. «Девошнӣ (Деваштич) бо мардуми Бунҷикас сӯи қалъаи Абғара рафтанд» [2, 3579] ва ӯ ду писари Тархон – ҳокими собиқи Самарқандро, ки зери муроқибати худ гирифта буд, дар рикоби худ дошт [3, 481].

Деваштич бо дастаи муборизони худ аз Панҷакент ба ҷониби шарқии водии Зарафшон ҳаракат мекунад, то ҷойи муносибе барои муқовимат бо арабҳо дар кӯҳистони мушкилгузари ин водӣ пайдо намояд. Академик Б. Ғафуров ин назари фарзии А.Ю. Якубовскийро ба ҳақиқат наздик медонад, ки Деваштич ният дошт ҳамроҳони худро аз тариқи ағбаи Шаҳристон ба Хуҷанду Фарғона расонад, аммо ба ин ҳадаф нарасид [5, 359].

Деваштич худ барои мубориза бо аъроб вориди тамосҳои дипломатӣ бо ҳокими Чоч ва ҳатто хоқони турк гардида, аммо дар дижи Абғар боқӣ монд [3,481]. Аз ҷумла, Деваштич сафири худ ба исми Фатуварнро бо номае ба назди ҳокими Чоч барои ташкили сангари муштараки мубориза алайҳи арабҳо мефиристад. Ин нома дар шумори асноде, ки аз кӯҳи Муғ ёфт шуд, пайдо гардид ва онро ховаршинос В.А. Лившитс чунин рамзкушоӣ кардааст:[2] «Господину государю, великому оплоту, согдийскому царю, самаркандскому государю Деваштичу от его ничтожнейшего раба Фатуфарна донесение.

Господин государь (тебе), велико славному, много почтения я адресую.

И, господин, я прибыл сюда к чачскому государю. И, господин, я и письма вручил, и то, что следовало устно передать, я полностью, ничего не опуская, изложил – и тудуну, и Азатгриву. И, господин, письмо кагану и письмо ферганскому царю я через ферганского тутука ферганскому царю переслал. И, господин, я потому дальше не могу пойти, ибо, господин, кагана, по слухам, совсем нельзя увидеть. И, господин, от тудуна и от Азатгрива я получил письма и ответы. И, господин, когда я подошел к Аппартакану, то, господин, о Нижней (стране?) сколько-нибудь утешительных известий я не слышу, а Усрушанская область вся сдана(?). И, господин, я один-одинешенек, без спутников, и, господин, не осмеливаюсь я идти. И, господин, потому я вернулся снова в Чач. И, господин, из за этого (чачского) государя я страшно боюсь. И, господин, тудун в соответствии с перемирием с арабами отступил. И,

2 Ба манзури халал ворид нанамудан ба асолати тарҷумаи В.А. Лившитс, ин нома бо асли тарҷумааш ба забони русӣ оварда мешавад.

господин, в соответствии с перемирием Жамраваз и перс-полководец пошли вниз - по слухам (для того), чтобы получить выкуп, и чтобы отвести войско от арабов. И, господин, слухи относительно тюрок (таковы): (они) внезапно исчезли, потому что ушли он(и) наверх и до сих пор никто не вернулся. И, господин, тудун (ранее с Тарбандом заключил соглашение и, господин, все земли он (там) получил. И, господин, по слухам Азатгрив очень опечален последним перемирием и также он боится государя из-за того, что он не прибыл к тебе. И государь, затем о тебе (?) известий не может поступать. И, господин, вот эти письма я послал через Марвана в Канд. Господину, государю, великому оплоту, согдийскому царю, самаркандскому государю, Деваштичу от его нечтожнейшего раба Фатуфарна донесение» [8, 87-88].

Сулаймон ибни Абуссарӣ ва Мусайяб ибни Бишри Риёҳӣ, ки фармондеҳони Ҳарашӣ буданд, ба ҷанги Деваштич маъмур шуданд. Ин фармондеҳони араб бо дастаи сипоҳиёни худ, ки Шавкар ибни Хумайк – аз хонадони Бухорхудот, Аврам[3] - фармонравои Аҳоруну Шумон, инчунин Хоразмшоҳ (ҳокими Хоразм) низ шомили он буданд [2, 3504-3505; 3,491], аз Панҷакент гузашта, қисме аз манозил ва қасрҳоро ғорат карда, ба оташ кашида, бо роҳбаладии ҳокими Шумон, ки пайроҳаҳои кӯҳҳои маҳаллӣ барояш ошно буданд, ба рустои Кум наздик шуданд. Дар якфарсахии диж соли 722 дар наздикии деҳкадаи Кум дастаи пешсафи Сулаймон ибни Абуссарӣ бо сипоҳиёни Деваштич вориди набарди сарнавиштсоз гардида, ҷангандаҳои зери фармони Мусайяб сипоҳиёни Деваштичро ба ҷониби диже, ки дар канори нишеби соҳили Зарафшон қарор дошт ва Деваштич онро чун мақари фармонравоӣ интихоб карда буд, ки баъдҳо мардуми маҳаллӣ онро кӯҳи Муғ номиданд, ақиб нишонданд. Дастаи ҷангандаҳои Сулаймон он дижро муҳосира карданд. Мавқеияти ҷуғрофиёии ин диж чуноне буд, ки кӯҳпорае аз се тараф онро иҳота мекард ва барои мудофеини он имкони дифоъ аз дижро бо неруҳои андак фароҳам месохт. Бо чунин мавқеи ҷойгиршавии диж фармондеҳони араб низ натавонистанд аз бартарии теъдоди ҷангандаҳои худ барои ишғоли диж истифода кунанд ва танҳо ба муҳосираи он иктифо намуданд. Муҳосираи тӯлонӣ, мушкилоти таъмини сокинони диж бо маводи хӯрока, инчунин рӯҳафтодагии муҳофизони диж Деваштичро маҷбур ба музокира барои таслим шудан кард, ба шарте, ки барои муҳокима назди Ҳарашӣ оварда шавад. Дар зимн Табарӣ менависад, ки «Девошнӣ (аз Сулаймон) тақозо кард, ки ба ҳукми Ҳарашӣ таслим шавад ва ӯро ҳамроҳи Мусайяб ибни Бишр пеши Ҳарашӣ фиристод» [2, 3585].

Аз сарнавишти Деваштич баъд аз ихтиёран таслим шуданаш ба фармондеҳи араб ин матлаб дар манобеи таърихӣ зикр шудааст, ки Ҳарашӣ то замоне ки мардуми дижи Абғар тақозои сулҳ накарданд, аз рӯйи макр ба

3 Дар китоби «История таджикского народа» Т.II. Китоби аввал намояндаи хонадони Бухорхудот - Шавкар ибни Хумик ва фармонравои Аҳоруну Шумон бо номи Урам зикр шудаанд. История таджикского народа. Т.II. Книга первая. С.106.

Деваштич ҳурмат гузошт. Сокинони дижи Абғар ба шарти он ки ба «яксад хонадони онҳо ва занону фарзандонашон» зараре нарасад (яъне онҳоро ба ғуломӣ нагиранд), хоҳишманди таслими дижи Абғар ба арабҳо шуданд.

Деваштич ва ҳамрикобонаш амволу сарвати зиёдеро бо худ ба дижи Абғар оварда буданд. Барои ҳисоб кардан ва таҳвили ин дороиҳо Сулаймон ба Ҳарашӣ навишт, ки амонатдоронро барои гирифтани онҳо ба ин диж бифиристад. Ҳарашӣ ду нафар аз наздикони худро ба номҳои Муҳаммад ибни Азизи Киндӣ ва Илбо ибни Аҳмари Яшкуриро барои гирифтани амволи дижи Абғар ба ин ҷо фиристод. Ин фиристодагон «он чиро дар қалъа буд, ба музояда фурӯхтанд, ки хумсро (панҷяк) баргирифт ва боқиро миёни онҳо тақсим кард»,- менависад Табарӣ [2, 3585]. Ҷойи таъкид аст, ки аз ин ҳама сарват ба ворисони он, чуноне зикр шуд, танҳо бахше аз асноди бойгонии Деваштич ва теъдоде аз ашёи он ба ёдгор расидаанд, ки арзиши бузурги илмӣ ва фарҳангӣ доранд.

А.И. Василев, ки дар шумори нахустмуҳаққиқони дижи Абғар маҳсуб мешавад, бо беиттилоӣ аз ахбори Табарӣ фарзияи комилан дурустро дар бораи ғорат шудани ин диж пешноҳод карда буд: «Мавҷуд набудани ашёи комил (яъне ношикаста) миёни бозёфтҳои вайронаҳои қалъа моро ба ин бовар мерасонад, ки қалъа ғорат ва тамоми ашёи боарзишаш рабуда шудааст. Ин ғорат бо тахриби сохтмони қалъа ҳамроҳ буд, зеро ашёи алоҳидаи ба ҷо монда пас аз ғорат зери хиштҳои тоққҳои фурӯрехтаи утоқ мондаанд, ки ин ҳолат сабаби ҳифзи олии бозёфтҳо, бавижа асноди коғазӣ ва номаҳоро шарҳ медиҳад» [4, 32].

Ҳарашӣ Деваштичро ҳамроҳи худ ба ҷониби Кеш бурд. Чун ҳокими Кеш бе ҷанг ба Ҳарашӣ таслим шуд, аз кори вилояти Кеш фориғ шуда, «сӯи Рабинҷан рафт ва Девошниро бикушт ва бар тобуте биёвехт ва мактубе навишт, ки агар (ҷисми Деваштич) аз маҳалли худ мафқуд шуд, мардуми Рабинҷан яксад бидиҳанд... Ҳарашӣ сари Девошниро сӯйи Ироқ фиристод ва дасти рости вайро ба Тахористон пеши Сулаймон ибни Абуссарӣ фиристод» [2, 3585].

Бино ба хабари Табарӣ омили Ироқу Хуросон Умар ибни Ҳубайраи Фазорӣ, ки соли 102 ҳ.қ /720-721 ба ин вазифа таъйин шуда буд, фармондори худ дар Хуросон Ҳараширо соли 104 ҳ.қ./722-723 аз вазифа маъзул кард. «Сабаб он буд, ки менависад Табарӣ,- Умар дар мавриди Девошнӣ аз Ҳарашӣ озурдахотир буд, аз он рӯ, ки навишта буд ва дастур дода буд вайро (Деваштичро) раҳо кунад, аммо ӯро кушт, ки (Ҳарашӣ) Ибни Ҳубайраро ҳурмат намекард» [2, 3589-90]. Аммо сабаби азли Ҳарашӣ аз Хуросон аз ҷониби Умар ибни Ҳубайра танҳо қатли Деваштич набуда, ихтилофҳои шахсӣ миёни ин ду тан буд, ки билохира халифаи Бағдод ҷонибдорӣ аз Ҳубайра карда, Ҳараширо аз Хуросон ба дур андохт.

Бо фурӯ нишондани оташи наҳзати истиқлолхоҳии суғдиён, аз ҷумла Деваштич дар солҳои бистуми садаи ҳаштум муборизаҳо дар Варорӯд барои раҳоӣ аз асорати аъроб қатъ нагардид ва шуълаи он оташ гоҳе дар Самарқанд, гоҳе дар Фарғона, гоҳе дар Хатлон ва дигар манотиқи ин сарзамин забона

мезад.

АДАБИЁТ

1.Абуалӣ Балъамӣ. Таърихномаи Табарӣ. Ҷ.5. Тасҳеҳи М. Равшан. Теҳрон, 1387. С.1323-1629.
2.Абуҷаъфар Муҳаммад Ҷарири Табарӣ. Таърихур-русули вал-мулук. Китоби 5. Душанбе: Муассисаи давлатии Сарредаксияи илмии Энсиклопедияи миллии тоҷик, 2014. -726 с.
3.Большаков О.Г. Рождение и развитие ислама и мусульманской империи (VII-VIII вв.). -672 с.
4.Васильев А.И. Согдийский замок на горе Муг//Согдийский сборник. Сборник статьей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР. Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1934. С.18-32.
5.Ғафуров Б. Тоҷикон. Таърихи қадимтарин, қадим, асри миёна ва давраи нав. Душанбе: Нашриёти муосир, 2020. 976 с.
6.История таджикского народа. Т.II. Книга первая. Возникновение и развитие феодального строя (VI-XVI вв.). Под редакцией Б. Гафурова и А.М. Беленицкого. Москва: Наука, 1964. -492 с.
7.Крачковский И.Ю., Крачковская В.А. Древнейший арабский документ из Средней Азии//Согдийский сборник. Сборник статьей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР. Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1934. С.52-90.
8.Лившиц В.А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2008. -414 с.
9.Фрейман А.А. Опись рукописных документов, извлеченных из развалин здания на горе Муг в Захматабадском районе Таджикской ССР около селения Хайрабад и собранных таджикистанской базой Академии наук СССР//Согдийский сборник. Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1934. С.33-51.
10.Поляков А.С. Китайские рукописи, найденные в 1933 в Таджикистане// Согдийский сборник. Сборник статьей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР. Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1934. -С.91-117.
11.Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В.А. Лившица. Москва: Издательство восточной литературы, 1962. -222 с.
12.Согдийские документы с горы Муг. Вып. III. Хозяйственные документы. Чтение, перевод и комментарии М.Н.Боголюбова и О.И.Смирновой. Москва: Издательство восточной литературы, 1963. -131 с.
13.Согдийские документы с горы Муг. Вып.I. Описание, публикации и исследование документов с горы Муг. Чтение, перевод и комментарии А.А.Фреймана. Москва: Издательство восточной литературы, 1962. -90 с.
14.Фрейман А.А. Находка согдийских рукописей и памятников материальной культуры в Таджикистане//Согдийский сборник. Сборник статьей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР. Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1934. С.7-17.
15.Фрейман А.А. Опись рукописных документов извлеченных из развалин здания на горе Муг в Захматабадском районе Таджикской ССР около селения Хайрабад и собранных таджикистанской базой Академии наук СССР//Согдийский сборник. Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1934. С.33-51.

ХУРУҶИ ДЕВАШТИЧ

Соли 2021 аз хуруҷе дар водии Зарафшон алайҳи аъроб 1300 сипарӣ гардид. Табарӣ дар руходҳои соли 103 ҳ.қ./721-722 зикре аз ихшиди Суғд ва афшини Самарқанд-Деваштич мекунад, ки дар мубориза алайҳи арабҳо бархоста буд. Гуфтаҳои Табарӣ роҷеъ ба Деваштич миёни ховаршиносон он замон арзиш пайдо намуданд, ки ба тасодуф аз кӯҳи Муғ асноде пайдо

гардид, ки номи Деваштич ва корномаи ӯро аз зери ғубори асрҳо берун овард.

Моҳи майи соли 1933 дар дижи Муғ котиби Комитети ҳизбии ноҳияи Заҳматобод Абдулҳамид Пӯлодӣ ва баъдан котиби илмии он замони базаи тоҷикистонии Академияи фанҳои Иттиҳоди Шӯравӣ А.И. Василев нахуст мустақилона ва баъдан моҳи ноябри соли 1933 дар ҳайати экспедитсияи АФ Иттиҳоди Шӯравӣ зери роҳбарии А.А. Фрейман ҳафриёт гузарониданд. Дар натиҷа аз ин диж 81 санади дастнавис ёфт шуд, ки 80 адади он шиносоӣ шуда, забони як санади дар чарм навишташуда муайян нагардид.

Муайян шуд, ки теъдоди қобили мулоҳизаи ин аснод, аз ҷумла, санади арабӣ ба номи Деваштич иртибот мегиранд. Таҳқиқи санади арабии ёфтшуда аз ин диж ба донишмандон И.Ю. Крачковский ва В.А. Крачковская имкон дод, ки на танҳо таърихи ин матнро дақиқ намояд, инчунин номи Деваштич (Девасти)-ро бори нахуст вориди доираи илми таърих намуда, вазъияти таърихии замони харобшавии қалъаро низ мунъакис созанд.

Муаллиф бо такя ба маводи сарчашмаҳои таърихӣ ҳодисаҳои таърихии солҳои 721-722, ки дар Суғд, аз ҷумла, дар водии Зарафшон рух додаанд ва дар маркази он шӯриши Деваштич қарор дошт, баррасӣ мекунад.

Калидвожаҳо: *дижи Муғ, Самарқанд, Панҷакент, Хуҷанд, Хуросон, Заҳматобод, Кум, Абғар, Ғурак, Деваштич, Фатуварн, Ҳарашӣ, Саъиди Хузайна, А.А. Фрейман, А. Пӯлодӣ.*

ВОССТАНИЕ ДЕВАШТИЧА

В 2021 году исполнилось 1300 лет восстанию против арабов в Зеравшанской долине. В событиях 103 г.х./721-722 гг. Табари упоминает царя Согда и правителя Самарканда Деваштича, поднявшегося на борьбу с арабами. Сказание Табари о Деваштиче стало популярным среди востоковедов после того, как на горе Муг были случайно найдены документы, извлекшие из пыли веков имя и подвиг Деваштича.

В мае 1933 г. первый секретарь партийного комитета Захматабадского (ныне Айнинского) района Абдухамид Пулоди, а затем тогдашний ученый секретарь Таджикской базы АН СССР А.И. Васильев провели раскопки в замке Муг сначала самостоятельно, а затем в ноябре 1933 г. в составе экспедиции АН СССР под руководством А.А. Фреймана. В результате в крепости была обнаружена 81 рукопись, язык которых полностью идентифицирован, кроме языка одного документа, написанного на коже.

Было определено, что значительное количество этих документов, в том числе написанных на арабском языке, были связаны с именем Деваштича.

Изучение арабского документа, обнаруженного в этой крепости, позволило ученым И.Ю. Крачковским и В.А. Крачковской не только уточнить историю текста, но и впервые ввести в исторический научный оборот имя Деваштича (Девасти), а также историческую ситуацию на момент разрушения замка.

Автор статьи на основе исторических источников анализирует исторические события 721-722 гг., происходившие в Согде, в том числе в Зеравшанской долине, центральным из которых было восстание Деваштича.

Ключевые слова: *крепость Муг, Самарканд, Пенджикент, Худжанд, Хуросон, Захматобод, Кум, Абгар, Гурак, Деваштич, Фатуварн, Хараши, Саъиди Хузайна, А.А. Фрейман, А. Пулоди.*

DEVASHTICH REBELLION

2021 marks the 1300th anniversary of the uprising against the Arabs in the Zeravshan Valley. In the events of 103 AH / 721-722, Tabari mentions the king of Sogd and the ruler of Samarkand Devashtich, who rose to fight against the Arabs. The legend of Tabari about Devashtich became popular among orientalists after documents were accidentally found on Mount Mug that extracted the name and deed of Devashtich from the dust of centuries.

In May 1933, the first secretary of the party committee of the Zakhmatabad (now Aini) region

Abdukhamid Pulodi, and then the then scientific secretary of the Tajik base of the USSR Academy of Sciences A.I. Vasiliev carried out excavations in the Muga castle, first on their own, and then in November 1933 as part of an expedition of the USSR Academy of Sciences led by A.A. Freiman. As a result, 81 manuscripts were found in the fortress, the language of which is fully identified, except for the language of one document written on leather.

It was determined that a significant number of these documents, including those written in Arabic, were associated with the name of Devashtich.

The study of an Arabic document found in this fortress by scientists I.Yu. Krachkovsky and V.A. Krachkovskaya managed not only to clarify the history of the text, but also for the first time to introduce the name of Devashtich (Devasti) into historical scientific circulation, as well as the historical situation at the time of the destruction of the castle.

Based on historical sources, the author of the article analyzes the historical events of 721-722 that took place in Sogd, including the Zeravshan Valley, the central of which was the uprising of Devashtich.

Key words: *Mug fortress, Samarkand, Panjakent, Khujand, Khuroson, Zakhmatobod, Qom, Abgar, Gurak, Devashtich, Fatuvarn, Kharashi, Sa'idi Khuzayna, A.A. Freiman, A. Pulodi.*

Сведения об авторе:

Хамза Камол (Камолов Хамзахон Шарифович) – Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониш НАНТ, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом древней, средневековой и новой истории. Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33. E-mail: hamza_kamol@mail.ru.

About the author:

Hamza Kamol (Kamolov Hamzakhon Sharifovich) – A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Ancient, Medieval and New History. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, 33 Rudaki Ave. E-mail: hamza_Kamol@mail.ru.

УДК-9 (575.3)

БАЪЗЕ МАЪЛУМОТ ПЕРОМУНИ ВАЗИРОНИ АҲДИ ҒАЗНАВӢ

НАҶОТОВА Н. Б., ИНОЯТОВА С. Э.,

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Вазирон дар тӯли таърих, дар самтҳои мухталифи кишвар нақши муассир дошта, ба унвони ниҳоде дар дили ҳукумат буданд ва дар раъси неруҳои муҳофиз амал мекарданд, бахусус нақши вазирони тоҷик пас аз Ислом ва бартарӣ ёфтани арабҳо ва туркҳо пуррангтар гардид. Бо кашфи нукоти тоза ва роҳкушо ва ҷустуҷӯ дар умқи онҳо ба баррасии корномаи вазирони яке аз ҳукуматҳои пас аз исломӣ ва асримиёнагӣ, яъне ҳукумати Ғазнавиён (963-1186) пардохта мешавад. Дар давраи Ғазнавиён вазирӣ мансабе буд, ки бартарин мақом баъд аз мақоми султонро бар уҳда дошт ва қудрати вазирон ба ҳадде буд, ки «шарики мулк» хонда мешуданд. Таърихнигори эронии арабзабон-

Саъолибӣ, вазоратро баргирифта аз «аз-зӯр» медонад, ки ба маънии «шиддат» ва «қувват» аст, яъне «вазир соҳибдавлатро қавӣ ва неруманд мекунад» [1,40].

Зербинои созмони идории давлати Ғазнавӣ, хусусан мансаби вазириро метавон аз давраи Сомониён пайдо кард. Дар ҳукумати Ғазнавиён идораи давлат дар дасти ду ниҳод, «Даргоҳ» ва «Девон» қарор дошт, ки ин ҳам баргирифта аз суннати Сомонӣ буд. Раёсати даргоҳ (дарбор) ба уҳдаи Ҳоҷиби Бузург буд ва дар садри ташкилоти девонӣ Хоҷаи Бузург қарор дошт, ки девони марбут ба ӯ девони хоҷа ё вазорат ном дошт ва бар девонҳои дигар («Таърихи Байҳақӣ», ки маълумоти бештарро дар бораи девони вазир ва шахсияти ӯ медиҳад, 12 девонро дар давраи Ғазнавиён ном мебарад) назорат мекард.

«Девони вазорат аз шуғлҳои ҳассос ва муҳим буда, ҳамон ҷойгоҳеро, ки дар овони хилофати Бағдод ва Сомониён дошт, ҳифз намуд» [2,70]. Номи вазирони баргузидаи Ғазнавӣ дар тӯли салтанати беш аз 180 солаи ин дудмон дар асарҳои «Насоим-ул-асҳор» ва «Осор-ул-вузаро» бештар ёд мешаванд. Ба азми муаррихи асри Ғазнавӣ, Абулфазли Байҳақӣ, ҳукумати Ғазнавӣ дар ибтидо шаш вазири муҳим, чун Абулфатҳи Бустӣ, Абулаббоси Исфароинӣ, Аҳмад ибни Ҳасани Маймандӣ, Ҳасанак, Бусаҳли Ҳамдавӣ ва Аҳмад Абдуссамади Шерозӣ дошт, ки дар тамоми давраи ҳукумати Маҳмуд, Муҳаммад ва Масъуд тадбири умурро бар уҳда доштанд. Тавре ки дар боло ишора кардем нақши ин вазирон дар он рӯзгор муҳим буд, бахусус аз лиҳози тарвиҷи илм ва адаб худро муваззаф ба посдорӣ аз фарҳанги тоҷикӣ меҳисобиданд, зеро худ аҳли илму адаб ва ваҷҳи дигари муштарак, ки ин вазиронро бо ҳам мепайваст тоҷик будани онҳо буд.

«Аз миёни ин вазирони интихобгашта чаҳор нафари боло маъруф будаанд ва дар айни авҷу шукуфоии давлати Ғазнавиён ба ин симат расида, на танҳо дар таърихи сулолаи мазкур, балки умуман дар гузаштаи Хуросону Мовароуннаҳри асри миёна аз худ мероси зиёди корӣ ва таҷрибаи ғании вазорат ронданро боқӣ гузоштаанд» [3,92].

Қобили қадр аст, ки шаммае аз корномаи ин вазиронро, ки ҳамагӣ афроди сиёсӣ буданд, бозгӯ намоем. Дар аҳди фармонфармоии Сабуктегин, дар миёни мардони намоён номе, ки онро муаррихон ва нигорандагону нависандагон бештар мебурданд, Абулфатҳи Бустӣ буд. Ӯ аз нависандагони соҳибфазли рӯзгори худ аст, ки бо ду забон, порсӣ ва арабӣ шеър иншо мекард ва наср менигошт. Вай дар арабӣ соҳиби қитъа ва қасидаҳои зиёд аст, фатҳномаҳои султон Маҳмудро низ ӯ нигоштааст, ки дигарон онро дар китобҳои хеш сабт намуданд. Абулфатҳ, дар аввал дабири ҳокими Буст, Бойтуз буд ва баъд аз он ки Бойтуз аз пардохти хироҷи ҳарсола ба Сабуктегин даст мекашад, Сабуктегин дубора Бустро фатҳ мекунад ва Бойтуз ба Кирмон мегурезад. Чун Сабуктегин аз камоли донишмандӣ, дабирӣ ва суханвариву лаёқати Абулфатҳ огаҳ гардид, ӯро барои адои вазифаи дабирӣ ба дарбори Ғазна даъват намуд, аммо вай узр хост ва гуфт: «Чун ҳанӯз тоза махдуми ман барафтода ва вай душмани Сабуктегин аст ва агар ҳосидон дар ин роҳ коре кунанд ва маро дар

назари подшоҳ ба иштибоҳ муаррифӣ намоянд, сухани эшон дар маърази қабул хоҳад афтод. Беҳтар он аст, чанде дар мавзее дуртар бошам, то кори Бойтуз яктарафа шавад, он вақт шуғли дабириро анҷом хоҳам дод» [4, 251]. Аз ин гуфтаи Утбӣ «агар Сабуктегин, муассиси хонадони Ғазнавӣ, дар истиқлоли комил ҳукумат наронда бошад ҳам, аз мулозимати як вазири соҳибмаърифат-Абулфазли Бустӣ баҳраманд буд», [5,25-26-90] бармеояд, ки баъд аз муддате Абулфатҳ пешниҳоди Сабуктегинро қабул намуд ва ба хидмати Ғазнавиён пайваст, ҳатто пас аз марги Сабуктегин дар аҳди Маҳмуд як муддат ҳам дар девони расоил адои вазифа кард ва баъдан ба иллати номаълум ба Узганд рафт ва дар ҳамон ҷо фавт шуд. Поёни рӯзгори ин дабиру вазири донишмандро, ки ба солҳои (400-401ҳ.қ./1009-1010м.) рост меояд, метавон аз осори Утбӣ ва Ибни Холикон ҷӯё шуд.

Нахустин вазири султон Маҳмуд-Абулаббос Фазл ибни Аҳмади Исфароинӣ мебошад. Ин вазир аз нависандагони маъруф ва дӯстони машҳури Фоиқ, ҳоҷиб ва сардори ҳафтумин амири сомонӣ-Нуҳ ибни Мансур буд. Замоне ки Маҳмуд аз ҷониби падар аморати Хуросонро соҳиб гардид, Исфаройинӣ соҳиббариди Марв буд. «Носирудинуллоҳ набзе аз кифояти вай шунуд, ӯро ба нома аз Малик Нуҳ хост ва ба вазорати фарзанди хеш, Маҳмуд, дар Нишопур гумошт» [6,252]. Ӯ 17 сол вазорат дошт; сарнавишти ӯ ғамангез аст. Дар хабар аст, ки ин вазир ғуломе дошт бо номи Ромиш, ки хеле зебо буд ва султон Маҳмуд хоҳони ӯ буд, аммо вазир ғуломро бад-ӯ пешкаш накард, аз ин рӯ султон нисбат ба вай хашм гирифт. Дар рӯзгори Ғазнавиён, ки ба ҷуз вазир вазиргунаҳое низ буданд ва суннати нохуби зиддият миёни амиру вазирро ҷорӣ намуда, бисоти макру рев мечиданд, пайваста аз вазирон нуқс меҷустанду ононро мавриди ғасби шадид қарор медоданд. Алии Хешованд аз зумраи чунин афрод ва аз муқаррабони султон Маҳмуд буд, ки аз Исфаройинӣ бадгӯӣ мекард ва зеҳни султонро нисбат ба вай махлут менамуд. Маҳмуд-Исфароиниро ба хиёнат ва харобии вилоят ва заъфи ҳоли раият сарзаниш ва то пардохти сад ҳазор динор маҷбур сохт. «Султон бифармуд, то хоҷаро ба савганди ифлос савганд доданд ва хате ба ибоҳати хуни ӯ аз вай боз ситонданд, ки аз сомиту нотиқ ва қалилу касир вайро ясор нест» [7, 216].

Алии Хешованд дар тавтеаи худ қонеъ нагардид ва аз роҳи дигар ворид шуд.Тавзеҳ он ки пас аз савганд додан, вазир иқрор карда буд, ки агар чизе дигар аз моли ӯ пайдо шавад, хунаш мубоҳ хоҳад буд. Он вақт ҳамин Хешованд як қабза ханҷари мурассаъ ва як пиёла ёқут, ки аз хазинаи Сомониён ва подшоҳони Ҳинд пинҳонӣ ба даст овард ва ҷуръати изҳори онро надошт, берун овард ва ҷузви амволи вазир қаламдод кард ва ба иттилои султон Маҳмуд расонид ва аз вай иҷоза гирифт, ки «дар вусули мобақии амвол ҳар навъ уқубат, ки мумкин бошад дар мавриди вазир иҷро кунад ва сипас ҳангоме ки султон аз пойтахт ғоиб буд, вазирро ба шиканҷа кушт» [8,151].

Дар мавриди сабаби маҳкум ва қатли Исфароинӣ ривоёт мухталиф аст, ки инро метавон дар шарҳи Утбӣ, Авфии Бухороӣ ва Уқайлӣ мушоҳида намуд. Утбӣ бар хилофи гуфтаҳои пешинаи худ, ки ӯро «бо кифояту дироят ва диёнату

амонат» [9,328] меномид, вазъи хароби Хуросонро аз бекифоятии Исфароинӣ қаламдод мекунад. Дар сурате, ки «Исфароинӣ аз ситонидани молиёт тариқи зулму тааддӣ даст кашида, ба ҳеҷ ваҷҳ мардумро ғорат накардааст» [10,350]. Муҳаммад Авфии Бухороӣ баҳонаи барканории Исфароиниро худдории вазир аз додани «канизаки хубчеҳра» (манзур ҳамон ғулом-Ромиш аст ки дар боло зикр кардем Н.Н.) ба Маҳмуд медонад [11,430]. Уқайлӣ бар он аст, ки «Алии Хешованд бо вай душман буд ва тавтеа чид, то вайро баъд аз савганд назди султон дурӯғгӯ бинамоянд» [12,255]. Аммо иллати дигари барканории Исфароиниро-Утбӣ дар ҷойгузинии забони арабӣ низ мебинад. Ба андешаи ӯ «бебизоатӣ дар санъати дабирӣ» ва оҷиз будани ӯ аз забони арабӣ будааст [13, 328]. Аз шартҳои муҳимми фазлу дониш дар он рӯзгор мусаллат будан бар арабӣ буд, ки забони илм ва мукотиботи дипломатӣ дар асри Сомонӣ маҳсуб мегашт. «Исфароинии парвардаи дарбори Сомониён ба сунани он даврон ва собиқаи ҳукумати форсӣ бар минбару меҳроби Хуросон такя карда, забони мардумро забони коргузории дарбори Ғазна қарор дод» [14, 96].

Роҷеъ ба ин фазилати вазир низ ихтилоф мавҷуд аст. Бархе бар онанд, ки вай саводи кофӣ надошт ва арабиро дуруст наменавишт. Ба андешаи муаллифи «Таърихи Яминӣ» «...ӯ забони форсиро дар дарбори Ғазнавиён ҷойгузини арабӣ кард. Сабаби чунин иқдоми вазир бебизоатӣ дар санъати дабирӣ ва оҷиз будани ӯ аз забони арабӣ будааст» [15,328]. Бархе дигар низ ин амрро фазилати ӯ медонанд, ки ӯ нахост девонҳо ба арабӣ бошанд ва ҳамаро ба форсӣ гардонид ва бар асоси ин таассуб Маймандиро накӯҳиш мекунанд. «Аммо изҳори ақидаи ӯ дуруст ба назар намерасад, балки бештар навъе тавҷеҳ аст барои иқдоми Маймандӣ дар баргардонидани мукотиботи расмӣ ба забони арабӣ» [16,209-80-81]. Аммо ин ҳама ҳадс иллаташ ҳамин аст, ки пешрафти кори вазир ва боло рафтани нуфузи ӯ Маҳмудро хуш намеомад, ҳатто аз ҳамон овоне, ки падараш-Сабуктегин ӯро ба вазораташ гумошт. Маҳмуд аз таҳи дил ба вазорати ӯ розӣ набуд ва Маймандии ҳамсабақашро ба вай тарҷеҳ мениҳод ва дилаш ба ҳунармандӣ ва лаёқати ӯ мутаваҷҷеҳ буд, аммо ҳукми падарро риоят мекард ва ба вазорати ӯ мухолифат наменамуд. Қабул накардани пешниҳоди султон барои додани ғулом-Ромиш, сабаби харобӣ ва хушксолии Хуросон ва оҷиз будан аз баёни арабӣ баҳонае буду бас.

Абулҳасан Қосим Аҳмад ибни Ҳасани Маймандӣ (Аҳмади Маймандӣ), ки ба ӯ унвони ифтихории Шамс-ул-Куфот ва Шайх Ҷалил дода буданд, яке аз вазирони маъруф ва таъсиргузори тоҷик аст, ки маснади вазоратро дар замони салтанати султон Маҳмуд ва султон Масъуди Ғазнавӣ бар уҳда дошт. Ӯ дар соли 405ҳ.қ./1014м. ба ҷойи Исфароинӣ ба мақоми вазорат бардошта шуд ва то соли 416ҳ.қ./1025м. дар дарбори султон Маҳмуд ва аз соли 421ҳ.қ./1030м. то соли 424ҳ.қ./1033м. дар боргоҳи султон Масъуди Ғазнавӣ ба амри вазорат машғул буд. Дар мавриди ба вазорат нишастани ӯ чанд назари таърихӣ вуҷуд дорад. Бархе «401 то 415, бархе 401 то 416 ва бархе 404 то 415 ва бархе 404 то 412 баён карданд, ки бар ин мабно ӯ муддати чаҳордаҳ сол, понздаҳ сол ва ё ҳашт сол дар дарбори султон Маҳмуд вазорат кардааст» [17,977].

То расидан ба ин мартаба ӯ омили Буст, дабири девони Хуросон, девони муставфӣ ва арз гашта буд. Маймандӣ аз кӯдакӣ бо султон Маҳмуд парвариш ёфта, ҳамсабақ ва бародари ризоии ӯ буд. Ӯ забони форсиро, ки дар давраи Исфароинӣ забони расмии дарбори Ғазнавӣ буд, барандохт ва дубора забони арабиро забони расмии дарбор кард. «Хоҷа Аҳмад ибни Ҳасан амр дод, ки агар мухотаб аз маърифати арабият оҷиз набошад, номаҳои давлатиро ба арабӣ ва он ҷо, ки арабиро надонанд номаҳоро ғайриарабӣ иншо намоянд» [18,100]. Манзури Маймандӣ аз анҷоми ин кор бе далел набуд. Аввал ин ки арабигарой дар давраи Ғазнавиён як суннати дарборӣ буд. Дувум, аз рӯйи маълумоти манбаҳои таърихӣ султон Маҳмуд барои устувор кардани муносибот бо Бағдод, Исфароиниро аз вазорат ронда, ба ҷойи ӯ Маймандиро интихоб мекунад, аз ин рӯ бешубҳа метавон гуфт, ки муттаҳам кардани Маймандӣ ба иттиҳоми бузург, яъне ба забони форсӣ дилбастагӣ надоштани ӯ ва забони арабиро нисбат ба вай бартар донистан ғайри мумкин аст.

Хоҷа Маймандӣ дар давраи вазораташ, хусусан дар давраи султон Маҳмуд ӯро барои дуруст анҷом додани умури давлатдорӣ таҳрику ташвиқ мекард ва ба яқин метавон гуфт, ки ба ҳамин далел аст, ки дар давраи вазорати ӯ адлу инсоф бештар буд ва аз рӯйи гуфтаи манбаҳои таърихӣ, «...мардум дар амну амон буданд» [19,343-346]. Ӯ аз оғози вазораташ гомҳои баланд ва муассире дар роҳи осоиш ва рушди адабу фарҳанг бардошт ва ҳусни нияти ӯ дар анҷоми ин корҳо сабаб шуд, ки номи ӯ ба унвони яке аз маҳбубтарин вазирон боқӣ бимонад. Ривоҷи забони арабӣ дар девонҳо, ҳимоят аз донишмандони давр, сомон бахшидан ба вазъи ошуфтаи молиёт ва хироҷ, ҷалби назари султон Маҳмуд ва мардуми Хуросон аз зумраи хидматҳои шоёни Маймандӣ аст. Аммо пас аз муддате ӯ низ мухолифоне пайдо кард, ки аз вай назди султон шикоят карданд, то назари султон нисбат ба ӯ ҳам тағйир кард.

Султон Маҳмуд дар боби Маймандии вазир ба Бунасри Мушкон гуфтааст, ки «...ӯ бисёр дароздаст аст ва моли бисёр сад ҳазору дувист ҳазор динор меситонад. Дар натиҷа ӯро низ дастгир карданд ва он чи дошт гирифтанд ва сипас Донишманд Собуниро оварданд ва маъмурият доданд, ки вазирро дар масҷиди ҷомеъ савганд диҳад, ки аз сомиту нотиқ (манзур аз сомитамлок ва амвол ва нотиқ-ғулом ва каниз аст Н.Н.) дар рӯ ва зери замин дигар чизе надорад, вале душманон ҷони ӯро мехостанд. Бад-ин сабаб гуфтанд, ҳанӯз моли бисёр дорад, ки пинҳон карда ва савганди дурӯғ хӯрда, сипас ӯ ба якояки туҳматҳо бо дуруштӣ посух гуфт. Маҳмуд ба ӯ паём дод, хатои бузургтари ту мондааст, ки ҳамон барои кайфарат кофӣ аст ва он ин аст, ки агар сари фузулӣ надоштӣ ва намехостӣ давлатеро гардонӣ туро бо ин мол сохтан чӣ будааст? Рост бибояд гуфт, то чӣ дар сар доштӣ» [20,176].

Аз назари Маҳмуд гуноҳи бузурги вай моландӯзӣ буд, вале ӯ тавзеҳ дод, ки сарвати худро аз давлати султон ёфтаам ва дар роҳи ӯ ва барои ҳашмати давлати ӯ мехостаам харҷ кунам. Бино ба қавли Бунасри Мушкон, Маҳмудро аз посухи вай хуш омад ва дар назар дошт, ки аз хуни ӯ даргузарад. Дар ҳар ҳол тамоми дороияшро гирифтанд ва дар Коланҷар (воқеъ дар ҷануби Кашмир

Н.Н.) зиндонӣ шуд ва дар замони салтанати Масъуд озод гардид ва муддати кӯтоҳ дубора ба вазорат расид [21,422-424]. Султон Маҳмуд пас аз муддате ин иштибоҳи бузурги худро эътироф мекунад ва мегӯяд: «Ман дар ҳамаи умр ду хато анҷом додаам, яке овардани туркманон ва дигаре азли вазир Аҳмад ибни Ҳасан» ва ҳама халали корҳои султон Маҳмуд аз ҳамин ду хатои бузург буд [22,80].

Пас аз марги султон Маҳмуд ва ба қудрат расидани султон Масъуд дар соли 421ҳ.қ./1030м. замоне ки амир Масъуд аз Ҳирот ба Балх меомад, тасмим гирифт, ки Маймандиро вазири худ таъйин намояд. Дар ин ҳангом вазорат ба дасти Абусаҳл Аҳмад ибни Ҳасани Ҳамдавӣ буд ва ӯ дар давраи ҳукумати панҷмоҳаи амир Муҳаммад аз ҷимод-ул-аввали соли 421 то рамазони ҳамон сол (май-июн-сентябр-октябри соли 1030) вазорат кард. Чун тахт ба Масъуд расид бо дастури ӯ Абусаҳли Завзанӣ ва Баҳроми Нақиб аз Ҳирот ба Кашмир рафтанд ва хоҷа Аҳмадро аз қалъаи Коланҷар ба Балх оварданд. Маймандӣ аз тарафи Масъуд ба гармӣ истиқбол шуд ва пас аз чанд рӯз мавзӯи вазорати ӯ пеш омад, аммо ӯ исрор меварзид, то ин ки дар ниҳоят ба хотири тақозои зиёди султон Масъуд ин маснадро дубора пазируфт ва дар поёни маросими хилъатпӯшии Хоҷа «амир Масъуд як ангуштарии фирӯза, ки номаш дар он ҳакк шуда буд, ба вазир бахшида, эълом дошт, ки ангуштарии мулки мост, ба ту додем, муқаррар гардад, ки пас аз фармони мо мисолҳои Хоҷа аст» [23,205-170-91]. Инчунин Масъуд хитобан гуфт, ки касе ҳақи эътироз ба ин фармонро надорад.

Ҳамин тавр, Маймандӣ дар рӯзгори салтанати Масъуд сахт ба эҳтиром ва ҳашмат мезист ва то вақти охир Масъуд ӯро ба назари ҳурмат менигарист ва агар гоҳе ба насиҳатҳои ӯ гӯш намедод ҳурмати зоҳирии ӯро ҳеҷ вақт фурӯ намегузошт. Боре Ҳасирӣ мулозими Маймандиро дар Балх беҳурматӣ кард, бо васфи он ки вай аз бузургони боргоҳ буд. Султон бар ӯ хашм гирифт ва назди Маймандӣ фиристод ва ба маблағи зиёде ӯро ҷарима кард. Дар моҳи муҳаррами соли 424ҳ.қ./декабри соли 1032-январи соли 1033м. Маймандӣ дар Ҳирот мариз шуд ва султон Масъуд ӯро ба Ҳирот гузошта, қасди Нишопур намуд ва дар ҳоли маризӣ низ хост аз сахтгирӣ ва ташаддуд даст боз накашад. Масъуд дар Шодёх буд, ки хабари вафоти Маймандӣ расид ва султон сахт мутаассир шуд ва гуфт: «Дареғи Аҳмад, ягонаи рӯзгор, чун ӯ кам ёфт мешавад ва бисёр таассуф хӯрд...» [24,405].

Маймандӣ дар тӯли давраи вазораташ хидматҳои муҳим ва арзишмандеро дар барқарории адолати иҷтимоӣ ва шукуфоии илмӣ ва адабии кишвар анҷом дод ва ин шуҳрати фаровони ӯ бар чанд далели умда аст: Хатти тавқеоти бисёр машҳури ӯ дар он давра, баргардондани забони расмии девон аз забони форсӣ ба забони арабӣ, адолат ва амнияти нисбӣ, ки дар даврони вазорати ӯ дар кишвар барқарор буд ва аҳаммияти зиёд ба шеъру шоирон.

Абӯалӣ Ҳасан ибни Муҳаммад ибни Аббоси Миколи Нишопурӣ маъруф ба Ҳасанак (416-421ҳ.қ./1025-1030м.) аз вазирони номвари султон Маҳмуд ва аз мардони бузурги он рӯзгор аст. Ҳасанак аз хонадони машҳури Микоилиён буд,

ки ҳама аҳли илму дониш ва мардуми муҳташам буданд. Ӯ ибтидо раисии шаҳри Нишопурро бар уҳда дошт. Пас аз барканорӣ аз маснади вазорат ва зиндонӣ шудани Маймандӣ-Маҳмуд ба бузургони боргоҳ амр кард, ки номи мардони донову боабрӯ, ки шоистаи вазирӣ ҳастанд, ба ҳузури ӯ арз намоянд. Онҳо номи Абулқосими Ориз, Аҳмад ибни Абдуссамад ва Ҳасанаки Миколро навишта, назди султон фиристоданд [25,142]. Маҳмуд дар интихоби вазир мебоист аз миёни ин афрод якеро таъйин менамуд, зеро интихоб ба ҳавсалаю назари шахсии амир сахт марбут буд. Саранҷом аз миёни онҳо тасмим гирифт, ки Ҳасанак дар ин мақом накӯтар аст. Ба андешаи Маҳмуд давлатмандони дигар, ки ҳар як бар шуғлеву коре лоиқ буданд, ба вазорат кашондани онон боиси таъхири корҳо мегардад. «Ҳасанак ба алавинасаб ва камоли ҳасаб бар ҳама фоиқ аст» [26,142-263]. Ин дастури султон аз ҷониби аъёну аркони давлат пазируфта шуд ва худи Маҳмуд низ ба вай муҳаббати зиёд дошт, ҳатто аз камоли марҳамат ӯро Ҳасанак мегуфт. Ин буд, ки дар қиболи туҳмати қарматӣ задани Ҳасанак аз ҷониби халифаи Бағдод, султон Маҳмуд ба ӯ чунин ҷавоб дод, ки Ҳасанак парвардаи неъмат ва вазири мост. «Бад-ин халифаи харифшуда бибояд навишт, ки ман аз бахри кадри Аббосиён ангушт даркардаам дар ҳамаи ҷаҳон ва қарматӣ меҷӯям ва он чи ёфта ояд ва дуруст гардад, бар дор мекашам ва агар маро дуруст шудӣ, ки Ҳасанак қарматӣ аст, хабар ба амиралмуъминин расидӣ, ки дар боби вай чӣ рафтӣ. Вайро ман парвардаам ва бо фарзандону бародарони ман баробар аст ва агар вай қарматӣ аст, ман ҳам қарматӣ бошам» [27, 235]. Аммо баъд аз даргузашти Маҳмуд ин қазия обу ранги дигар гирифт ва марги мазлумона ё худ қиссаи қатли Ҳасанакро, ки дар замони Масъуд бо мунтаҳои бераҳмӣ анҷом пазируфт, ба бор овард. Ҳасанак дар ҳаёти Маҳмуд бо Муҳаммад алоқамандии зиёд дошт ва нисбат ба Масъуд суханони каму беш мегуфт, ҳатто яке аз наздикони султон Масъудро, ки Абдус ном дошт, гуфт: «Амиратро бигӯй, ки ман он чи кунам, ба фармони худованди худ мекунам, агар вақте тахти мулк ба ту расад, Ҳасанакро бар дор бояд кард» [28,231]. Байҳақӣ, ки ин достонро дар китоби худ бо тафсил ва эҳсоси баланд зикр мекунад, чунин менигорад: «Ва чокарону бандагонро забон нигоҳ бояд дошт бо худовандон, ки муҳол аст рӯбоҳонро бо шерон ҷахидан» [29,231].

Бад-ин тартиб Ҳасанак то соли 421ҳ.қ./1030м., яъне то охири айёми султон Маҳмуд дар он мансаб боқӣ буд [30,140-144] ва худи ӯ марди сарватманд буд ва бо таҷаммул ва ҳашмат мезист. Байҳақӣ ҳангоми омадани амир Масъуд ба Нишопур аз боғҳо ва сарвати вазир сухан ба миён меоварад ва мегӯяд: «Бинои Шодёхро ба фаршҳои гуногун биёроста буданд. Ҳама аз они вазир Ҳасанак, аз он фаршҳо, ки Ҳасанак сохта буд, аз ҷиҳати он биноҳо ки монанди он кас надошт, касоне, ки онро дида буданд дар ин ҷо набиштам, то маро гувоҳӣ диҳанд ва вақте дар замони Масъуд ӯро аз зиндон ба девон оварданд дар ҷавоби носазои Бусаҳли Завзанӣ аз иззат ва компронии худ чунин гуфт: «Хонадони ман ва он чи маро будааст, аз олату ҳашмату неъмат, ҷаҳониён донанд. Ҷаҳон хӯрдаму корҳо рондам ва оқибати одамӣ марг аст» [31,231]. Достони бар дор кардани Ҳасанак дар «Таърихи Байҳақӣ» бо насри шево ва

дилкаш нақл шудааст, ки саранҷом Масъуди Ғазнавӣ бо дасисаи Абусаҳли Завзанӣ, Ҳасанаки вазирро бо баҳонаи қарматӣ будан ва робита бо фотимиёни Миср ба дор овехт ва пайкарааш ҳафт сол бар дор бимонд, то ин ки ба дастури халифа поин кашиданд ва дафнаш карданд, чунонки кас надонист сараш куҷосту тан куҷост ва модари Ҳасанак зане буд сахт диловар, чунон шунидам, ки ду-се моҳ аз ӯ ин ҳадис ниҳон доштанд, чун бишнид бетобӣ накард, чунонки занон кунанд, балки бигрист ба дард, чунонки ҳозирон аз дарди вай хун гиристанд, пас гуфт: «Бузурго мардо, ки ин писарам буд, ки подшоҳе чун Маҳмуд ин ҷаҳон ба ӯ дод ва подшоҳе чун Масъуд он ҷаҳон» [32,242]. Ин достони ҳузнангези Ҳасанак бори дигар бунёди истибдодии салтанати Ғазнавиён ва хӯи кинатузонаи ғайриахлоқии шахсияти Масъудро нишон медиҳад.

Пас аз марги Маймандӣ вазорат ба Абунаср Аҳмад ибни Муҳаммад Абдусамади Шерозӣ, ки дар Хоразм вазири Ҳорун писари Хоразмшоҳ буд, расид ва ӯ аз соли 424 ҳ.қ./1032-1033 м. то соли 432 ҳ.қ./1040 м., [33, 50-51], то поёни умри султон Масъуд вазир боқӣ монд ва пас аз марги Масъуд муддати ду сол ҳам вазири султон Мавдуд буд. Ӯ илова бар кори девонӣ, дар заминаи низомӣ низ маҳорат дошт ва дар набард бо Алитекини Қарохонӣ сипоҳи Ғазнавиро аз хатар раҳонид ва дар даврони султон Масъуд муваффақ ба фурӯ нишондани шӯришҳои навоҳии Хатлон ва Тахористон шуд. Ҳамчунин дар соли 428 ҳ.қ./1036 м. Масъуд ӯро барои саркӯб кардани шӯриши Ҳирот фиристод. Бо марги Масъуд дар соли 432 ҳ.қ./1040 м. ва бар тахт нишастани Мавдуд дар Ғазна, ӯ низ Абдуссамади Шерозиро ба мақоми вазорат баргузид, аммо ин бор дар ин мақом чандон давом наёвард. Пас аз муддате бо дасисаи Артекин, сипаҳсолори Мавдуд ба маҳбас афтод ва масмум шуд ва ба ҷиҳати ин бадрафторӣ дар зиндон мурд.

Ба ҷуз вазирони ёдшуда дар ҷилдҳои боқимондаи «Таърихи Байҳақӣ» номи теъдоди дигаре аз вазирони Ғазнавӣ, аз қабили Тоҳири Муставфӣ (вазири Мавдуд Н.Н.), Абдураззоқ ибни Аҳмад ибни Ҳасани Маймандӣ, Тоҳир ибни Алӣ ибни Мушкон, Ҳасан ибни Меҳрон (вазири Фаррухзод Н.Н.), Абубакр ибни Абисолеҳ, Абусаҳли Хуҷандӣ, Абдулҳамид ибни Аҳмад ибни Абдуссамад (вазирони Иброҳим Н.Н.), Абумуҳаммад Ҳасан ибни Абимансури Қоинӣ сабт шудааст [34,144-147,193-195, 298-299], ки ҳар як дар корҳои сиёсӣ, иқтисодӣ ва иҷтимоӣ таъсири бевосита доштанд.

Хулоса, бо мушоҳидаи авроқи дафтари Ғазнавӣ, шоҳиди навъе ноамнӣ дар ин даврон ҳастем, ки ҳамаи аркони ҷомеа, ҳатто дарбориёнро гирифтор карда буд. Мутаассифона, дар ин миён вазирон бештар қурбонии ин ноамниҳо ва ғаразварзиҳои дарбориён мешуданд ва сарнавишти фаҷеъу мусибатборе насибашон мегардид. Агарчи ин вазирони хирадманд мероси кории шоистае аз худ гузоштанд, аммо дар баҳои ин хидмат ба истибдоди амирони Ғазнавӣ ва лашкариёни ғоратгари ӯ, ки махлуте аз миллали мухталиф буданд, гирифтор шуданд. Ҳеҷ як аз ин вазирон ба марги табиӣ намурдаанд. Чунонки пас аз 17 соли вазорат Абулаббос Фазл ибни Аҳмади Исфароинӣ ба марг маҳкум гардид

ва дар зиндон зери шиканҷа аз дунё рафт. Ҳасани Маймандӣ, ки ҷойгузини Исфароинӣ гашт, бо вуҷуди хидматҳои бемислаш ба зиндон андохта шуд. Ҳасанаки вазирро, ки маҳбуби султон Маҳмуд буд, ба баддинӣ, яъне бо ҷурми «қарматӣ» будан дар ҳузури мардуми шаҳри Балх ба дор заданд. Аҳмади Абдусамад, дигар вазири соҳибраъйи дарбор низ кушта шуд; ӯро захр доданд ва аз ин шаш тан вазироне, ки ном бурдем, се тан, Исфароинӣ, Ҳасанак ва Аҳмади Абдуссамад аз мақоми худ барканор шуданд ва ба сахтӣ ҷон супурданд, ки аз ин миён Маймандӣ мутаҳаммили фазоҳат шуд ва замони дароз ба зиндон нишаст. Бо он ки дар аҳди Ғазнавиён зери маснади вазирӣ хатароти маргафзо талотум мекард, ҳавохоҳони расидан ба ин мақом кам набуд ва ин талошу рақобатҳои шадид зери сояи фитнаву дасисаҳои алайҳи ҳамин муддаъиён ба авҷ мерасид.

АДАБИЁТ

1.Абушарафи Носеҳ ибни Зафари Ҷарфодқонӣ. Тарҷумаи Таърихи Яминӣ. Бо эҳтимоми Ҷаъфари Шиъор. –Теҳрон, 1345. -640 с. Тарҷумаи Таърихи Яминӣ. Муқаддима, таҳия, таҳшия, таълиқот, луғот ва феҳристи Н.И. Ғиёсов. –Хуҷанд: Ношир, 2013. -420 с.

2.В.В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Соч. В.9 т.-М. ИВЛ, 1963. -Т.1. -758 с.

3.Деххудо, Алӣ Акбар. Луғатномаи Деҳхудо. Ҷ.1. –Теҳрон: Донишгоҳи Теҳрон, 1372.

4.Муҳаммад Авфӣ. Ҷомеъу-л-ҳикоёт ва лавомеъу-р-ривоёт. Бо тасҳеҳи Каримӣ. –Теҳрон, 1352.-345 с.

5.Муҳаммад ибни Алӣ ибни Муҳаммади Шабонкорaӣ. Маҷмаъу-л-ансоб. Тасҳеҳи Мирҳошим Муҳаддис. –Теҳрон: Амири Кабир,1363.-347 с.

6.Мець Адам. Мусульманский ренессанс. Перевод с немец. и предисловия А. Е. Бертельса. –М., Наука, 1966.-458 с.

7.Саъолибӣ, Абумансур Абдулмалик ибни Муҳаммад ибни Исмоил. Тӯҳфат-ул-вузаро. Таҳқиқи Ҳабиб Алӣ. –Қоҳира: Офоқи арабӣ, 1420 қ./2000 м.

8.Сайфуллоҳи Муллоҷон. «Таърихи Масъудӣ»-и Абулфазли Байҳақӣ Муруре пиромуни сохтори идорию русумоти дарбори Ғазнавиён.-Душанбе: Ирфон,2013.- 239 с.

9.Уқайлӣ, Сайфуддин Ҳоҷӣ ибни Низом. Осору-л-вузаро. Ба тасҳеҳ ва таъликӣ Мирҷалолуддин Ҳусайнии Урмавии Муҳаддис. –Теҳрон: Иттилоот, 1364. -368 с., Халилуллоҳ Халилӣ. Салтанати Ғазнавиён. –Кобул: Амирӣ, 1333. -348 с.

10. Фахри Мудаббир. Муҳаммад ибни Мансур ибни Саъид. Одобу-л-ҳарб ваш-шуҷоъа. Ба тасҳеҳ ва эҳтимоми Аҳмад Саъиди Хонсорӣ. –Теҳрон, 1337. 346 с.

11. Фалсафӣ Насруллоҳ. Як вазири Эрондӯст//Ҳашт мақола. –Теҳрон, 1342. –с.191-209.

12. Хоҷа Абулфазл Муҳаммад ибни Ҳусайни Байҳақӣ. Таърихи Байҳақӣ. –Теҳрон, Ҳурмус, 1387. -970 с.

13. Хоҷа Абулфазл Муҳаммад ибни Ҳусайни Байҳақӣ. Таърихи Байҳақӣ. Таҳияи Сайфуллоҳи Муллоҷон. –Душанбе: Бухоро, 2014.-774 с.

14. Хондамир, Ғиёсуддин ибни Ҳумомуддини ал-Ҳусайни Хондамир. Дастуру-л-вузаро. Бо тасҳеҳ ва муқаддимаи Саъид Нафисӣ. –Теҳрон: Иқбол, 2535. -514 с.,

15. Ҷарфодқонӣ, Абушараф Носеҳ ибни Зафар.Тарҷумаи Таърихи Яминӣ. Ба кӯшиши Ҷаъфари Шиъор. –Теҳрон: Илмӣ ва фарҳангӣ, 1374.

16. Юсуфӣ Ғуломҳусайн. Коғази зар. –Теҳрон, 1368. -384 с.

17.Халилуллоҳ Халилӣ. Салтанати Ғазнавиён.-Кобул: Амирӣ, 1333. -348 с.

18. Ҳамин китоб

19.Хондамир, Ғиёсуддин ибни Ҳумомуддини ал-Ҳусайни Хондамир. Дастуру-л-вузаро. Бо тасҳеҳ ва муқаддимаи Саъид Нафисӣ. –Теҳрон: Иқбол, 2535. -514

20.Хоҷа Абулфазл Муҳаммад ибни Ҳусайни Байҳақӣ. Таърихи Байҳақӣ. Таҳияи Сайфуллоҳи Муллоҷон.–Душанбе:Бухоро, 2014.-774 с.
21.Ҳамин китоб
22. Шариф Мухаммад Мансур Мубаракшах. Адаб ал-харб ва-ш-шуджаат (Правила ведения войны и мужество). –Душанбе, 1997. -300с.
23.Хоҷа Абулфазл Муҳаммад ибни Ҳусайни Байҳақӣ. Таърихи Байҳақӣ. –Теҳрон, Ҳурмус, 1387. -970 с.
24. Байҳақӣ Абулфазл Муҳаммад ибни Ҳусайн. Таърихи Байҳақӣ.Ба кӯшиши Халил Хатиби Раҳбар.–Теҳрон, 1371.-1263 с.
25.Уқайлӣ, Сайфуддин Ҳоҷӣ ибни Низом. Осору-л-вузаро. Ба тасҳеҳ ва таълиқи Мирҷалолуддин Ҳусайнии Урмавии Муҳаддис. –Теҳрон: Иттилоот, 1364. -368 с.
26. Ҳамин китоб
27. Байхаки Абулфазл. Та’рихи Мас’уди. Перевод и примеч. А.К. Арендса. Изд. 2-ое доп. –М.; Наук, 1969. -1008 с.
28. Ҳамин китоб.
29.Байҳақӣ Абулфазл Муҳаммад ибни Ҳусайн. Таърихи Байҳақӣ.Ба кӯшиши Халил Хатиби Раҳбар. –Теҳрон, 1371.-1263 с.
30.Ҷузҷонӣ Минҳоҷи Сироҷ. Табацоти Носирӣ. Ба кӯшиши Абдулщай Ҳабибӣ. Ҷ.1-2. –Кобул, 1342. -684 с.
31.Байхаки Абулфазл. Та’рихи Мас’уди. Перевод и примеч. А.К. Арендса. Изд. 2-ое доп. –М.; Наук, 1969. -1008 с.
32. Байҳақӣ Муҳаммад ибни Ҳусайн. Таърихи Байҳақӣ. Мусаҳҳеҳ Азизуллоҳ Ализода. –Теҳрон: Фирдавс, 1387.-784 с.
33. Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. –М., Наука, 1964. –Т.1. -464с.
34. Сайфуллоҳи Муллоҷон. «Таърихи Масъудӣ»-и Абулфазли Байҳақӣ Муруре пиромуни сохтори идорию русумоти дарбори Ғазнавиён. Шариф Мухаммад Мансур Мубаракшах. Адаб ал-харб ва-ш-шуджаат (Правила ведения войны и мужество). –Душанбе, 1997. -300 с.

БАЪЗЕ МАЪЛУМОТ ПЕРОМУНИ ВАЗИРОНИ АҲДИ ҒАЗНАВӢ

Баррасии аснод ва манобеъи аҳди Ғазнавӣ шаҳодат медиҳад, ки навъе ноамнӣ ва бесуботӣ дар ин даврон гиребонгири ҳамаи қишри ҷомеа шуда буд, ҳатто дарбориёнро таҳти таъсири худ қарор дода буд.

Мутаассифона, дар ин миён бархе вазирон бештар қурбони ин ноамниҳо ва дасисабозиву фитнаангезии дарбориён мешуданд ва дар натиҷа, сарнавишти фаҷеъу мусибатборе насибашон мегардид.

Агарчи ин вазирони хирадманд мероси кории шоистае аз худ мегузоштанд, аммо дар баҳои хидматашон ба истибдоди амирони ғазнавӣ ва лашкариёни ғоратгари ӯ гирифтор шуданд, ки махлуте аз фурсатталабони миллали мухталиф буданд.

Ҳеҷ як аз ин вазирони бузург ба марги табиӣ намурдаанд. Чунонки пас аз 17 соли вазорат Абулаббос Фазл ибни Аҳмади Исфароинӣ ба марг маҳкум гардид ва дар зиндон зери шиканҷа аз дунё рафт. Ҳасани Маймандӣ, ки ҷойгузини Исфароинӣ гашт, бо вуҷуди хидматҳои бемислаш ба зиндон андохта шуд. Ҳасанаки вазирро, ки маҳбуби Султон Маҳмуд буд, ба иттиҳоми баддинӣ, ба ҷурми мансуби фирқаи «қарматиён» будан дар ҳузури мардуми шаҳри Балх ба дор овехтанд.

Аҳмади Абдуссамад, дигар вазири соҳибройи дарбор низ бо заҳр кушта шуд. Аз ин шаш тан вазирони номбурда се тан - Исфароинӣ, Ҳасанак ва Аҳмади Абдуссамад аз мақоми худ барканор шуданд ва ба сахтӣ ҷон супурданд. Танҳо Маймандӣ кушта нашуд, дар ҳоле ки мутаҳаммили фазоҳат гашт ва муддати дарозе муқими кунҷи зиндон монд.

Бо ин ки дар аҳди Ғазнавиён маснади вазирӣ хатари маргафзо дошт, ҳавохоҳони расидан

ба ин мақом кам набуданд ва ин талошу рақобатҳои шадид зери сояи фитнаву дасисаҳо алайҳи ҳамин муддаъиёни сиёҳбахт ба авҷ мерасид.

Бар асоси натиҷаи пажӯҳиш яқин метавон гуфт, ки вазирони аҳди Ғазнавӣ дар қиболи дар хатар афкандани ҷони худ, хонавода ва сарфи амволашон ба эҳё ва густариши ҳуввияти тоҷикӣ ҳиммат баста, дар ин замина хидматҳои шоёнеро анҷом додаанд.

Нақши ин вазирон дар он рӯзгор хеле муҳим буд, ба хусус, аз лиҳози тарвиҷи илм ва адаб худро муваззаф ба посдорӣ ва густариши фарҳанги тоҷикӣ меҳисобиданд, зеро худ аҳли илму адаб буданд. Ва ваҷҳи дигари муштарак, ки ин вузароро бо ҳам мепайваст, тоҷик будани онҳо буд.

Талош барои пос доштани фарҳанги тоҷикон, таъкид барои ба роҳ мондани забони форсӣ ва нашри он, инчунин талош барои ҳифзи суннани тоҷикӣ, густариши қаламрави ҷуғрофиёӣ, истиқлоли сарзамини тоҷикон ва эҳёи сиёсати тоҷикӣ, аз умдатарин шеваҳои хидмати ин вазирон дар густариши худшиносии миллӣ ва ҳуввияти миллӣ маҳсуб меёбад.

Калидвожаҳо: *вазирон, девон, даргоҳ, Ғазнавиён, Маҳмуд, Масъуд, Абулфатҳи Бӯстӣ, Абулаббоси Исфароинӣ, Аҳмад ибни Ҳасани Маймандӣ, Ҳасанак, Бусаҳли Ҳамдавӣ, Аҳмад Абдуссамади Шерозӣ.*

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О МИНИСТРАХ ПЕРИОДА ГАЗНЕВИДОВ

Изучение документов и источников периода правления Газневидов свидетельствует о том, что своего рода нестабильность и неустойчивость в этот период охватили все слои общества, даже придворных служащих.

К сожалению, в это время некоторые министры стали жертвами этой нестабильности, заговоров и интриг придворных, впоследствии чего их судьбы сложились трагично.

Хотя эти мудрые министры оставили достойное наследие, в обмен на свои услуги они подверглись произволу газневидских эмиров и их грабительских армий, состоявших из оппортунистов разных национальностей.

Ни один из этих великих везиров не умер естественной смертью. Например, после 17 лет службы Абул-Аббас Фазл ибн Ахмад Исфараини был приговорен к смертной казни и умер в тюрьме под пытками. Хасан Майманди, сменивший Исфараини, был заключен в тюрьму, несмотря на свои беспрецедентные заслуги. Главный министр Хасанак, любимец султана Махмуда, был повешен в присутствии жителей Балха по обвинению в богохульстве - принадлежности к секте «карматов».

Другой благоразумный министр, Ахмади Абдуссамад, также был умерщвлён ядом. Таким образом, трое из шести упомянутых выше министров, Исфараини, Хасанак и Ахмад Абдуссамад, были отстранены от должности и погибли трагической смертью.

Только Майманди не был убит, при этом терпя унизительные обвинения, долгое время оставался в тюрьме.

Несмотря на то, что при Газневидах должность министра была смертельно опасной, претендентов на этот пост было много, и эта ожесточенная борьба и конкуренция усиливалась и достигала своего апогея под сенью интриг и козней против этих горепретендентов.

По результатам исследования можно сказать, что министры династии Газневидов проделали большую работу по возрождению и расширению таджикской идентичности, жертвуя своими жизнями, своими семьями и своим имуществом.

Роль этих министров в то время была очень важна, особенно в плане развития науки и литературы, так как они считали себя обязанными сохранять таджикскую культуру, распространять её, ибо они сами были учеными и литераторами. И еще одна общая черта, объединявшая этих министров, заключалась в том, что все они были таджиками.

Усилия по сохранению таджикской культуры, упор на установление и распространение персидского языка, а также усилия по сохранению таджикской традиции, расширению

географической территории, независимости таджикской земли и возрождению таджикской политики являются основными заслугами этих министров по развитию национальной идентичности и самосознания.

Ключевые слова: *министры, диван, дворец, Газневиды, Махмуд, Мас'уд, Абулфатх Бусти, Абулаббас Исфароини, Ахмад ибн Хасан Майманди, Хасанак, Бусахл Хамдави, Ахмад Абдуссамад Ширази.*

SOME IHFORMATIOH ABOUT THE MINISTERS OF THE GHAZNAVID PERIOD

The study of documents and sources of the Ghaznavid period indicates that a kind of imbalance and instability during this period covered all sectors of society, even court servants.

Unfortunately, at this time, some ministers became victims of this instability, conspiracies and intrigues of the courtiers, after which their fates were tragic.

Although these wise ministers left a worthy legacy, in exchange for their services they were subjected to the arbitrariness of the Ghaznavid emirs and their predatory armies, which consisted of opportunists of different nationalities.

None of these great viziers died of natural causes. For example, after 17 years of service, Abu-l-Abbas Fazl ibn Ahmad Isfaraini was sentenced to death and died in prison under torture. Hassan Maimandi, who succeeded Isfaraini, was imprisoned despite his unprecedented merits. Chief Minister Hasanak, a favorite of Sultan Mahmud, was hanged in the presence of the inhabitants of Balkh on charges of blasphemy - belonging to the "Qarmatians" sect.

Another prudent minister, Ahmadi Abdussamad, was also killed by poison. And three of the six ministers mentioned above, Isfaraini, Hasanak and Ahmad Abdussamad, were removed from office and died tragic deaths.

Only Maimandi was not killed, while enduring humiliating accusations, he remained in prison for a long time.

Despite the fact that under the Ghaznavids, the post of minister was in mortal danger, there were many applicants for this post, and this fierce struggle and competition intensified and reached its climax under the shadow of intrigues and intrigues against these unfortunate applicants.

According to the results of the study, it can be said that the ministers of the Ghaznavid dynasty did a great job of reviving and expanding the Tajik identity, sacrificing their lives, their families and their property.

The role of these ministers at that time was very important, especially in terms of the development of science and literature, since they considered themselves obliged to preserve the Tajik culture and spread it, as they themselves were scholars and litterateur. And another common feature that united these ministers was that they were all Tajiks.

Efforts to preserve Tajik culture, emphasis on the establishment and dissemination of the Persian language, as well as efforts to preserve the Tajik tradition, expand the geographical territory, the independence of the Tajik land and the revival of Tajik politics are the main merits of these ministers in the development of national identity and self-consciousness.

Key words: *ministers, diwans, palace, Ghaznavids, Mahmoud, Mas'ud, Abulfath Busti, Abulabbas Isfaroini, Ahmad ibn Hasan Maimandi, Hasanak, Busakhl Hamdawi, Ahmad Abdussamad Shirazi.*

Сведение об авторах:

Нажотова Нигина Баротовна-кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и археологии исторического факультета Таджикского национального университета. Телефон: (+992) 918-33-71-78. E-mail: barotzodanigina@bk.ru

Иноятова Сайёхат Эркиновна-магистр 2-го курса кафедры истории древнего мира, средневековья и археологии исторический факультет Таджикского национального университета. Телефон: (+992) 988-60-84-25. E-mail:alt232675@gmail.com.

Information about the authors:

Najotova Nigina Barotovna-Candidate of Historical Sciences, Docent of the History Department of the Ancient World, Middle Ages, and Archeology, Tajik National University. Phone: (+992) 918-33-71-78. E-mail: barotzodanigina@bk.ru

Inoyatova Sayohat Erkinovna-second-year master of the Department of the History of the Ancient World, the Middle Ages and Archeology, Historical Faculty, Tajik National University. Tel: (+992) 988-60-84-25. E-mail:alt232675@gmail.com.

УДК 726 (581)

ХРАМ НАВБАХОР И БАРМАКИДЫ[4]

НИЯЗОВА А. У.,

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

Балх, один из древнейших городов Хорасана, являлся одним из важнейших центров цивилизации региона и считался местом слияния культур, традиций и обычаев Западной, Средней и Восточной Азии. Многие географы исламской эпохи описывали этот город, упоминая его границы, укрепления, крепости, его расположение и расстояния от него до других городов, некоторые же считали его резиденцией местных правителей Хорасана, известных как Тархан. Согласно некоторым историческим повествованиям, Балх был построен во времена правителя Лохрасба и сюда была перенесена столица из Истахра и по этому случаю Лохрасб стал именоваться с приставкой «Балхи». В надписи Бехсутуна среди стран империи Дария Ахеменида упоминается также Балх или Бактрия. Некоторые другие предания приписывали основание города Манучехру, сыну Ираджа, или Гоштасбу, сыну Лохрасба.

Город Балх в политическом отношении и в наиболее важных аспектах культуры и цивилизации принадлежит арийскому миру, в то же время он рассматривается как важнейший или один из важнейших центров других древних религий. Автор «Тар’ихи Джахонкушои Джувайни» пишет: «В древние времена Балх был подобен Мекке в восточных землях… В Балхе был выбран Навбахор, и верующие того времени считали это место священным, так же как арабы почитали Мекку» [13,103].

В персидско-арабских письменных исторических источниках, записях китайских паломников и западных путешественников наиболее упоминаемым из всех древних памятников города Балх несомненно является Навбахор или Новый храм. Новое – это ригидность, остающаяся в сознании даже после

[4] Статья написана на основе проекта «История таджикского народа» (III-век начало XX века), государственный регистратционный номер 0121TJ1211.

полного разрушения храма, и связанный с ней вопрос заключается в том, в каком веке этот знаменитый храм Балха действительно упоминается как новый храм?

Возникновение храма Навбахор привело к культурному обогащению города Балх, поэтому их истории неразрывно связаны друг с другом. Исторические источники сообщают, что храм Навбахор процветал как важный духовный центр в Хорасане между VII и XI веками и являлся одним из крупнейших древних святынь в регионе. По словам Табари, храм Навбахор находился примерно в миле (1.6 км) от города Балх [10, 4078].

Что касается религии хранителей Навбахора и принадлежности храма к буддизму или зороастризму, то нарративы средневековых историков настолько противоречивы, что комментировать их весьма затруднительно. Некоторые историки описывают его как храм идолопоклонников или храм Будды, другие же описывают как храм огнепоклонников.

Существуют различные сообщения о храме Навбахор Балха, его этимологии, проводившихся в нем ритуалах. «Навбахор» считается формой санскритского слова «Nava-vihara». Санскритское слово «vihara» в основном означал зал, где монахи ходили, разговаривали и видели друг друга, позднее эти залы были превращены в храмы. Первая часть слова «Nava-vihara» является однокоренной с персидским словом «новый», а вторая часть, которая на персидском языке переводится как «весна», означает монастырь или храм, тем самым в совокупности Навбахор означает «Новый монастырь» или «Новый храм». На санскрите «nava» означает новое, и оба слова теперь используются в этом языке. Некоторые ученые считают, что авестийское слово «vav» или «var», которое использовалось для обозначения «храма огня», было преобразовано на санскрите в «bara» и «vahar», а в пехлевийском словаре это слово упоминается как «wahar», «waharing» [15, 32].

Из письменных исторических источников, впервые дающих сведения о Навбахоре Балха, отметим «Записки о Западных странах (эпохи) Великой Тан» – воспоминания Сюань-цзана, буддийского монаха, философа и путешественника из Китая времен династии Тан [16].

В 630 году Сюань-цзан прибыл в Турфан и, двигаясь на юго-запад к Ташкенту, побывал в Самарканде. Город Самарканд в это время находился под влиянием Сасанидского государства. Переправившись через Амударью, Сюань-цзан направился на запад, в Балх, где увидел буддийский храм Навасангхарама (Навбахор), т.е. Новый монастырь. «Этот город (Балх), –пишет Сюань-цзан, – хотя и хорошо укреплен, но жителей в нем совсем мало… Монастырей около 100, монахов около 3000 человек… За пределами города, к юго-западу, стоит монастырь Навасангхарама, построенный древним царем этой страны… Здесь есть изваяние Будды, отделанное великолепными каменьями; дворы и помещения монастыря также украшены редкими драгоценностями. Древние владыки разных стран пытались силой добыть (эти сокровища)… В монастыре, в южном Зале Будды, хранится кувшин для

умывания, принадлежавший Будде… Переливается разными цветами и непонятно – металл это или камень? И еще хранится зуб Будды… цвета желто-белого, сияющий чистым светом… Всякий раз в праздник, устраиваемый в 6-й день (т.е. день накануне очередной фазы луны), собираются… и в определенном порядке совершают поклонение всем трем предметам» [16, 46].

Из этой цитаты становится ясно, что китайский паломник строительство храма Навбахор приписывает одному из древних царей страны, но не указывает его имени. Также, согласно сообщения Сюань-цзана, замечательная и значительная репутация храма Навбахор Балха в то время была обусловлена не только его величием, но и тем, что у него был тесный контакт с общественным духом, включая статую Будды и три его реликвии, такие как его зубы, чашка и метла [16, 46].

Паломники приезжали из ближних и дальних городов, чтобы совершить паломничество и посмотреть на этот храм. Вокруг этого высокого здания с большим куполом были расположены 360 благоустроенных домиков для проживания служащих и жрецов. Просветленные люди были поражены строительством обширными землями, которые имел в своем распоряжении храм Навбахор. Говорят, что когда дул ветер, полотнище флага из шелковой ткани, которое было прикреплено к шесту на куполе Навбахора, было видно из города Термез. Расстояние от Балха до Термеза составляло двенадцать фарсахов [2, 843].

Паломники, видевшие своими глазами вышеупомянутые буддийские памятные вещи в храме Навбахор, преподносили свои драгоценные дары и подарки, и упоминавшиеся в письменных исторических источниках информация о богатом имуществе храма Навбахор соответствовала действительности.

Мас’уди пишет, что «Навбахор был построен Манучехром в городе Балх в Хорасане, и каждый ответственный за этот храм (служитель храма) был уважаемым человеком перед правителем этого региона, и его указания одобрялись, и его правила соблюдались, и ему дарили много имущества, и этот храм имел вакуфное имущество (для благотворительных целей)» [8, 589].

Неизвестный автор географического трактата «Худуду-л-олам» (написан в 372 г.х./982-983 гг.), упоминая храм Навбахор как царское здание в Балхе, определяет его как место торговцев: «Балх – большой город и цветущий, столица падишахов в древние времена. В нем располагались царские здания с изящными обработками и были разрушены, и теперь называют его Навбахор и является местом торговцев» [20, 99; 19, 58].

Абулфазл Байхаки (995-1077) упоминает этот храм как буддийский [1, 349]. Низамулмулк (1018-1092) пишет, что Навбахор, который находится в Балхе, является древним аташкаде, т.е. храмом огня [14, 174]; также храмом огня его называют неизвестный автор «Муджмал-ут-таворих» (написан в 520 г.х./1126 г.) и автор «Хабиб-ус-сияр» Хондемир (1475-1535) [9, 51; 5, 232].

Некоторые средневековые авторы считают этот храм одновременно и

буддийским, и зороастрийским. Автор толкового словаря «Бурхони котеъ» Мухаммадхусайн Бурхон (род. в 1652 г. в Хайдарабаде), говоря об отце Халида Бармаки – Джаъфара Бармаки, пишет, что «вначале он был магом и попечителем Садонии, принадлежавшим Навбахору, буддийскому храму и храму огня Балха, и поклонялся огню» [12, 170].

Ссылаясь на «Бурхони котеъ», автор толкового словаря А. Деххудо пишет: «Навбахор – название статуи в Балхе, принадлежавшей к буддийским храмам. Его построил Бармак из первых Бармакидов, и наряжал его потолок и стены ярко-красной шелковой тканью» и далее говорит: «Некоторые говорят, что Навбахор – это название храма огня в Балхе… Когда Лохрасб состарился и передал Персидскую империю своему сыну Гоштасбу, он оставил свою резиденцию, именуемой Шадиах Нашбура, и приехал в Навбахор поклоняться Богу» [2, 843].

Во время халифа Муавии (661-680), когда Абдуллох ибн Омир захватил Хорасан, он уполномочил Ахнафу ибн Кайсу разрушить храм Навбахор [3,293; 6, 102]. В результате нашествий арабов на Хорасан было разрушено не только здание храма Навбахор, но было разграблено и его имущество. Разрушение этого древнего храма так подействовало на арабских писателей, что их описания стали причиной его известности и славы.

Сведения исторических источников о принадлежности храма Навбахор к той или иной религии насколько противоречивы, что среди исследователей возникало много вопросов. Некоторые называли его местом поклонения, связанным с зороастризмом, а некоторые считали эту большую святыню буддийским храмом.

В связи с этим приведем точку зрения ряда исследователей. Иранский исследователь Х. Пирниё пишет, что некоторые арабские историки считали храм Навбахор Балха храмом огня Персии, однако он был буддийским храмом, потому что слово «Навбахор» происходило от санскритского словосочетания «нава вихара», что означает «новый храм». Слово «бармак» было титулом главы буддийского храма. Семья Бармакидов, занимавшая высокие посты в халифате Харуна ар-Рашида, долгие годы служила в этом храме и взяла свою фамилию от буддийского титула Бармака [18, 2907].

«В районах Балха, – пишет Б. Шпулер, – буддизм более или менее смог утвердиться в качестве господствующей религии. Здесь существуют различные буддийские образовательные центры под названием «вихара», название которых сохраняются до сих пор в некоторых местах, таких как Навбахор в Балхе [4, 398-399]. Надо отметить, что комментируя слово «вихара», автор введения в переводе с китайского книги Сюань-цзана Н.В. Александрова пишет, что «вихара» – это место проживания монахов, обитель, включающая культовые объекты [16,355].

Новые исследования С. Саджджоди - подтверждают сообщения некоторых древних авторов о принадлежности храма Навбахор в Балхе к буддизму [15,37].

Хранителями и проводниками храма Навбахор были представители

аристократии Хорасана, предки могущественной фамилии Бармакидов, члены которой в трех поколениях, в течение почти сорока лет, занимали важнейший пост визира и держали в своих руках все нити государственного управления Аббасидского халифата. «Служитель храма, – пишет Мас'уди, – назывался «бармаком», и это звание было у любого, кто отвечал за заботу о храме, и имя Бармакидов вышло именно отсюда, потому, что Халид ибн Бармак (основатель династии Бармакидов при Аббасидского халифата) был выходцем из этого храма» [8,589].

«Бармакиды, – пишет Байхаки, – дети человека, который занимал должность духовного наставника одного из буддийских храмов города Балх, именно Навбахара, а «бармак», по-видимому, был общим титулом всех тех, кто достиг этого положения. Из этой семьи Халид принял ислам по призыву Абумуслима. Его сын Яхья проявил самоотверженность, чтобы привести Хоруна к халифату» [1,104].

В исторических источниках относительно выбора псевдонима Бармака существует другая версия, подобная легенде. Холид Бармакид, когда принял ислам, с женой и детьми поехал в столицу правителей Омейидов –Дамаск. Через несколько дней он пришел во дворец Сулеймана ибн Абдулмалика. Когда Сулейман обратил свой взор к Джафару, его цвет лица изменился, и он дал знак вывести его с собрания. Особые персоны и служащие собрания были удивлены таким приказом, и спрашивали его о причине такого поступка. Сулейман сказал: «У этого человека есть яд». Спрашивали: «Как тебе стало известно?». Он сказал: «Две бусы привязаны на моей руке, и всякий раз, когда приносят на собрание яд или ядовитую еду и ядовитого вина, они в соответствии со своим свойством грубо двигаются». Присутствующие спросили Джафара о случившемся. Он ответил: «Да, у меня под драгоценным камнем кольца имеется немного яда, чтобы я мог сосать его, когда мне больно».В связи с тем, что с персидского «сосать», «высасывать» переводится как «бармакидан» или «макидан», он и прославился как Бармак, а его потомки – как Бармакиды.

Очевидно, что это обоснование не имеет под собой никакой почвы, и поскольку авторы средневековых нарративных источников не смогли научно объяснить корень и этимологию слова, они обратились к таким комментариям. Новые исследования на эту тему более убедительны. Некоторые ученые проследили это слово в хутанских и тибетских текстах, и оно произошло, по их мнению, от санскрита «Parmukha», означающего «глава монастыря» или «лидер». Различные формы этого слова в этих текстах, по-видимому, использовались в качестве эпитета для лидера буддийской духовности. Понятно, что оно связано с санскритским словом «Pramukh», используемым народом Балха и переведен ими на арабский язык и стал «бармаком», заменив букву «п» на «б» [15,30-31].

Бармакиды до прихода ислама не только выполняли функции жрецов в Навбахоре, также на них была возложена должность учителя и воспитателя

[2,843].

Зикрия ибн Мухаммад ибн Махмуд Казвини (род.1203-04), автор книги «Осор-ул-билод ва ахбор-ул-ибод», пишет о Навбахоре следующее: «Во время распространения ислама правитель Хорасана, который был из Бармакидов, слышал, что у мусульман есть Кааба, и что Кааба почитается, и они начали подражать. Они построили храм идолопоклонничества, который назвали Навбахор. Внутри и снаружи они украсили его дорогим материалом, и шелком и украшениями из драгоценных камней, золота и серебра. И в каждом уголке этого храма они выставляли своих идолов» [6, 102].

В исторических источниках есть такое повествование. Во время халифата Усмана ибн Аффона Хорасан перешел к арабам, и в то время служителем храма Навбахор был Бармак, отец Халида и дед Яхьи, который был мудрым и дальновидным министром при Харуне Аббасиде. Этот Бармак отправился к Усмону ибн Аффону, изменив свое имя на «Абдуллох» и по велению халифа «Бармак принял ислам и принес в свой город документ, подтверждающий вероисповедание в обмен на многочисленные богатства, состоящие из золота и серебра» [6,102; 17, С.ی]. Тогда жители Балха восстали против него и выбрали одного из его сыновей служителем храма в Навбахоре. Низак Тархон, который был правителем этой области, написал ему письмо, убеждая его отказаться от новой религии и перейти в религию предков. Но Бармак не принял предложение Низака, в ответ тот разозлился и направился с войском в Балх и убил семью Бармака. Но один из детей выжил, сбежал в Кашмир со своей матерью и укрылся там. Бармак вырос в Кашмире, изучал науку о медицине и астрологию и был последователем религии своих предков. Чума и холера, которые охватили всю провинцию Балх, стали причиной, побудившей людей снова обратиться к своей исконной религии (религии предков) и призвать Бармака приехать в Балх и, тем самым, спасти людей. Бармак прибыл в Балх, где был радостно принят народом и назначен служителем храма Навбахор вместо своего отца. Он женился на дочери правителя Чаганиана, от которой у него родились трое сыновей - Хасан, Халид и Умар, и дочь по имени Умми Холид. Помимо этой женщины у Бармака были еще две жены из Бухары, от одной из которых у него родился сын Сулаймон ибн Бармак, а от другой – сын по имени Ибн Бармак и дочь по имени Уммулкосим [17, С. ی- یا].

«История Бармакидов» (Таърихи Баромака) гласит, что «когда ислам стал явным, и государство покинуло дом правителей Аджама, (Бармакиды) остались там (в Балхе), они хорошо знали устройство министерства, которое перешло к ним по наследству, и сами сочинили книги по формированию министерства. Когда их дети научились читать, писать и считать, тогда им дали эту книгу, чтобы они могли прочитать и изучить ее, и по характеру и во всех отношениях их сыновья стали подобно своим отцам» [17, 3]. Далее автор описывает начало отношений Бармака с Сулаймоном ибн Абдулмаликом Умави (715-718), которые являются одной из самых удивительных и невероятных историй. Тем не менее, становится ясно, что Бармакиды были связаны с халифатом в период

правления Омейядов, а затем в борьбе Омейядов и Аббасидов за халифат, Халид ибн Бармак, глава династии Бармакидов, присоединился к Абулаббасу Саффоху.

Халид ибн Бармак был одним из командующих армией Абумуслима в его битвах в Хорасане против правителей Омейядов. Ибн Асир рассказывает, что в 130 г.х./747-748 гг, «когда Абумуслим стал правителем Хорасана, Холид ибни Бармак был с ним» [7, 3246]. Хондемир пишет, что «в первые дни он (Халид ибн Бармак) был зороастрийцем и постоянно поклонялся огню в Навбахоре Балха» [5, 232]. Холид принимал участие во многих битвах против Омейядов и сыграл немаловажную роль в их свержении. В частности, Табари, описывая события 130 г.х. / 747-748 гг, пишет, что в битве Кахтабы ибн Шабиба (сподвижник Абумуслима) с Тамимом ибн Насром и Наби ибн Сувайдом, из сборщиков налогов Марвона Умави, Кахтаба отправил Мукотила ибн Хакима Акки с тысячей человек и Холида ибн Бармака с тысячей людей. Но в том сражении Мукотил и Холид Бармаки потерпели поражение, а когда Кахтаба пришел им на помощь, они одержали победу [11, 4034-4035].

Таким образом, сведения китайского монаха Сюань-цзана бесспорно свидетельствует о том, что накануне арабского завоевания Хорасана Навбахор был буддийским храмом и его ритуалы и обряды были связаны с поклонением буддизму. Бармакиды из знатной семьи Хорасана служили в храме Навбахар несколько поколений, прежде чем приняли ислам.

ЛИТЕРАТУРА

1.Абулфазл Мухаммад ибн Ҳусайн Байҳақӣ. Таърихи Байҳақӣ. (История Байхаки). 4-тое издание. Подготовил к печати. Х. Хатиб Рахбар. Т.1. Тегеран: Из-во Махтоб, 1374. -391 с.
2.Али Акбар Деҳхудо. Луғатнома. Т.48. Под. редак. М.Муин. Тегеран, 1346 г.ш. -501-1066 с.
3.Ахмад ибн Яхя ал-Балазури. Футух-ул-булдон. Перевод О.Озарнуш. Тегеран: Интишороти Бунёди фарҳанги Эрон, 1346. -467 с.
4.Бертолд Шпулер. Таърихи Эрон дар қуруни нахустини исломӣ (История Ирана в первых исламских веках. Т.1. 4-ое издание. Тегеран: Издательство науки и культуры, 1373.-510 с.
5.Гиясуддин ибн Хумамуддин Хондамир. Таърихи Хабиб-ус-сияр (История Хабиб-ус-сияр). Т.2. Издание 4-тое. Тегеран, 1380. -824 с.
6.Зикриё ибни Муҳаммад ибни Маҳмуди Қазвинӣ. Осор-ул-билод ва ахбор-ул-ибод. Тарҷумаи А. Шарафкандӣ. Теҳрон, 1366. -271 с.
7.Иззуддин ибни Асир. Таърихи комил. Т.7. Третье издание. Перевод С. Рухони. Тегеран: Асотир, 1383 ҳ. ш. С.2841-3353.
8.Масъуди Абулхасан Али ибн Ҳусейн. Муруджу-з-захаб. Т.1. Тегеран: Илми ва фарҳангӣ, 1357. -785 с.
9.Муджмал-ут-таворих вал-кисас. Под. к печати М.Бахор. 2-ое издание. Тегеран, 1318. -527 с.
10.Мухаммад Джарири Табари. Таърихи Табари (История Табари). Перевод с арабского на персидский А. Поянда. Т.9. 5-ое издание. Тегеран: Асотир, 1375. С. 3759-4182.
11.Мухаммад Джарири Табари. Таърих-ур-русули вал-мулук. Книга 6. Перевод с арабского на перс. А. Поянда. Редак. Н. Амиршохи. Душанбе: Муассисаи давлатии Сарредаксияи илмии Энсиклопедияи миллии тоҷик, 2014. -712 с.
12.Мухаммадхусайн Бурхон. Толковый словарь «Бурхони котеъ». Подготовка текста с предисловием и комментариями А. Нурова. Душанбе: Адиб, 1993. -416 с.

13.Муҳаммади Ҷувайнӣ. Таърихи Ҷаҳонкушои Ҷувайнӣ. Ҷилди 1. Тасҳеҳи М. Қаз-винӣ. Теҳрон: интишороти Афросиёб, 1382. -290 с.
14.Низамулмулк. Сиасетнаме. Перевод, введение в изучение памятника и примечания профессора Б.Н.Заходера. Москва-Ленинград: Из-во АН СССР, 1949. -379 с.
15.Саид Содики Саджджади. Таърихи Бармакиён (История Бармакидов). Тегеран, 1385 -488 с.
16.Сюань-цзан. Записки о Западных странах (эпохи) Великой Тан (Да Тан си юй йзи). Введение, перевод с китайского и комментарий Н.В. Александровой. Москва: Из-во Восточная литература, 2012. - 463 с.
17.Таърихи Баромака. Муқаддима: Ахбори Баромака. Чопи аввал. Ба эҳтимом ва тасҳеҳ ва муқаддимаи таърихӣ ва адабии Мирзоабдулазимхони Гургонӣ, Теҳрон, 1313 ҳ.х/1934. -368 с.
18.Ҳасани Пирниё. Таърихи Эрони бостон (История древнего Ирана). Т.4. Тегеран, 1375. - С.2862-3019.
19.Худуд-ул-олам. Под. к печати А. Хасанов. Душанбе: Бухоро, 2014. - 588 с.
20.Худуд-ул-олам. Под. к печати М. Сутуда. Тегеран, 1362. - 252 с.

ХРАМ НАВБАХОР И БАРМАКИДЫ

В данной статье автор рассказывает об одном из древних храмов в Балхе, под названием Навбахор и его служителях - Бармакидах. Балх – один из древнейших городов в истории таджикской цивилизации, и недаром в исторических источниках этот город именуется «уммулбилод», т.е. мать городов. О принадлежности храма Навбахор к той или иной религии существуют разные сведения в исторических источниках. Одни авторы относят его к зороастризму, другие к буддизму. Судя по всему, этот храм был буддийским храмом накануне арабского завоевания. В этом храме служили Бармакиды из знатного рода Хорасана, от которого и взяли свою фамилию. Халид Бармакид, который был первым членом семьи Бармакидов, принявшим ислам, принимал участие в борьбе Абумуслима за приход к власти Аббасидов. На протяжении трех поколений династия Бармакидов занимала высокие посты, включая министерские в Аббасидском халифате.

Ключевые слова: *Навбахор, зороастризм, буддизм, Балх, Хорасан, Бармак, Бармакиды, Манучехр, Ирадж, Гоштасб, Лохрасб, Сюань-цзан, Амударья, Абулаббас Саффох, Абумуслим, Халид ибн Бармак.*

МАЪБАДИ НАВБАҲОР ВА БАРМАКИЁН

Дар ин мақола муаллиф дар бораи яке аз маъбадҳои бостонӣ дар Балх, бо номи Навбаҳор ва хидматгузорони он-Бармакиён сухан мекунад. Балх дар таърихи тамаддуни халқи тоҷик, яке аз шаҳрҳои бостонӣ ба ҳисоб меравад ва бесабаб нест, ки дар сарчашмаҳои таърихӣ аз ин шаҳр бо номи «уммулбилод», яъне модари шаҳрҳо ёд мекунанд. Дар бораи маъбади Навбаҳор, ки марбути кадом дину ойин аст, дар сарчашмаҳои таърихӣ ахбори мухталиф вуҷуд дорад. Иддае аз муаллифон онро марбути дини зардуштӣ ва иддаи дигар онро маъбади буддоӣ зикр кардаанд. Яқинан ин маъбад дар арафаи ишғоли арабҳо, маъбади буддоӣ будааст. Бармакиён, ки аз хонадони ашрофи Хуросон буданд, дар ин маъбад хидматгузорӣ намуда, номи хонаводагии худро аз ин гирифтаанд. Холиди Бармакӣ, ки нахустин шуда аз миёни намояндагони хонадони Бармакӣ исломро қабул кард, дар муборизаҳои Абумуслим барои ба сари қудрат омадани Аббосиҳо ширкат кардааст. Хонадони Бармакӣ дар се насл мақомҳои баланд, аз ҷумла вазоратро дар хилофати Аббосиён ба уҳда доштанд.

Калидвожаҳо: *Навбаҳор, зардуштия, буддоия, Балх, Хуросон, Бармак, Бармакиҳо, Манучеҳр, Эраҷ, Гуштосб, Луҳросб, Сюан-тсзан, Амударё, Абулаббоси Саффоҳ, Абумуслим, Халид ибни Бармак.*

TEMPLE NAVBAKHOR AND BARMAKIDY

In this article, the author talks about one of the ancient temples in Balkh, called Navbakhor, and its attendants - the Barmakids. Balkh is one of the oldest cities in the history of Tajik civilization, and it is not for nothing that this city is called «ummulbilod» in historical sources, - mother of cities. There are different information in historical sources about belonging of Navbakhor temple to any religion. Some authors attribute it to Zoroastrianism, others to Buddhism. Apparently, this temple was a Buddhist temple on the eve of the Arab conquest. Barmakids from the noble family of Khorasan served in this temple, from which they took their surname. Khalid Barmakid, who was the first member of the Barmakid family to convert to Islam, took part in Abumuslim's struggle to bring the Abbasids to power. For three generations, the Barmakid dynasty held high positions, including ministries in the Abbasid Caliphate.

Key words: *Navbakhor, Zoroastrianism, Buddhism, Balkh, Khorasan, Barmak, Barma-kids, Manuchehr, Iraj, Goshtasb, Lokhrasb, Xuan-tsang, Amu Darya, Abulabbas Saffoh, Abumuslim, Khalid ibn Barmak.*

Сведения об авторе:

Ниязова Азиза Уктамовна-соискатель Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша. Адрес: 734025 г. Душанбе, проспект Рудаки, 33. E-mail: Aziza670302@mail.ru

Information about the author:

Niyozova Aziza Uktamovna- researcher of Institute of History, Archeology and Ethnography named after Ahmadi Donish. Address: 734025 Dushanbe city, Republic of Tajikistan, Rudaki Avenue, 33. E-mail: Aziza670302@mail.ru

УДК 9 (575.3)

СОЦИАЛЬНО – ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ В 1918-1923 ГОДАХ[5]

АКРАМОВ М.И.,

Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша

Победа Октябрьской социалистической революции в России создало решаю-щие условия для установления Советской власти на национальных окраинах империи, в том числе на территории Таджикистана. Необходимо отметить, что центральная и южная часть современного Таджикистана входила в указанный период в Восточную Бухару, которая до 1923 года была охвачена гражданской войной и разгулом басмаческих бандформирований. Северный Таджикистан находился в составе Туркестанской Автономной Советской Социалистической республики, где Советская власть установилась 30 апреля 1918 года. Это определило то, что социально – экономические преобразования проходили на территории исторического Таджикистана неравномерно, по мере установления и укрепления Советской власти в тех или иных областях. В то

[5] Статья написана на основе проекта «История таджикского народа» (Таджикистан в период Советского саюза), государственный регистратционный номер 0121TJ1200.

время как в Северном Таджикистане новая власть приступила к новым социально - экономическим преобразованиям, в центральном и южном Таджикистане шли боевые действия против сторонников эмирского режима и в лице представителей басмаческого движения.

Трудящиеся Средней Азии под руководством партии большевиков во главе с В.И. Лениным и при помощи российского пролетариата к весне 1918 года завершили установление Советской власти на всей территории Туркестана, и приступили к её упрочнению. Началась ломка буржуазно – помещичьего государственного аппарата. Вместо аппарата колониального гнёта создавался новый - Советский государственный аппарат.

Социально - экономические преобразования в зависимости от военно-политической ситуации успешно проводились в зависимости от того, где Советская власть быстрее создавала свои органы управления в лице революционных комитетов.

Власть Бухарского эмира пала 2 сентября 1920 года. 10 августа 1920 года были образованы Всебухарский ревком во главе с Ахмеджаном Абдусаидовым и правительство - Совет Народных Назиров под председательством Файзуллы Ходжаева. Для решения социально-экономических задач в составе Совета Народных Назиров были учреждены следующие назираты: просвещения под руководством Х.Ю. Пулатова, земледелия – А. Мухиддинова, внутренних дел – М. Саиджанова, финансов – У. Пулотходжаева, госконтроля – Н. Хусаинова, юстиции – М. Бурханова, по военным делам – Б. Шегабуддинова, иностранных дел – Ф. Ходжаева [12, 36].

Восьмого октября 1921 года на 1-м съезде (курултае) народных представителей было принято историческое решение, провозгласившее Бухару Народной Советской Республикой, в которой власть принадлежит рабочим, дехканам, составляющим большинство населения страны и управляется посредством местных и центральных Советов, избираемых путём открытого голосования.

На втором съезде (курултае) народных представителей, прошедшем 18 сентября 1921 года, была утверждена Конституция БНСР, которая закрепила переход государственной власти в руки трудового народа. Важным моментом принятия Конституции БНСР было определение государственного языка. Таджикский язык, который на протяжении тысячилетий был официальным языком на территории исторического Таджикистана, входившей в разное время в различные государственные образования не был принят во внимание. Под влиянием пришедших к власти в БНСР людей, охваченных идеями пантюркизма во главе с Ф. Ходжаевым, не признававшего факт преобладания большинства таджикскоязычного населения в Бухаре, 11 марта 1921 года Совет Народных Назиров БНСР объявил государственным языком «тюркский». Это была сознательная историческая ошибка, цель которой в преспективе уменьшить роль таджикского народа в государственном управлении и права обладания своими исконно таджикскими территориями в период национально-

территориального размежевания Средней Азии.

К этому времени бежавший в Восточную Бухару эмир Алимхан в сентябре 1921 года созывает курултай, на котором присутствовали эмирские чиновники, представители басмаческого движения в Туркестане, Бухаре и Хорезме, русские белогвардейцы, английские и афганские советники. На курултае было принято решение объединить все антисоветские силы в Средней Азии в борьбе с новой властью.

Активную деятельность развернули панисламисткая организация «Шура-и-Улема» («Совет духовенства») и пантюркистская «Иттихад ва тараки» («Единение и прогресс»). Они поднимали население на борьбу под флагом «защиты ислама», «туркестанской автономии», подстрекали к вступлению в отряды «борцов за ислам» Иргаша, Мадаминбека и других курбаши. Эта деятельность удачно ложилась на радикальные, непродуманные хозяйственные и политические реформы новой власти: запрет торговли на базарах, монополизация и конфискация хлопка, разрушение привычного уклада жизни.

Уходя от преследования Красной Армии через Восточную Бухару, эмир Алимхан сумел организовать широкое басмаческое движение по всей её территории [14]. Этот факт определил сроки начала социальных и экономических мероприятий в Восточной Бухаре с 1920 года в локальных местностях, где были расквартированы войска Красной Армии.

17 декабря 1920 года для ликвидации войск эмира в Восточной Бухаре, освобождения ее от басмаческих банд военным путём и установления Советской власти была организована Гиссарская военная экспедиция под командованием Марсова. Организация данной военной компании оказалась успешной и к 1 маю 1921 года была освобождена основная часть Восточной Бухары за исключением Калаихумба [6].

На освобождённых территориях создавались органы Советской власти, и проводилось новое административно-территориальное деление - были образованы Гиссарский, Курган-Тюбинский, Кулябский и Гармский вилояты. На местах создавались вилоятские, туманские и кентские ревкомы [7, 266]. По причине сложной экономической ситуации и проблеме снабжения продовольствием специальные отряды проводили массовые продовольственные изъятия, изымая излишки продовольствия, зерна и скота у населения в форме продразвёрстки, что не могло не вызвать волну негодования у местных жителей.

Только лишь к осени 1921 года было изъято 1,5 млн. пудов хлеба. Многие жители по причине столь жёстких мер покидали места своего проживания. Первыми эмигрировали скотоводы, привыкшие к кочевому образу жизни. Беженцы частично отправлялись в горы, труднодоступные места, часть населения эмигрировала за границу в Афганистан. Только в 1921-1922 годах 250 тыс. человек покинули территорию Восточной Бухары и осели на территории Афганистана. В своём письме в Москву председатель Совета Народных Назиров БНСР Ф. Ходжаев сообщал: «…мясная разверстка в

республике была выполнена с помощью русских вооружённых отрядов и вызвала ненависть масс к русским вообще и к Красной Армии в частности» [8, 266]. Продотряды проводили реквизиции и расправы с «кулаками» и «приверженцами эмира».

Подобная политика тотальной продразвёрстки не могла сыграть положительную роль в деле укрепления Советской власти в Восточной Бухаре. Духовенство и влиятельные лица разжигали религиозный фанатизм и ненависть к новой власти, создавали отряды моджахедов для участия в священном джихаде против неверных, осквернявших традиции местных жителей.

Осознавая всю сложность ситуации и потерю опоры в лице трудящихся масс, Советское правительство пошло на ряд мер по улучшению отношений с местным населением. В частности, председатель Всебухарского ревкома А. Мухиддинов в сообщении в Туркомиссию ВЦИК настаивал на том, что Красная Армия должны воздержаться от прямого сношения с населением, а советские и хозяйственные работники обязаны строго считаться с обычаями местного населения, строго защищать традиции и нравственный образ, быт населения. Необходимо было поддержать трудящиеся массы материально и не проводить нецелесообразных конфискаций, разрешить свободную торговлю и выделить необходимое количество денег, товаров, орудий труда. Бухарское правительство направило в Восточную Бухару 300 млн. рублей и 20 тыс. аршинов мануфактуры. Ускорено проводилось формирование национальных воинских частей и подразделений милиции. Был создан штаб по решению вопросов между населением и воинскими подразделениями. Среди населения появлялись инициативные люди, проводящие идеологическую и разъяснительную работу среди населения о том, что Советская власть ставит целью освобождения трудящихся масс от гнёта феодалов - баев, беков, эмирских сподвижников и эта власть – власть народа и что все земли будут розданы в пользование беднейшим слоям населения, так же будут обеспечены посевными культурами и орудиями труда.

Начало гражданской войны полностью изменило экономическую ситуацию в стране. Те решения и меры которые были приняты и призваны осуществить экономические преобразования Советского правительства, должны были реализовываться в условиях продолжающейся гражданской войны. Необходимы были органы, выполняющие военно-административное управление, Такими органами стали революционные комитеты. 14 сентября 1920 года был сформирован Центральный Революционный Комитет, как высший законодательный и контролирующий орган БНСР. Цели и задачи ревкомов определялись положением о местных ревкомах, утверждённым Центральным Ревкомом 22 сентября 1920 года. На основании этого документа были сформированы ревкомы в вилоятах, туманах и кентах. В кишлаках формы администрирования оставались традиционным-собрания аксакалов, утверждённых кентскими ревкомами. Должности аксакалов – арбобы и амины

были поставлены в зависимость и под контроль Назирата земледелия. Таким образом, новая Советская власть до определённой поры сохраняла старые и использовала новые формы администрирования по основным вопросам экономической политики, связанной с землёй, водой и ирригационными сооружениями - каналами, водокачками и т. д. [11,47].

Война внесла свои коррективы в осуществление новых принципов и задач экономической политики страны. В промышленном секторе Советское государство перешло к политике трудового контроля над производством и распределением промышленных товаров, а также к политике немедленной национализации предприятий стратегического и военного значения. Но в процессе решения социально - экономических вопросов Советская власть столкнулась со сложностью кадровой политики в формировании органов как центральной власти, так и органов местной власти. В результате нередко в государственных структурах оказывались лица, не имевшие никакого представления об административной работе. Их выбирали по социальному признаку – из числа неграмотных и бедных дехкан, арбакешей, кустарей и ремесленников. Ещё более опасным было то, что во многие ревкомы вошли лица, откровенно злоупотреблявшие своим служебным положением. В период новых социально-экономических преобразований они усугубляли положение трудящихся масс, принимая ущербные решения и несправедливые изъятия продовольствия, унижали честь и достоинство людей со своим традиционным укладом жизни [7,89].

Учитывая сложную военно-политическую ситуацию в республике, правительство БНСР 17 марта 1922 года создало чрезвычайную Диктаторскую комиссию. В Восточной Бухаре для ведения особой политики противодействия антисоветской деятельности Чрезвычайная Диктаторская комиссия была создана 2 января 1922 года [7,251-252]. В неё вошли Насыр Хакимов, Алимджан Акчурин, Ахмад Камалов, Равшан Баймурадов, Ходжи Зайнулла Закирьяев. Главной задачей Диктаторской комиссии было наведение революционного порядка в районах борьбы с басмачеством и восстановление Советской власти в освобождённых районах. При Диктаторской комиссии находились экономический совет, отделы госконтроля, юстиции (в составе которого находились совет казиев и сиротская касса), земельно-водный, строительный, ренвоеннтрибунал, управление охраны, отдел лечебных заведений, транспортный, народного просвещения, черезвычайный финансовый комитет, ушркомиссия (продовольственная комиссия) [10, 328].

Одним из важных вопросов в становлении советских органов власти были суды. Власти БНСР, не учитывая психологию дехканства, в 1919 годы ликвидировали казийские суды [8, 289]. Дехканство не было готово принимать новые формы народных судов. Было решено вместо старых казийских судов образовать народные казийские суды.

Народные казийские суды содержались за счёт государственного бюджета, и достигли в августе 1923 года количества 65 судебных учреждений, 17 из

которых действовали в Восточной Бухаре под надзором Назирата юстиции. При каждом вилоятском казии осуществляли деятельность четыре нотариуса, один муфтий, два переписчика, один счетовод, казначей и десять милиционеров. Суды казиев имели право разбирать исключительно гражданские дела. Восемнадцатого декабря Президиумом Всебухарского ЦИКа и Совета Народных Назиров было утверждено «Положение о судах казиев БНСР», согласно которому казии избирались на один год Назиратом юстиции и утверждались Всебухарским ЦИКом. В результате предпринятых мер, выросло доверие населения к новым органам власти.

Укрепление Советской власти в Восточной Бухаре напрямую зависело от поддержки населения. В связи с этим наряду с социально-экономическими мерами по поддержке трудовых народных масс, Среднеазбюро решило упразднить Чрезвычайную Диктаторскую Комиссию и создать Исполнительный комитет Восточной Бухары с центром в Душанбе [13].

Одним из краеугольных моментов взаимоотношений между новой Советской властью и народом был Земельный вопрос. 5 октября 1920 года Центральным Революционным комитетом БНСР был обнародован Декрет о земле. По данному вопросу разгорелись споры. Радикально настроенные коммунисты во главе с секретарём ЦК БКП Н. Хусаиновым и членом ЦК А. Акчурина ратовали за полную национализацию земель, в том числе вакфных, без учёта специфики экономики республики, психологии местного дехканства, сильного влияния на народные массы религиозных убеждений. Они считали, что между Социалистической революцией в России и Народной Бухарской революцией нет различий, следовательно, нет и существенных социально-экономических различий в реализации земельной реформы по типу российской национализации земли.

Правые силы во главе председателя ревкома БНСР А. Мухиддинова выступала против национализации земли, считая, что в Бухаре произошла буржуазно – демократическая революция, и по этой причине сохранить крупную земельную собственность и содействовать капиталистической форме хозяйствования.

Третья группа - центристов во главе председателя Совета Народных Назиров Ф. Ходжаева-выступали за умеренную аграрную политику. Суть данного подхода заключалась в том, что необходимо было растянуть во времени проведение конфискации эмирских, байских и вакфных земель соотносительно с созреванием условий для дальнейшего углубления революционных преобразований. По мнению центристов, радикальная национализация земель в условиях классовой борьбы в стране могла усилить лагерь контрреволюционных сил и ослабить позиции революционных сил в результате потери поддержки среди промежуточных социальных групп.

Второго февраля 1921 года Центральный Ревком принял новый вариант Декрета о земле, который предусматривал дальнейшее углубление земельной реформы по социалистическому пути. Однако национализация земель

проходила неравномерно. Если в центральных и западных районах БНСР она шла без промедлений и тотально, то в Восточной Бухаре, охваченной боевыми действиями, национализация и перераспределение земель проходило очагово вокруг военных гарнизонов Красной Армии.

Особое значение в формировании новой экономической системы имела налоговая политика Бухарского правительства, так как вопрос налогового обложения был тесно связан с землепользованием. Экономика БНСР носила аграрный характер. На начальном этапе социалистического строительства были отменены старые налоги – хараджи, аминоны и др. Однако военно-политическая ситуация требовала снабжения войск Красной Армии продовольствием и фуражом. В этих целях 11 октября 1920 года Центральный ревком БНСР принял декрет «О снабжении населения и войск продовольствием», который предусматривал освобождение трудящихся от зависимости спекулянтов на базарах и крупных перекупщиков хлеба и установление порядка заготовки сельскохозяйственной продукции на основе продовольственной разверстки. Размер продразвёрстки устанавливался ревкомами, а в отдельных дехканских хозяйствах-аксакалами. За сданную продукцию власти рассчитывались 50% процентами продовольствия и 50% деньгами.

Восемнадцатого октября 1920 года Центральным Ревкомом БНСР было принято постановление о принудительном выкупе хлопка, каракуля, шерсти, мануфактуры у крупных торговцев. Исключения допускались на товары, приобретённые для личного пользования, а не для торговли. Хотя данная политика продразвёрстки была направлена против зажиточных слоёв населения, она часто применнялось и против бедных дехкан. Допускались злоупотребления и перегибы ответственными лицами в проведении продразвёрстки, что приводило к разорению сельского хозяйства в целом. Ставя целью выполнения и перевыполнения установленной нормы продовольственной развёрстки, конфисковались излишки не только у зажиточных дехкан и середняков, но и у бедных дехкан. Подобные меры приводили к тому, что многие люди массово покидали свои места жительства, уходили за границу или присоединялись к повстанческим отрядам [7, 351]. Озабоченность руководства БНСР негативными последствиями неизбирательной продразвёрстки привела к тому, что 20 января 1921 Центральный Ревком БНСР издал распоряжение « О порядке проведения продовольственной развёрстки» [5,34]. Местным ревкомам было указано проводить продовольственную развёрстку в зависимости от мощностей и состояния хозяйств и не применять её в отношении хозяйств, не имеющим излишки продовольствия. Однако, несмотря на то, что Советское правительство пыталось сохранить баланс между собираемыми налогами в виде продразвёрстки и расходов на содержание армии, милиции и государственного аппарата, республика не могла избежать бюджетного дефицита в экономике. Были восстановлены некоторые виды налогов:

натуральные налоги (ушр, закоти савои), промысловый налог, таможенный налог, актовый налог на оформление различных документов.

Двадцать шестого ноября 1921 года ЦИК БНСР принял закон «О государственных налогах», который закрепил виды и размеры налогов: ушр - в размере 1/10 части урожая, закот – в размере 1/40 части товаров, реализуемых на базаре, закоти савои – одну голову с 40 голов скота, двух - со 120, свыше 120 - трёх голов скота, богпули – налог с виноградников – с каждого танапа взымалось 24 фунта кишмиша, кашпули – налог с дыневых посевов - в размере 20 таньга с танапа, бедапули – налог с клеверных посевных площадей по 6 таньга с танапа, налог с мельниц – в соответствии с мощностью и пропускной способностью, налог с золотых приисков – по размеру довоенного времени, арендная плата – налог с продавцов за занимаемые ими места на базарной площади. Кроме них были введены новые формы налогов. В результате преобразований в налоговой сфере улучшилось финансовое положение республики. В 1923 году в доход казны республики поступило только с поземельных налогов порядка 3 млн. рублей. За соблюдением исполнения закона на местах создавались специальные комиссии в составе амлакдора, амина, аксакала, председателя исполкома и трёх представителей дехкан [7,296].

Наряду с налоговыми мероприятиями руководство БНСР для восстановления сельского хозяйства решило оказать помощь трудовому дехканству в виде денежных средств, сельскохозяйственного инвентаря, посевных семян, рабочего скота и орудий труда. В рамках «Фонда для помощи нуждающимся крестьянам» учреждённого 24 декабря 1921 года, дехканам было распределено более 5 тысяч голов рабочего скота, 130 тысяч пудов посевных семян хлопчатника, выделено 5 млн. таньга для посевных семян пшеницы, ячменя и хлопчатника [7, 297].

С целью обеспечения орудиями производства Сельскохозяйственный банк открыл банковский кредит в 340 тысяч рублей для Восточной Бухары для организации кустарно-производственной артели для изготовления кетменей, вил, лопат и других сельскохозяйственных орудий туземного типа. В целях механизации сельского хозяйства Бухары банк передал кредитным товариществам сельскохозяйственные машины.

Аграрная экономика БНСР нуждалась в решении важного вопроса водопользования. Третьего апреля 1921 года Советом Народных Назиров был принят декрет «Положение о пользовании водами в БНСР». Согласно этому декрету, все воды в БНСР объявлялись собственностью государства. Данный декрет устанавливал порядок проведения ирригационных работ за счёт натуральных повинностей населения Бухары и государственных ассигнований. Целью ирригационных мероприятий являлось обеспечение всех доступных возделываемых земель водой в условиях жаркого климата, строительство водосборников и механизмов перераспределения воды, дамб, шлюзов и т. д.

Другой задачей ирригационных мероприятий являлось осушение болот, от чего зависела не только экономика Бухары но и санитарно-

эпидемиологическое состояние в республике. Болота являлись источником распространения различных инфекционных болезней, передаваемых насекомыми. И этот вопрос тоже был важен при решении ирригационного вопроса. По этой причине 17 августа 1922 года. Третий курултай народных представителей БНСР принял резолюцию по докладу Назирата земледелия, в которой подчёркивалось: «…для борьбы с рассадниками малярии, уносящего много человеческих жизней, курултай предлагает принять самые решительные меры к осушению болотистых мест в окрестностях Бухары» [7, 299]. В итоге проведения ирригационных работ уже в 1922 году было израсходовано 2833 тысячи рублей вместе с натуральной повинностью населения [299]. В итоге, с поступлением в казну значительного количества налогов появилась возможность увеличить капиталовложения на ирригационное строительство. Так в 1923 году на водное хозяйство правительством БНСР было выделено 365 тысяч рублей, что составляло 8% бюджета республики. А всего расходы БНСР на ирригационные работы достигли около 1 млн. рублей [7,299].

Хлопководство было основной отраслью экономики БНСР. Еще при Бухарском эмирате в Россию экспортировалось до 2,200 тысяч пудов хлопка-волокна на сумму в 27 млн. рублей золотом. С началом революционных преобразований и гражданской войны поставки хлопка сократились до минимума. Отрицательно сказались ликвидация старой системы заготовок и реализации, ликвидация фирм и банков оставшихся после свержения эмирского режима. Встала задача созданиия новых условий и механизмов социалистического распределения труда и товаров. Советская власть формировала новые, более выгодные условия для хлопкоробов страны.

Десятого апреля 1921 года было опубликовано постановление Центрального Ревкома БНСР о льготах хлопкоробам за посев и продажу хлопка государству. Дехканам, засевающим часть своей земли хлопчатником, государство выделяло за каждый танап по одному пуду посевных семян хлопчатника, по одному пуду масленичных семян, три фунта керосина и два с половиной аршина мануфактуры. Так же за каждый танап засеянной хлопком земли государство выплачивало от 4 до 5 тысяч рублей. Дехканам, выращивающим хлопок, предоставлялись льготы. В частности, дехкане, занятые на выращивании так называемого американского сорта хлопка, полностью освобождались от уплаты налога ушр; вода в первую очередь предоставлялась на поля, засеянные хлопком; Госхлопку предлагалось отпускать дехканам посевные хлопковые семена по себестоимости как за наличный расчёт, так и в кредит, а так же выдавать беднейшему дехканству под посев хлопка денежную ссуду, с начислением не свыше 12% годовых.

Предпринимаемые правительством БНСР меры по восстановлению и развитию хлопководства в республике принесли свои плоды. Уже в 1924 году из Бухары в Россию было вывезено 885 тысяч пудов хлопка, или в два раза больше чем, в 1923 году [9,329]. Хотя экспорт хлопка всё ещё составлял 1/3 части от дореволюционного периода.

В наследство от Бухарского эмирата БНСР получила промышленность, которая находилась в зачаточном состоянии и была окончательно разрушена в период гражданской войны. После падения режима эмирата Советская власть поставила перед руководством республики задачу по скорейшему восстановлению промышленности в БНСР, а так же строительству новых промышленных мощностей. Данным вопросом занимался Назират торговли и промышленности БНСР. Продолжающаяся гражданская война замедляла ход реализации поставленных задач по восстановлению и развитию промышленности республики. Снижение сбора хлопка привело к закрытию и так немногочисленных заводов по очистке и переработке хлопка. Многое оборудование устарело или вышло из строя, не хватало сырья – хлопка. Так в 1923 году из взятых на учёт государством 32 предприятий бездействовали 12, в основном хлопкоочистительные предприятия. В этой связи правительство БНСР особое внимание и поддержку оказали кустарному производству. 17 октября 1920 года было принято постановление Ревкома БНСР «О мерах развития местной текстильной промышленности», в котором делался акцент на поддержку кустарных цехов по очистке и переработке хлопка. Местные кустарные производства должны были обеспечиваться хлопком-сырцом и предоставлять продукцию завершённого цикла в виде пряжи или тканей [7,339]. Одновременно шла подготовка кадров данной отрасли - была введена практика фабрично-заводского и кустарного ученичества. При предприятиях были открыты школы по обучению специальности учеников и подростков в количестве не менее 5% от общей численности занятых на производстве.

Для восстановления развития народного хозяйства были необходимы финансовые дотации. БНСР испытывало финансовую нехватку в реализации намеченных планов по развитию своей промышленности. Средства Среднеазиатского сельскохозяйственного банка не могло покрыть все потребности в расширении промышленного строительства.

Помощь БНСР в становлении своей экономики оказала Советская Россия. 20 марта 1921 года ВЦИК ратифицировал заключённый между РСФСР и БНСР союзный договор и экономическое соглашение. РСФСР взяло на себя обязательство оказывать населению Бухары экономическую, культурную и иную помощь. Согласно договору, наряду с нерушимостью границ государств были провозглашены безвозмездная передача Бухаре всего расположенного на территории русских поселений недвижимого имущества, равных политических прав гражданам Бухары, проживающих на территории РСФСР. В сфере торговли был выработан единый экспортно-импортный план, с целью урегулирования сбалансированного передвижения товаров в обоих направлениях, создания единого экономического пространства, унификации денежной системы. С этой целью 9 августа 1922 года было подписано новое экономическое соглашение. В целях объединения денежного обращения РСФСР и БНСР Всебухарский ЦИК и Совет Народных Назиров приняли решение об отказе печати и выпуска в обращение бухарских денежных знаков

и введение в оборот денежных знаков РСФСР. Обмен денежных знаков был установлен в срок два месяца. В сентябре 1922 года был учреждён Бухарский государственный банк, капитал которого составил 5 млн. рублей золотом, а 1924 году создан Среднеазиатский коммерческий банк с капиталом 7 млн. рублей. Эти события показали, как феодальная экономическая система старой бухарской власти качественно перерождается в новую формацию с новыми экономическими отношениями, где основным носителем власти становился трудовой народ.

Особенное значение для развития региона имели транспортные коммуникации и связь. Необходимо отметить, что и так немногочисленные железнодорожные пути, накануне и во время гражданской войны 1918-1923 годов были в основном разрушены. В основном это были железнодорожные линии, соединяющие экономически важные районы, города и населённые пункты, такие как Кызыл-Теппа – Бухара, Бухара – Термез, Карши – Гузар, Термез – Керки. В бедственном положении находились и водные коммуникации по реке Амударья, соединявшие Восточные и западные части Бухары, а так же Бухару с Хивой. Для восстановления транспортных коммуникаций у молодой советской республики в условиях, когда все силы брошены на борьбу с басмачеством, не хватало средств.

Несмотря на то, что велась некоторая работа по восстановлению транспортных путей, статистика показывает сильное отставание от положения в довоенный период. До свержения эмира протяжённость железнодорожных путей составляла 533 версты, водные пути по реке Амударья - 900 вёрст. В большей части они были разрушены в период гражданского противостояния. К концу гражданской войны была восстановлена часть железнодорожных путей, соединяющих Кызыл-Теппу с Бухарой, от Бухары до Термеза и часть линии Карши-Гузар-Керки. Другая часть, соединявшая экономически важные районы со Средней и Восточной Бухарой, была разрушены. Из 20 тысяч верст караванных путей только 2 тысячи были приспособлены для колёсного движения, а оставшаяся часть была предназначена для вьючного транспорта, особенно характерного для Восточной Бухары.

Амударьинская флотилия в довоенный период имела около 4000 каиков общей грузоподъёмностью в 600 тысяч пудов. В конце 1923 года функционировали 40 каиков общей грузоподъёмностью до 30 тысяч пудов [7, 303]. Таковы были разрушительные действия гражданской войны 1918-1923 годов в той части Таджикистана, входившего в БНСР. Новой власти предстояло проделать огромную работу по восстановлению коммуникационных сооружений, железнодорожных и колёсных дорог, портов узлов связи.

Несколько иначе обстояла ситуация в Северном Таджикистане. Наличие промышленного и кустарного производства, русского пролетариата, более раннее проникновение социалистических идей и формирование пролетарского сознания у трудящихся Северного Таджикистана было важным фактором

революционного движения и установления Советской власти. По этой причине Советская власть раньше, чем в других частях Таджикистана ликвидировала басмаческое движение и приступила к социально-экономическим преобразованиям. Это позволило лишить контрреволюционные силы опоры в народе, который они пытались привлечь к борьбе на стороне баев, беков и религиозных клерикалов в борьбе против Советской власти [3]. Однако целенаправленная политика Советской власти по поддержке трудового дехканства, идеологическая работа в массах о роли и значении нового советского руководства смогла переломить борьбу за сознание людей в свою сторону. Порой методы и средства внедрения социалистической экономической системы имели свои перегибы и недостатки. Однако Советской власти по мере реализации своей экономической политики удалось исправить и добиться роста экономического развития и повышения доверия трудящихся масс.

На начальном этапе аграрной реформы Советская власть проводила свою политику в зависимости от особенностей условий и обстоятельств периода гражданского противостояния. С целью поддержки беднейших слоев дехкан и тем самым завоевания доверия трудящихся масс, провительство им всяческую поддержку. Эту поддержку в полной мере осознали и безземельные и малообеспеченные таджикские дехкане. Проводимые меры Советского правительства в сфере землеустройства обеспечивало безземельных и малообеспеченных дехкан Таджикистана земельными наделами. Таким образом, Советская власть нашла свою опору в лице беднейших слоёв населения. Такая ситуация позволила государству более решительно и интенсивно проводить аграрную политику на ближайшие годы. Гражданская война в Таджикистане уверенно шла к завершению, и Советскому правительству необходимо было решить насущные проблемы повышения уровня жизни через введение новых форм хозяйствования [1,25].

Одним из успехов экономической политики Советской власти в деревне было приобщение дехкан к коллективному труду. Опыт ремесленной кооперации затронул и сельскую местность. В 1921 году правительства СССР и Туркестанской АССР приняли ряд постановлений о внедрении и создании сельскохозяйственной кооперации. На основании этих решений на севере Таджикистана в 1923-1924 гг. было создано одиннадцать дехканских кооперативов. Примером такой кооперации являлись потребительские кооперативы Ходжентского районного объединения «Мехнат». Этот союз объединял 4,7 тыс. дехканских хозяйств, что составляло 4% всех хозяйств района. В 1924 году в Ходженте были созданы мелиоративные кооперативы, которые также пользовались льготными государственными займами. Общее количество мелиоративных кооперативов в 1924 году достигло 24 единицы. Четыре из них находились на севере Таджикистана, а в Восточной Бухаре действовало 20 мелиоративных кооперативов [2,50].

Двадцать четвёртого марта 1918 года постановлением Ходжентского

городского совета были национализированы девять хлопкоочистительных заводов и мыловаренный завод на севере Таджикистана. 27 марта Ходжентский городской совет принял решение о конфискации запасов хлопка у частных хлопкопрядильных фабрик и торговцев для запуска государственных предприятий. В сентябре 1918 года кожевенная промышленность, а в мае 1919 года лакокрасочные предприятия Ходжента были также национализированы. Позже были национализированы также небольшие кожевенные заводы, винодельни и административные здания, принадлежавшие банкам и конторам бывшего нефтепромысла САНТО, Сулюктинского и Шурабского угольных разрезов.

Начиная с 1919 года государство оказывало ремесленникам материальную помощь в виде сырья и долгосрочных беспроцентных займов. Однако из-за низкой производительности труда кустарного производства не получалось достичь необходимого экономического эффекта. Поэтому началась организация кооперации по специальностям и ремеслам. В 1920 году в Ходженте был создан первый такой кооператив под названием «Бофанда». К 1923 году Ходжентский кооператив «Бофанда» объединял более 1000 человек, Ходжентские сапожный кооператив - 100 человек, хлопкоочистительные кооперативы - 440 ремесленников, 5 текстильных кооперативов - 83 человека [2,43].

С 1920 г. основным заказчиком продукции кустарного производства стало государство. Государство скупало излишки продукции ремесленников, которые они не могли сбыть. В 1917-1924 годах ремесленные мастерские стали основной отраслью производства промышленных товаров, которая удовлетворяла потребности города и деревни. Однако доля промышленного производства в жизни советской экономики и численность рабочих на производстве не превышала общей численности населения. Большинство населения проживало в сельской местности, и по этой самой причине Таджикистан считался аграрным, преимущественно с населением в сельской местности. Поэтому и в гражданской войне основным участником являлся дехканский класс (крестьяне). Для решения проблемы села все дехкане должны были быть обеспечены землёй [4].

Таким образом, 1917-1923 годы являются не только важным периодом социально-экономического развития села, но и периодом обращения таджикских дехкан к Советам и новой экономической формации - социализму. Этот процесс сопровождался политическими трудностями, противостоянием прогрессивной и реакционной идеологий, борьбой между различными социальными группами и их стремлением к власти. Советская власть и социалистическое строительство нового общества Таджикистана являлись результатом классовой борьбы, которая достигла своего апогея в годы гражданской войны и борьбы с басмачеством в начале XX века, и в результате окончательной победы сил, защищавших интересы широких народных масс и трудящихся [15].

ЛИТЕРАТУРА

1.Абдурашитов Ф.М. Земельно-водная реформа в Таджикистане в конце XX-начале XXI вв.- Душанбе, 2018. - 404 с.
2.Акрами З.И. Босмачигарӣ: воқеият ва тахайюлот. -Душанбе, 2019. -50 с.
3.Абулхаев Р.А. Упрочение Советской власти в верховьях Зеравшана. -Душанбе, Дониш, 1972. -155 с.
4.Бармин В.А. О новых подходах к оценкам движущих сил и социальной базы басмаческого движения в Туркестане в 1918-1920 гг/Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». -Барнаул, 2019. -Т.19, №1.
5.Гафуров А.М. Ревкомы Таджикистана (1917-1924). -Душанбе: Ирфон, 2008. –144 с.
6.Искандаров Б.И. Из истории борьбы за установление Советской власти в Таджикистане//Изв. АН Тадж. ССР. Отд. общ. наук. 1953, №4.- С. 83-95.
7.История Бухарской Народной Советской Республики (1920-1924 гг.). Сб. док. Ташкент, 1976. –457 с.
8.История таджикского народа. -Том V. Под редакцией Р.Масова. –Душанбе: Дониш, 2004. – 752 с.
9.Ишанов. А. И. Бухарская Народная Советская Республика. –Ташкент, 1969. –391 с.
10.Козачковский В.А. От феодализма до победы социализма. Душанбе: Ирфон, 1966.-272 с.
11.Кореневская Е.И. Становление высших органов государственного управления. Правовые основы организации и деятельности Советского правительства в 1917-1922 гг. -М., Наука 1975.-159 с.
12.Крушельницкий А. Диктатура по телеграфу. М: Родина, 1989. №11. -С.31-39.
13.Материалы по истории Компартии Таджикистана. –Душанбе, 1963. – С.91-98.
14.Шевченко Д. В. Басмаческое движение. Политические процессы и вооруженная борьба в Средней Азии: 1917-1931 гг. Автореф. дисс. канд. историч. наук. Иркутск. -2006. –36 с.
15.Шерматов Г. Тайная сделка советской власти с главным «басмачом» Средней Азии. https://www.bbc.com/russian/features-42399231 [электронный ресурс].Дата обращения: 11.02.2022. 13:00

СОЦИАЛЬНО – ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ В 1918-1923 ГОДАХ

В данной статье проанализированы проблемы становления и укрепления Советской власти в 1918-1923 годах на территории Таджикистана. Проведён анализ социально – экономических мероприятий Советского руководства в Таджикистане. Раскрыты причины и необходимость проведения социально-экономических преобразований в условиях гражданской войны 1918-1923 годов.

С целью подрыва основной базы контрреволюционных сил Советское руководство провело комплекс мероприятий административного и социального характера. Прослежена эволюция изменения отношения трудового дехканства к политике Советской власти.

Выявлены проблемы, связанные с идеологической пропагандой панисламистского и пантюркистского направлений, пытавшихся манипулировать массовым сознанием людей и обратить их борьбу против новой Советской власти в угоду своим политическим целям и интересам. Однако последовательная идеологическая, разъяснительная работа среди масс людей, выверенная экономическая политика, основанная на помощи трудовому дехканству, переломили ситуацию в гражданской войне 1918-1923 годов в пользу Советской власти. Коренные изменения в экономической сфере, подразумевающие всеобъемлющую помощь трудящимся, а так же формирование новой системы государственного управления, основанной на народовластии, стали основными причинами победы Советской власти в Таджикистане в годы гражданской войны 1918-1923 годов.

Ключевые слова: *басмаческое движение, Советская власть, декрет о земле, борьба за власть, гражданская война, история таджикского народа, Таджикистан, Восточная Бухара, мировой империализм, пантюркизм, панисламизм, Туркестан, Бухарская Народная Советская Республика, новая экономическая политика, политика «Военного коммунизма», продразвёрстка, Красная Армия, ревкомы, Советы.*

SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATION DURING THE CIVIL WAR IN TAJIKISTAN IN 1918-1923

This article analyzes the problems of the formation and strengthening of Soviet power in 1918-1923 on the territory of Tajikistan. An analysis of the socio-economic measures of the Soviet leadership in Tajikistan was carried out. The reasons and necessity of carrying out socio-economic transformations in the conditions of the civil war of 1918-1923 are revealed.

In order to undermine the main base of the counter-revolutionary forces, the Soviet leadership carried out a set of measures of an administrative and social nature. The evolution of the change in the attitude of labor dekhkans to the policy of Soviet power is traced.

The problems associated with the ideological propaganda of the pan-Islamic and pan-Turkist trends, which tried to manipulate the mass consciousness of people and turn their struggle against the new Soviet power in favor of their political goals and interests, were identified. However, consistent ideological, explanatory work among the masses of people, a well-adjusted economic policy based on assistance to the labor dekhkans, turned the tide in the civil war of 1918-1923 in favor of Soviet power.Fundamental changes in the economic sphere, implying comprehensive assistance to workers, as well as the formation of a new system of state administration based on democracy, became the main reasons for the victory of Soviet power in Tajikistan during the civil war of 1918-1923.

Key words: *Basmachi movement, Soviet power, decree on land, struggle for power, civil war, history of the Tajik people, Tajikistan, Eastern Bukhara, world imperialism, pan-Turkism, pan-Islamism, Turkestan, Bukhara People's Soviet Republic, new economic policy, policy of «War Communism», surplus appropriation, Red Army, Revolutionary Committees, Soviets.*

ДИГАРГУНИҲОИ ИҶТИМОИЮ ИҚТИСОДӢ ДАР СОЛҲОИ ҶАНГИ ШАҲРВАНДӢ ДАР ТОҶИКИСТОН ДАР СОЛҲОИ 1918-1923

Дар ин мақола масъалаҳои ташкил ва мустаҳкам намудани Ҳокимияти Шӯравӣ дар солҳои 1918-1923 дар Тоҷикистон, инчунин тадбирҳои иҷтимоию иқтисодии роҳбарияти Иттиҳоди Шӯравӣ таҳлил шудааст. Сабабҳо ва зарурияти ба амал баровардани дигаргунсозиҳои иҷтимоию иқтисодӣ дар шароити ҷанги шаҳрвандии солҳои 1918-1923 ошкор карда шуданд.

Роҳбарияти Шӯравӣ бо мақсади вайрон кардани базаи асосии қувваҳои аксулин-қилобӣ маҷмуи тадбирҳои хусусияти маъмурию иҷтимоиро ба амал овард. Таҳаввулоти муносибати деҳқонони меҳнатӣ ба сиёсати Ҳокимияти Шӯравӣ мушоҳида карда мешавад.

Мушкилоте, ки бо тарғиби идеологии равияҳои панисломӣ ва пантуркистӣ, ки шуури оммаи одамонро ба кор андохтан ва муборизаи онҳоро ба муқобили Ҳокимияти нави Шӯравиро ба мақсади манфиатҳои сиёсии худ табдил доданӣ буданд, муайян шуданд. Аммо кори пайдар пайи идеологӣ, фаҳмондадиҳии байни омма, сиёсати дурусти иқтисодие, ки ба ёрӣ ба деҳқонони меҳнатӣ асос ёфтааст, рафти ҷанги шаҳрвандии солҳои 1918-1923-ро ба нафъи Ҳокимияти Шӯравӣ тағйир дод. Дигаргуниҳои куллии соҳаи иқтисодиёт, ки ёрии ҳаматарафаи меҳнаткашонро дар назар доранд, инчунин ташкил намудани сохти нави ҳокимияти давлатӣ дар асоси демократия, сабабҳои асосии ғалабаи Ҳокимияти Шӯравӣ дар Тоҷикистон дар солҳои ҷанги шаҳрвандии солҳои 1918-1923 гардиданд.

Калидвожаҳо: *ҳаракати босмачиён, Ҳокимияти Советӣ, Декрет дар бораи замин, мубориза барои ҳокимият, ҷанги гражданӣ, таърихи халқи тоҷик, Тоҷикистон, Бухорои*

Шарқӣ, империализми ҷаҳонӣ, пантуркизм, панисломизм, Туркистон, Ҷумҳурии Халқии Шӯравии Бухоро, сиёсати нави иктисодӣ, сиёсати «Коммунизми ҳарбӣ» азхудкунии зиёдатӣ, Армияи Сурх, комитетҳои револютсионӣ, советҳо.

Information about the author:
Akramov Murtazo Inomovich - candidate of Historical Sciences, researcher of the Institute history, archeology and ethnography named after A. Donish of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Phone: (+992) 907144365. E-mail: akramov. murtazo@mail.ru.

Сведения об авторе:
Акрамов Муртазо Иномович - кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Телефон: (+992) 907144365. E-mail: E-mail: akramov. murtazo@mail.ru

УДК 9 (575)

МАҲДУДИЯТИ МАЪНАВИИ ТОҶИКОН ҲАНГОМИ ГУЗАРОНИДАНИ ТАҚСИМОТИ ҲУДУДИ МИЛЛӢ ДАР ОСИЁИ МИЁНА[6]

ҲОТАМОВ Н. Б.,
Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Баъди бунёди низоми Шӯравӣ дар сарзамини Осиёи Миёна се ҷумҳурӣ: Ҷумҳурии Мухтори Шӯравии Сотсиалистии Туркистон (дар ҳайати Федератсияи Россия), ҷумҳуриҳои мустақили халқии Шӯравии Бухоро ва Хоразм вуҷуд доштанд. Ҷумҳурии Туркистон ба воситаи Федератсияи Россия ба ҳайати ИҶШС дохил мешуд. Ҷумҳуриҳои Бухоро ва Хоразм ба он шомил набуданд. Дар ҷумҳуриҳои Осиёи Миёна ҳам, чун дар Россия, Ҳизби коммунистӣ ягона ҳизби ҳукмрон ба ҳисоб мерафт. Мақсаду мароми ҳамаи ин ҳизбҳо, чун Ҳизби коммунистии (болшевикии) Россия, бунёди ҷамъияти сотсиалистӣ буд.

Барои сохтмони ҷамъияти сотсиалистӣ дар шароити Осиёи Миёна пеш аз ҳама ҳал намудани масъалаи миллӣ зарур шуморида мешуд. Ҳалли масъалаи миллӣ бошад, чуноне асосгузори Ҳизби болшевикии Россия ва сарвари Ҳокимияти Шӯравӣ Владимир Илич Ленин тавсия ва асоснок намуда буд, ин ба ҳамаи миллатҳои собиқ мазлуми империяи Россия додани ҳуқуқи худмуайянкунии миллӣ, то ин ки онҳо озодона шакли давлатдории миллии худро бунёд намоянд, ба ҳисоб мерафт [4, 349].

---

[6] Мақола дар асоси лоиҳаи «Таърихи халқи тоҷик» (Тоҷикистон дар давраи Шӯравӣ), рақами қайди давлатӣ 0121TJ1200 навишта шудааст.

Ҷумҳуриҳои Туркистон, Бухоро ва Хоразм дар навбати худ ҷумҳуриҳои миллӣ набуда, балки ҷумҳуриҳои сермиллат ба шумор мерафтанд. Аниқтараш номи онҳо ифодакунандаи номи ягон миллате набуд. Чунончи: дар ҳудуди Ҷумҳурии Туркистон – ӯзбекҳо, тоҷикҳо, қирғизҳо, туркманҳо, қазоқҳо; дар Ҷумҳурии Бухоро – тоҷикҳо, ӯзбекҳо, туркманҳо; дар Ҷумҳурии Хоразм– ӯзбекҳо, туркманҳо ва ғайра асрҳо боз зиндагӣ карда, талхию ширинии замонро бо ҳам чашидаанд. Аммо бо сабаби он ки ҳамаи он халқҳо зинаи тараққиёти ҷамъияти капиталистиро пурра аз сар нагузаронидаанд, бинобар ин онҳо ҳанӯз то ба дараҷаи миллат ташаккул наёфта буданд. Махсусан худшиносии миллии тоҷикон нисбатан ба дараҷаи паст буд.

Яъне, он солҳо тоҷиконро бештар на аз рӯйи миллат ва ҳатто забон, балки аз рӯйи маҳал: бухороӣ, самарқандӣ, хуҷандӣ, намангонӣ, фарғонагӣ, тошкандӣ, кӯлобӣ, қаротегинӣ, ҳисорӣ, кӯҳистонӣ ва ғайра фарқ мекарданд. Мардуми турқнажод бошанд ҳанӯз нишонаҳои қавмӣ-қабилавиро ба монанди: лақайҳо, қунғуротҳо, барлосҳо, манғитҳо, қарлуғҳо, кенагасҳо, галдирҳо ва ғайра нигоҳ медоштанд. Ҳамаи онҳо мафҳуми «миллат»-ро мансубият ба дин медонистанд [9,312-313].

Бо ҳамин сабабҳо дар ҳудуди Осиёи Миёна ва ҳатто берун аз он ҳам то ба ин давр намояндагони тоҷикон ва ӯзбекҳо ҳеҷ гоҳ масъалаи бунёди давлатдории миллии худро нагузоштаанд. Баръакс, дар байни онҳо андешаҳои: «истиқлолияти Туркистон», «аз нав барқарор намудани хонигарии Қӯқанд», «истиқлолияти ҳақиқии Бухоро» ва ғайраҳо вуҷуд доштанд. Дар замони мустамликавӣ дар ҳаракатҳои миллию озодихоҳонаи халқҳои тоҷику ӯзбек маҳз ҳамин майлонҳоро пай бурдан мумкин аст.

Ҳамин тавр, ба миён омадани масъалаи бунёди давлатдории миллии тоҷикон ва ӯзбекҳо натиҷаи талаби худи ин халқҳо набуда, балки натиҷаи сиёсати миллии Ҳизби коммунистии (болшевикии) Россия ба ҳисоб меравад. Дар Осиёи Миёна маҳз бо талабу дархости онҳо, инчунин бо мақсади тезонидани сохтмони ҷамъияти сотсиалистӣ, масъалаи тақсимоти ҳудуди миллӣ ба миён гузошта шуд. Ҳизби коммунистии ҷумҳуриҳои Осиёи Миёна бошанд, оид ба ин масъала, асосан иҷрокунандагони дастур ва талабу дархостҳои сарварони Ҳизби коммунистии (болшевикии) Россия, Ҳокимияти Шӯравӣ ва фиристодагони онҳо буданд. Маҳз онҳо муайян мекарданд, ки дар ин сарзамин кадом халқҳо муқимӣ мебошанду кадоме ҳуқуқи ташкили ҷумҳурии миллии худро доранд.

Аз ҷумла, 8 марти соли 1920 Кумитаи Марказии ҲК(б) Россия «Низомнома дар бораи мухторияти Туркистон»-ро қабул кард, ки мувофиқи он аҳолии асосии ин ҷумҳурӣ танҳо туркманҳо, ӯзбекҳо ва қирғизҳо ҳисоб шуда, тоҷикон, ба тарзи умумӣ, ба ҳайати миллатҳои хурд дохил гардиданд. Ё худ, дар радиограммаи котиби Кумитаи Иҷроияи Марказии (КИМ) Федератсияи Россия Н.Н. Крестинский ба номи сарварони Турккомиссия ва КИМ Туркистон (соли 1920) низ гуфта мешуд: «Туркистон ҳамчун ҷумҳурии мухтор шинохта мешавад ва мардуми асосии он: туркманҳо, ӯзбекҳо ва қирғизҳо мебошанд»

[9,314-315].

В.И. Ленин низ ба масъалаи тақсимоти ҳудуди миллии Осиёи Миёна шахсан дахолат намуда, ҳанӯз 13 июни соли 1920 дар қайдҳои хеш дар лоиҳаи қарори КМ оид ба вазифаҳои ҲК(б) Россия дар Туркистон, зарурияти тартиб додани харитаи нави Туркистонро «бо тақсим намудан ба Ӯзбекия, Қирғизия ва Туркмения» таъкид карда, тавсия намуд, ки махсусан шартҳои муттаҳидшавӣ ё худ ҷудошавии ин се қисмро аз ҳар ҷиҳат омӯзанд [5, 29-30]. Инчунин мувофиқи яке аз мактубҳои КМ ҲК(б) Русия аз 12 августи соли 1920 ҳамаи ташкилоти Ҳизби коммунистии Туркистонро таъкид шудааст, ки «халқҳои муқимии Туркистон ӯзбекҳо, қирғизҳо ва туркманҳо ба ҳисоб мераванд. Ҳокимияти Шӯравӣ бояд ба оммаи меҳнаткаши ин халқҳо такя кунад». Аксари амалдорони ҳизбию шӯравии марказ, дар аввал Федератсияи Россия ва баъд Иттифоқ, ки дар Осиёи Миёна бо гузаронидани сиёсати миллӣ кордор буданд, маҳз дар ҳамин гуна мавқеъ меистоданд [9,315].

Ҳеҷ ҷойи шубҳа нест, ки дар доираи сиёсатмадорони ҷумҳуриҳои Осиёи Миёна аз бунёди низоми Шӯравӣ ақидаи туркгароӣ (пантуркизм) ҳукмфармо буд. Фоҷиаовар он аст, ки дар он солҳо на танҳо аз ҷумлаи намояндагони халқҳои туркзабони ин кишвар, балки аз ҷумлаи тоҷикон низ бисёре ба ҳомиён ва мубаллиғони ин ақида табдил ёфтаанд.

Дар замони мавҷудияти ҷумҳуриҳои Туркистону Бухоро яке аз самтҳои асосии мубоpизаи туркгароён ба муқобили эътирофи мавҷудияти тоҷикон равона гардида буд. Бинобар ин, дар ин ҷумҳуриҳо бе ягон лағзиш маҳз мавҷудияти тоҷикон чун миллат ва ё худ халқияти мустақил инкор карда мешуд. Андешаи ғайриилмии «аслан туркнажод будани тоҷикон» гӯё дарёфтҳои нави «илмӣ» ба ҳисоб мерафт. Чунончи, пӯшида нест, ки яке аз шахсони асосии дар маъракаи марзбандии ҳудуди миллии Осиёи Миёна аз аввал то ба охир фаъолона ширкат варзида Файзулло Хоҷаев-раиси Шӯрои нозирони халқии ҶХШ Бухоро мебошад. Вай бунёдгузори Ҳизби ҷавонбухориёни инкилобчӣ (аввали соли 1920) ва яке аз фаъолони сарнагун сохтани низоми амирии Бухоро ба ҳисоб меравад. Маҳз ӯ барномаи ҳизби бунёдкардаашро тартиб додааст, ки онро 14 июли соли 1920 конфронси он ҳизб маъқул шуморид.

Инчунин дар муқаддимаи он барнома чунин таъкид мешавад: «қабилаҳои туркиро, аз ҷумла: кенагасҳо, манғитҳо, ӯзбекҳо, туркманҳо ва тоҷикҳо, ки асрҳо боз дар сарзамини Бухоро зиндагӣ мекунанд», ташкил медиҳанд [9,316]. Яъне, он лаҳза на танҳо Файзулло Хоҷаев, балки дигар сарвару аъзои ҳукумати чи Бухоро ва чи Туркистон аксаран ақидаи ягона доштанд, ки «тоҷикон аслан турканд». Дар ин асос баъзеашон тавсия мекарданд, ки «тоҷиконро бояд ба асл-мансубияти турк баргардонем». Минбаъд Ф. Хоҷаев, ки сарвари Ҳукумати Ҷумҳурии Бухоро гардид, бо ҳамфикронаш барои турк гардонидани тоҷикон тамоми имкониятҳоро фароҳам овард. Худи Ф. Хоҷаев яке аз он тоҷиконе буд, ки аз мансубияти миллии худ даст кашида, сараввал ба туркгарои ашаддӣ ва сипас ба ӯзбекгарои ҷанговар табдил ёфтааст.

Дар ҷумҳуриҳои Туркистон ва Бухоро манфиати иқтисодии тамоми мардуми меҳнатӣ, чи тоҷикон ва чи ӯзбекону туркманҳою қирғизҳо ҳама баробар ифода мешуд. Яъне, дар ин ҷода вазъи тоҷикон аз дигарон фарқе надошт. Вале оид ба ифодаи манфиати маънавии онҳо, ки натиҷаи сиёсати миллии сарварони ҷумҳурӣ мебошад, дар ҳақиқат ҳам сиёсати нодурусти маҳдудкунӣ, махсусан нисбат ба забони форсии тоҷикӣ ва ба инобат гирифтани шумораи тоҷикон ҷой дошт.

Баъди барқарор гардидани низоми Шӯравӣ дар кишвари Туркистон, дар қаламрави он забони форсии тоҷикӣ мақоми пештараи худро пурра аз даст дод. Мувофиқи қарори Кумитаи Иҷроияи Марказии Ҷумҳурии Туркистон аз 14 июли соли 1918 дар ин сарзамин, дар қатори забони русӣ, забонҳои ӯзбекӣ ва қирғизӣ (дар асл қазоқӣ) забони давлатӣ эълон гардиданд. Аз соли 1923 ҳуҷҷатнигорӣ дар ин кишвар, дар баробари забони русӣ, боз ба се забон: ӯзбекӣ, қирғизӣ ва туркманӣ бурда мешуд [5, 16:6,32].

Дар натиҷаи нисбат ба тоҷикон сиёсати нодурустро пеш гирифтани роҳбарони ҷумҳурӣ, ин халқи қадимтарини кишвар оҳиста-оҳиста ҳатто аз имкониятҳои ночизи дар аввал ба даст даровардааш ҳам маҳрум гардид. Аз ҷумла, нашри ягона маҷаллаи форсии тоҷикӣ-«Шуълаи инқилоб», ки чун органи ҳафтаинаи вилоятии ҲК(б) Туркистон дар Самарқанд аз 10 апрели соли 1919 нашр мегардид, моҳи декабри соли 1921 қатъ гардид. Саҳифаи тоҷикии дигар рӯзномаҳо ҳам маҳдуд гардида оҳиста-оҳиста аз байн рафтанд.

Соли 1920 Қонуни асосии (Конститутсияи) Ҷумҳурии Туркистон тасдиқ гардид, ки дар он чун «мардуми муқимии» кишвар фақат қирғизҳо, ӯзбекҳо ва туркманҳо эътироф мегардиданд. Аз ин ҳуҷҷати муҳимми Ҷумҳурии Туркистон тоҷикон, ки аз ҷумлаи мардуми қадимтарини кишвар ба ҳисоб мераванд, берун монданд.

Дар ҷумҳуриҳои Осиёи Миёна, дар солҳои аввали бунёди низоми Шӯравӣ масъалаи мураккабтарин ин масъалаи кадрҳои роҳбарикунанда ва махсусан масъалаи мавқеи онҳо нисбат ба масъалаи миллӣ, аниқтараш оид ба тақдири ин ва ё он миллат буд. Ин маънои онро надорад, ки дар ҳайати кадрҳои роҳбарикунандаи ҷумҳуриҳои Осиёи Миёна намояндагони на ҳамаи миллатҳо буданд. Аз ҷумла, дар байни онҳо шахсони баромадашон аслан тоҷик кам набуданд. Вале фоҷиаовар он аст, ки теъдоди зиёди он тоҷикони соҳиби мансабшуда, дар натиҷаи таъсири ақидаҳои туркгароӣ, дар ҳамон лаҳзаи ҳалкунандаи тақдири миллат, на танҳо манфиати тоҷиконро умуман ифода накарданд, балки ҳатто тоҷик будани худро низ инкор мекарданд.

Барои мисол чунин мавқеъро мо дар фаъолияти Абдулло Раҳимбоев (1896-1938) дида метавонем. Ӯ солҳои 1919-1920 котиби Кумитаи ҳизбии уезди Хуҷанд, раиси Кумитаи ҳизбии вилояти Самарқанд, солҳои 1920-1923 раиси КИМ Ҷумҳурии Туркистон, котиби КМ ҲК(б) Туркистон, узви коллегияи Комиссариати халқӣ оид ба корҳои миллатҳои Федератсияи Россия, солҳои 1923-1924 котиби КМ ҲК Бухоро ва котиби дуюми КМ ҲК(б) Туркистон буд. Яъне дар ҳалли масъалаи миллӣ вай аз ҳисоби кадрҳои миллӣ аз ҷумлаи

аввалинҳо ба шумор мерафт. Магар ӯ намедонист, ки дар Хуҷанд, Самарқанд, Бухоро ва дигар шаҳрҳо тоҷикон аксариятро ташкил мекунанд? Албатта медонист! Вале инкор мекард. Дар он солҳои ҳалкунандаи тақдири халқҳои Осиёи Миёна, ӯ ҳатто миллати худро «ӯзбек» ба қалам медод [6, 52-53].

Дар қаламрави Бухоро аз замони давлатдории Сомониён то бунёди низоми Шӯравӣ забони илму маърифат асосан забони форсии тоҷикӣ буд. 11 марти соли 1921 Шӯрои нозирони халқии Ҷумҳурии Бухоро, бо ташаббуси сардари он Файзулло Хоҷаев, дар қаламрави ҷумҳурӣ бо тарзи расмӣ забони туркиро забони давлатӣ эълон кард [3,249]. Баъд аз ин забони форсии тоҷикӣ дар сарзамини ҷумҳурӣ як муддат ба ҳайси забони мадрасаю мактабҳо боқӣ монд. Зеро, мутасаддиёни ҷумҳурӣ имконияти якбора таълимро аввал ба забони туркӣ, баъд ба забони ӯзбекӣ гузарониданро надоштанд. Вале онҳо маъракаи аввал ба туркӣ, баъд ба ӯзбекӣ фарогирии таҳсилро махсусан дар мактабҳои нав, ки Шӯравӣ меномиданд, оғоз карда буданд.

Ҳолати инкор намудан, ё худ ақалан аз будашон хеле кам нишон додани тоҷиконро дар мавқеи сарварони Ҷумҳурии Бухоро низ дида метавонем. Чунончи, моҳи майи соли 1921 собиқ раиси КМ ҲК Бухоро Наҷиб Ҳусаинов (тотор) ба вориси худ, сардари ҳамонвақтаи коммунистони Бухоро Олимҷон Оқчурин (тотор), ба забони туркӣ, бо ҳуруфоти арабӣ навиштааст: «бояд ба он муваффақ шуд, ки бештар аз нисфи аҳолии Бухороро ӯзбекҳо, қисми хурдро туркманҳо, баъдан эрониҳою яҳудиён ташкил бидиҳанд» [9,320].

Дар ҳайати роҳбарияти Ҷумҳурии Бухоро низ тоҷикон буданд. Мувофиқи маълумоти 20 октябри соли 1920 ҳатто дар ҳуҷҷатҳои расмии ҳайати ҳукуматӣ се нафар тоҷикон ба қайд гирифта шудаанд, ки ду нафарашон дар трибунали ҳарбии инқилобӣ ва як нафар (Аббос Алиев) дар нозирони маориф адои вазифа доштанд. Вале амалан дар ҳайати Ҳукумати Ҷумҳурии Бухоро тоҷикони мансабдори аввал турк ва баъд ӯзбек гардида хеле бисёр буданд. Ба ин, дар қатори Файзулло Хоҷаев мавқеи Абдурауф Фитрат (1886-1937), Абдуқодир Муҳиддинов (1892-1938), Аҳмадбек Мавлонбеков (1897-1937) ва дигарон мисол шуда метавонад.

Аз ҷумла, Абдурауф Фитрат дар Ҷумҳурии Бухоро соли 1921 нозири маориф, соли 1922 ҷонишини раиси Шӯрои нозирони халқ буд. Вале ӯ туркгарои ашаддӣ ба ҳисоб мерафт.Мувофиқи баъзе маълумот маҳз бо ташаббуси ӯ дар идорааш барои ба забони форсии тоҷикӣ сухан гуфтан ҷарима ҷорӣ карда шуд. Дар замони нозири маориф будани вай шумораи мактабҳои туркӣ аз ҳисоби мактабҳои тоҷикӣ хеле афзуд.

Абдуқодир Муҳиддинов аз сентябри соли 1920 раиси Кумитаи инқилобии Бухоро, аз моҳи сентябри соли 1921 раиси КИМ Ҷумҳурии Бухоро, баъд раиси Шӯрои иқтисодии ҷумҳурӣ гардид. Ӯ низ то соли 1924 худро «ӯзбек» меҳисобид. Вай баъдтар хатогии худро фаҳмида, барои барқароркунии адолат нисбат ба тоҷикон ҷонбозиҳои зиёд кард. Вале аллакай дер шуда буд. Ниҳоят худаш ҳам қурбони беадолатӣ гардид. Аҳмадбек Мавлонбеков солҳои 1923-1924 котиби масъул ва котиби КМ ҲК Бухоро буд. Яъне ӯ низ метавонист

пеши роҳи беадолатиҳои нисбат ба тоҷикон содиршудаистодаро гирад. Вале ӯ ҳам тоҷик будани худро эътироф намекард. Ин гуна далелҳо ва мисолҳо хеле бисёранд [10, 366].

Ҳангоми интихобу ҷобаҷогузории кадрҳои роҳбарикунандаи маҳаллӣ, чи дар Ҷумҳурии Туркистон ва чи дар ҷумҳуриҳои халқии Бухорову Хоразм, на ин ки лаёқати кордонию коршоямӣ, балки бештар мансубияти синфӣ ва миллиро ба эътибор мегирифтанд. Махсусан сарварони Ҷумҳурии Халқии Шӯравии Бухоро баъди маҳви иғвои Анварпошшо (моҳи августи соли 1922) аз мавқеи туркгароии ҷанговар ба ӯзбекгароии ашаддӣ табдил ёфтанд. Онҳо дар аввал тоҷиконро барои турк шудан маҷбур карда бошанд, баъди маҳви Анварпошшо таҳдид мекарданд, ки ӯзбек бошанд. Дар мавқеи ӯзбекгаро будани сарварони ҷумҳурии Бухорову Хоразм ва аз тарафи онҳо маҳдуд намудани ҳуқуқи туркманҳо ва қирғизҳо ҳатто дар қарори Анҷумани XII ҲК (б) Россия (моҳи апрели соли 1923) қайд шудааст.

Солҳои 1917-1924 дар саҳифаҳои матбуоти чи Осиёи Миёна ва чӣ марказии Россия оид ба тоҷикон қариб чизе чоп намешуд. Агар ба ногоҳ чунин мақолаҳо чоп шаванд ҳам, бештари онҳо ғаразнок буда, баъзан тоҷикон ва забони форсии тоҷикиро рӯйрост таҳқир мекарданд. Чунончи, 2 январи соли 1924 дар рӯзномаи «Туркистон», ки дар Тошкент ба забони ӯзбекӣ нашр мегардид, мақолае бо номи «Дар диёри тоҷикон» чоп шуд. Дар он мақола таъкид мешуд, ки хоҳиши истифодаи забони тоҷикӣ «аз як ҷиҳат хоҳиши аз ҳаёт ҷудо шуданро дорад, зеро равиши таърих муқобили он аст, аз ҷиҳати дигар, қабули он маънои қабули забони бефоида ва зиёдатиро дорад». Бинобар ин, муаллифи он мақола рӯйрост таъкид кардааст, ки «барои тоҷикон зарур аст, ки забони махсуси тоҷикиро нигоҳ надошта, ҳар чӣ зудтар ба забони ӯзбекӣ гузаранд, зеро роҳи равиши иҷтимоӣ аллакай тақдири онҳоро ҳал намудааст» [2, 4: 5, 17; 6, 33].

Анҷумани XII ҲК(б) Россия (моҳи апрели соли 1923), ки масъалаи миллиро муҳокима карда буд, дар навбати худ диққати сарварони Ҳизби коммунистии ҷумҳуриҳои Осиёи Миёнаро низ ба ҳалли ин масъала ҷалб намуд. Вале зарур шуморида шуд, ки оғози ин маъракаро на ҳамчун нишондоди марказ, балки чун ташаббуси худи халқ ба миён гузоранд. Дар натиҷа баъди анҷуман аллакай аз номи ташкилоти ҳизбии ҲК(б) Туркистон ба номи КМ ҲК(б) Россия оид ба Осиёи Миёна ташкил додани ҷумҳуриҳои нави миллӣ фикру дархостҳо фиристода шуданд.

31 январи соли 1924 дар маҷлиси Бюрои ташкилии КМ ҲК(б) Россия аввалин бор масъалаи ҷумҳуриҳои нави миллии Осиёи Миёна муҳокима гардид. Дар ин маҷлис раиси бюрои Осиёи Миёнагии КМ ҲК(б) Россия Я.А. Рудзутакро вазифадор намуданд, ки ҳангоми дар Осиёи Миёна будан масъаларо бо ҷалб намудани ходимони масъули ҷумҳуриҳои Туркистон, Бухоро ва Хоразм аз ҳар ҷиҳат санҷида барояд.

25 феврали соли 1924 пленуми васеи КМ ҲК Бухоро баргузор гардид. Дар он раиси Шӯрои нозирони халқии Ҷумҳурии Бухоро Ф. Хоҷаев аз рӯйи

масъалаи «Дар бораи аз рӯйи нишонаҳои миллӣ ба ҷумҳуриҳо тақсим намудани Осиёи Миёнаи Шӯравӣ» маърӯза кард. Дар маърӯза ва қарори пленум тақсимоти ҳудуди миллии Осиёи Миёна ва ташкили ҷумҳуриҳои нави миллӣ мувофиқи мақсад дониста шуд.Пешниҳод шуд, ки дар асоси ҷумҳурии Бухоро ва ба он ҳамроҳ намудани Ҷумҳурии Хоразм (ба ҷуз вилояти Ташауз, ки аҳолиаш асосан туркманҳо мебошанд), вилоятҳои Фарғона, Самарқанд ва Сирдарёи Ҷумҳурии Туркистон-Ҷумҳурии Иттифоқии Шӯравии Сотсиалистии Ӯзбекистон ташкил карда шавад. Оид ба тоҷикон бошад он пленум тавсия намуд, ки «аз ҳисоби Мастчоҳ ва Қаротегину Ғарм вилояти мухтори Тоҷикистонро бунёд кунанд ва он бояд дар ҳайати Ҷумҳурии Ӯзбекистон бошад» [5,31]. Бояд таъкид намуд, ки ин аввалин пешниҳодот оид ба ташкил намудани вилояти мухтори тоҷикон, вале фақат дар ноҳияҳои кӯҳӣ мебошад.

10 марти соли 1924 маҷлиси аъзои Бюрои Осиёимиёнагии КМ ҲК(б) Россия бо иштироки аъзо ва номзадҳои КМ ҲК Туркистон ва Раёсати КИМ Туркистон барпо гардид. Дар он А. Раҳимбоев, чун котиби КМ ҲК Туркистон ва узви бюрои Осиёимиёнагии КМ ҲК(б) Россия баромад карда, таъкид намуд, ки «Осиёи Миёна аз рӯйи ҳайати миллӣ мамлакате мебошад, ки дар он аксариятро ӯзбекҳо, қирғизҳо ва туркманҳо, баъд баъзе халқиятҳои майда ташкил мекунанд» [5,31; 6,49].

5 апрели соли 1924 Бюрои сиёсии КМ ҲК(б) Русия дар маҷлиси худ маърӯзаи котиби КМ ҲК Туркистон ва узви Бюрои Осиёимиёнагии КМ ҲК(б) Русия А. Раҳимбоевро «Дар бораи Туркистон, Бухоро ва Хоразм (дар бораи ташкили ҷумҳуриҳои миллӣ)» шунида, муҳокима намуд. Дар он КМ ҲК(б) Россия фикру андешаҳо оид ба тақсимоти ҳудуди миллии ҷумҳуриҳои Осиёи Миёна пешниҳод гардидаро маъқул шуморида, ҳалли онро то охири моҳи майи ҳамон сол мавқуф гузошт [5, 31:6,49].

28 апрели соли 1924 маҷлиси якҷояи Бюрои Осиёимиёнагӣ ва Бюрои иҷроияи КМ ҲК Туркистон барпо гардид. Он оид ба тақсимоти ҳудуди миллии ҷумҳуриҳои Осиёи Миёна қарорҳои дахлдор қабул кард. Дар он тақсимоти ҳудуди миллиро дар шароити ҳамонвақта зарур ва мувофиқи мақсад шуморида шуд. Инчунин пешниҳод гардид, ки фикру андешаҳоро оид ба ин масъала ба Комиссияи марказии тақсимоти ҳудуди миллӣ супоранд. Ба ҳайати он комиссия А. Раҳимбоев, К. Атобоев, Ф. Хоҷаев, Одинаев, Т. Рискулов, Абдураҳмонов, К. Пӯлодов ва дигарон дохил шуданд. Комиссия дар навбати худ вазифадор карда шуд, ки то 10 май омӯзиши масъаларо анҷом дода, фикру андешаҳои худро ба Бюрои Осиёи-миёнагӣ супорад. Дар қатори комиссияи умумӣ ё худ марказӣ, инчунин комиссияҳои хурди миллӣ низ ташкил доданд. Ин комиссияҳо аввали моҳи май дар маҷлиси нахустини худ ҷамъ омаданд. Минбаъд андешаҳои ин комиссияҳои хурди миллӣ оид ба ҷумҳуриҳои нави миллӣ ва вилоятҳои мухтор бо назардошти ҳудуди онҳо ба Комиссияи марказӣ пешкаш гардиданд [3, 360].

10 майи соли 1924 ҷаласаи комиссияи ӯзбекии бюрои Осиёмиёнагӣ, бо сарварии А. Раҳимбоев барпо гардид. Маҳз дар ин ҷаласа қарор қабул карда

шуд, ки дар ҳайати Ҷумҳурии Ӯзбекистон вилояти мухтори Тоҷикистон ташкил карда шавад ва ба ҳайати он Помир (Кӯҳистони Бадахшон), ноҳияҳои Мастчоҳи вилояти Самарқанд, Ғарм, Дарвоз ва Кӯлоби Ҷумҳурии Бухоро шомил гарданд [3,360].

11 майи соли 1924 бюрои Осиёимиёнагӣ дар маҷлиси худ маърӯзаи Комиссияи марказиро оид ба тақсимоти ҳудуди миллӣ шунида, бори дигар зарурияти онро таъкид кард. Бюро пешниҳод кард, ки Ӯзбекистон ва Туркманистон чун ҷумҳуриҳои иттифоқӣ ташкил карда шаванд ва онҳо ҳамчун ҷумҳуриҳои шӯравии сотсиалистӣ бевосита ба ҳайати ИҶШС (СССР) дохил гарданд. Инчунин пешниҳод намуд, ки вилояти мухтори Тоҷикистон дар ҳайати Ҷумҳурии Ӯзбекистон ташкил ёбад.

Бюрои Осиёимиёнагӣ ба Комиссияи марказии тақсимот тавсия намуд, ки ҳангоми тайёрии масъала барои ҳар воҳиди алоҳида нишонаҳои зеринро ба инобат гиранд: алоқаи иқтисодӣ; сарҳади тахминии миллӣ; имконниятҳои идоракунии маъмурӣ; хусусиятҳои психологии мардумӣ (этнографӣ) ноҳияҳо; мавқеи ҷуғрофӣ ва ғайраҳо. Дар асоси ҳамин пешниҳодот гурӯҳе, ки дар шаҳрҳои Самарқанду Бухоро аксариятро ташкил намудани тоҷиконро ночор эътироф менамуданд, мегуфтанд: «аз сабаби дар атрофи ин шаҳрҳо аксариятро ташкил намудани ӯзбекҳо, ноҳияҳои иқтисодиро аз ин марказҳо, бо хусусиятҳои миллӣ ҷудо кардан мумкин нест». Ҳол он ки дар атрофи шаҳри Бухоро ҳамон вақт ва ҳоло ҳам ноҳияе нест, ки дар онҳо амалан ӯзбекҳо нисбати тоҷикон аксариятро ташкил намоянд.

Мутасаддиёни масъала ҳамон лаҳза барои омода намудани лоиҳаи тақсимоти ҳудуди миллӣ андешаи олимони шарқшиносони Россия, аз ҷумла, В.В. Бартолд, М.С. Андреев ва дигаронро ба инобат нагирифтанд. Ҳол он ки шарқшиноси машҳури рус В.В. Бартолд ба ҳамон тарзе ки болшевикон аз рӯйи нишонаи миллӣ ташкил намудани ҷумҳуриҳои миллиро дар Осиёи Миёна пешкаш кардаанд, чандон розӣ набуд. Ин олими дурандеш оқибати чунин марзбандиро тасаввур намуда, онро хилофи анъанаҳои таърихии ин сарзамин, ки форсизабонон пеш аз ҳама тоҷикон, бо туркзабонон дар давлатҳои ягонаи сермиллат мезистанд, ҳисобидааст.

Яке аз арбобони барҷастаи шӯравии он давр, комиссари халқии корҳои хориҷӣ Георгий Чичерин ба ақидаи шарқшиносони рус такя намуда, ба муқобили лоиҳаҳои ҳозиргардида, лоиҳаеро пешниҳод намуд, ки он дар таърих бо номи «лоиҳаи Чичерин» маълум аст ва мувофиқи он дар ҳудуди Осиёи Миёна Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун ҷумҳурии бузургтарин ва дар ҳайати он Ҷумҳурии мухтори Ӯзбекистон бунёд мегардид. Вале бо сабаби дар ҳайати мутасаддиёни масъалаи марзбандии ҷумҳуриҳои Осиёи Миёна зиёд будани нуфузи туркгароён, мутаассифона «лоиҳаи Чичерин» қабул нагардид.

12 июни соли 1924 Бюрои сиёсии КМ ҲК(б) Россия дар асоси ҳуҷҷату пешниҳодҳои «Дар бораи тақсимоти миллии ҷумҳуриҳои Осиёи Миёна (Туркистон, Бухоро ва Хоразм)» қарор қабул кард. Дар асоси он пешниҳод шуд, ки ҷумҳуриҳои иттифоқии сотсиалистии Туркманистон ва Ӯзбекистон

ташкил карда шаванд. Инчунин зарурияти муттаҳид кардани ноҳияҳои қирғизии (қазоқии) Туркистонро бо ҶМШС Қирғизистон (Қазоқистон), ташкил додани вилояти мухтори Қара-Қирғизро (Қирғизистон) дар ҳайати Федератсияи Россия, вилояти мухтори Тоҷикистонро дар ҳайати Ӯзбекистон пешниҳод кард. КМ ҲК(б) Россия инчунин масъалаи ба Иттиҳоди Шӯравӣ дохил шудани ҷумҳуриҳои нави иттифоқӣ ва барпо намудани ташкилоти ҳизбии онҳоро мавриди баррасӣ қарор дод [5, 38-39].

3 августи соли 1924 дар маҷлиси Бюрои Осиёимиёнагӣ бо иштироки котиби КМ ҲК(б) Россия И.А. Зеленский, «Лоиҳаи пешниҳодҳо дар бораи кори комиссияҳои тақсимоти миллии ҷумҳуриҳои Осиёи Миёна» муҳокима гардид. Дар он ба бюроҳо ё худ комиссияҳои миллӣ супориш дода шуд, ки то санаи 12 август лоиҳаи пешакии ҳудудҳои ҷумҳурию вилоятҳои миллии навбунёдшавандаро таҳия намоянд. Инчунин ба онҳо ҳуқуқ дод, ки ба кори комиссия, аз рӯйи зарурият, шахсони алоҳидаро бо ҳуқуқи овоздиҳии машваратӣ ҷалб намоянд, ё худ комиссияи хурди дигарро ташкил диҳанд.

То миёнаи моҳи августи соли 1924 ягон гурӯҳ ё худ комиссияе вуҷуд надошт, ки он бевосита бо тақдири тоҷикон машғул шавад. Танҳо 16 август дар маҷлиси Бюрои Осиёимиёнагӣ ба ҳайати аъзои комиссияи сарҳадӣ аз ҳисоби тоҷикон Чинор Имомов, Абдураҳим Ҳоҷибоев (роҳбари гурӯҳ) ва М. Саидҷонов дохил гардиданд. Вале аъзои ин комиссия ҳангоми муҳокимаи масъала соҳиби танҳо ҳуқуқи овози машваратӣ буданду халос. Онҳо инчунин муҳлати заруриро низ надоштанд, ки масъаларо ба тарзи лозимӣ омӯзанд. Зеро ба онҳо ҳамагӣ 5 рӯз вақт дода буданд ва дар ин муддат фикру андешаҳоро оид ба масъалаи тақдири тоҷиконро бояд пешкаш менамуданд. Бо ҳамин сабаб ин комиссияи бо ном тоҷикӣ, танҳо имконият пайдо кард, ки лоиҳаи тайёрнамудаи комиссияи ӯзбекиро омӯзад ва бо ҳамон «марҳамате», ки онҳо нисбат ба тоҷикон кардаанд, қаноатманд гарданд ва он андешаҳоро, ё худ нусхаи дигарашро чун тавсияҳои комиссияи тоҷикӣ пешкаш намоянд [5,41].

21 августи соли 1924 дар маҷлиси 5-уми комиссияи тақсимоти ҳудуди миллӣ масъала «Дар бораи вилояти мухтори Тоҷикистон ва ҳудуди он» шунида шуд. Дар ин маҷлис Абдураҳим Ҳоҷибоев ҳамчун раиси комиссияи тоҷикӣ баромад карда, саховатмандии бемисл нишон дод. Аз ҷумла, ӯ зимни суханронӣ изҳор дошт, ки тоҷикони Бухорои Ғарбӣ ва вилоятҳои дигари Туркистон «ҳам аз ҷиҳати хоҷагӣ, ҳам аз ҷиҳати идораи маъмурӣ бо ӯзбекҳо робитаи зич доранд, аз ин сабаб онҳо ба вилояти мухтори Тоҷикистон, ки дар Бухорои Шарқӣ таъсис хоҳад ёфт, ҳамроҳ шуда наметавонанд». Вале раиси маҷлис аз А. Ҳоҷибоев пурсид, ки чаро ӯ дар маърӯзааш тоҷикони Фарғона, Самарқанд ва Бухороро зикр карда, дар бораи тоҷикони Хуҷанд чизе нагуфт. Пас маърӯзачӣ дар ҷавоб: дар Хуҷанд тоҷикон бартарӣ доранд, онҳо «он ҷо дар баъзе волостҳо низ ҳастанд, онҳоро ба вилояти Тоҷикистон ҳамроҳ кардан мумкин аст, аммо роҳҳои иртиботӣ нестанд, фақат роҳҳои пиёдарав вуҷуд доранд ва онҳо аз ҷиҳати тиҷорату иқтисод бо ӯзбекҳо сахт пайвастанд. Мо чунин мешуморем, ки онҳоро дар Ҷумҳурии Ӯзбекистон мондан лозим аст» [3,

381:5,42-47].

Дар ин ҷамъомад, аз рӯйи масъалаи муҳокимашаванда, ҳангоми музокирот Абдураҳим Ҳоҷибоев роҷеъ ба маркази мадании тоҷикон чунин изҳор дошт: «мо ақида дорем, ки шаҳри марказии тоҷикон Самарқанд хоҳад буд, ки дар ҳудуди Ӯзбекистон мемонад, он бояд маркази муваққатии маданияти тоҷик бошад, он ҷо мо бояд мактабҳо ва ғайра ташкил кунем» [9,329].

Аз ин далелҳои овардашуда бараъло равшан аст, ки Абдураҳим Ҳоҷибоеви ҳамон замон ҷавони 24-сола аз қолаби тавсиякардаи комиссияи ӯзбекӣ берун баромада натавонистааст.

24 августи соли 1924 Комиссияи марказии ҳудудӣ аз Комиссияи миллии тоҷикӣ хоҳиш намуд, ки пойтахти вилояти мухтори худро муайян кунанд. Дар чунин лаҳза ҳам комиссияи бо ном тоҷикӣ ақаллан ҷуръат накард, ки масъалаи соҳиб шудан ба яке аз шаҳрҳои қадимаи тоҷиконро ба миён гузорад. Ҷавонӣ ва дуруст надонистани масъала, ба аъзои ин комиссия имконият намедод, ки оқибати мавқеи худро дуруст сарфаҳм раванд. Барои онҳо тақдири миллати худ – тоҷикон гӯё бегона буд. Дар лаҳзаҳои ҳалкунанда барои ҳимояи манфиати халқи худ ягон хел ҷонбозӣ накарда, лаҳза ба лаҳза ба хатогӣ роҳ медоданд. Ниҳоят, ин комиссия саховатмандона аз чунин шаҳрҳои машҳури қадимаи тоҷикон – Бухоро, Самарқанд ва ҳатто Хуҷанд ҳам даст кашида, сараввал деҳаи Қаротоғро чун маркази вилояти мухтории тоҷикон пешниҳод кард. Аммо ин пешниҳод ба ҳарбиён маъқул набуд. Бинобар ин, бо пешниҳоди ҳарбиён, дар он вақт як деҳаи назарногири дурдаст-Душанбе ҳамчун пойтахт қарор гирифт. 6 сентябр Комиссияи марказии ҳудудӣ лоиҳаи ҳудуди вилояти мухтори Тоҷикистонро тасдиқ намуд.

Сентябри соли 1924 масъалаи тақсимоти ҳудуди миллӣ дар қарорҳои органҳои болоии ҷумҳуриҳои Осиёи Миёна ба шакли қонун даромад. Рӯзҳои 15-16 сентябр сессияи фавқулоддаи КИМ Туркистон ба мардуми кишвар ҳуқуқ дод, ки аз ҳайати Ҷумҳурии Туркистон баромада, ҷумҳурӣ ва ё вилоятҳои миллии худро ташкил диҳанд. 20 сентябр анҷумани Умумибухороии шӯроҳо ҳам ҳамин гуна ҳуқуқро ба мардуми Ҷумҳурии Бухоро дод. 29 сентябр бошад Анҷумани умумихоразмии Шӯроҳо низ ҳамин гуна қарор қабул кард.

11 октябри соли 1924 Бюрои сиёсии КМ ҲК(б) Россия маърӯзаи сардори Комиссияи худ В.В. Куйбишевро оид ба тақсимоти ҳудуди миллии Осиёи Миёна шунида, қарорҳои қатъӣ қабул кард. Дар ҳамин маҷлис нақшаи тақсимоти ҳудуди миллӣ ва тақсими фонд ва сармояи давлатӣ дар байни ҷумҳурӣ ва вилоятҳои нави миллӣ дида шуд. Бюрои сиёсӣ ба масъалаи тоҷикон таваққуф намуда, дар ҳамин ҷамъомад зарур шуморид, ки ба ҷойи вилояти мухтор Ҷумҳурии Мухтории Тоҷикистон дар ҳайати Ҷумҳурии Иттифоқии Сотсиалистиии Ӯзбекистон ташкил карда шавад [3, 372-373].

14 октябри соли 1924 иҷлосияи II КИМ Умумирусиягӣ қарори КИМ Туркистонро «Дар бораи ба мухториятҳои алоҳида тақсим намудани Ҷумҳурии Мухтории Шӯравии Сотсиалистии Туркистон» маъқул шуморид. Ин иҷлосия низ ба тоҷикон ҳуқуқ дод, ки ба ҷойи вилояти мухтор (ташкил додани вилояти

мухтори Тоҷикистонин пешниҳоди КИМ Туркистон ва қарори қурултойи V Умумибухорой буд) ҷумҳурии мухторро ташкил диҳанд. Дар натиҷа Ӯзбекистон ва Туркманистон ҳамчун ҷумҳуриҳои иттифоқӣ, Тоҷикистон-ҷумҳурияти мухтор дар ҳайати Ӯзбекистон ташкил ёфтанд. Аз ин рӯ, 14 октябр рӯзи таъсиси Ҷумҳурии Мухтори Тоҷикистон ба ҳисоб меравад. 27 октябр иҷлосияи II КИМ ИҶШС, даъвати 2-юм қарорро оид ба тақсим намудани ҳудуди миллии Осиёи Миёна маъқул шуморид. ҶМШС Тоҷикистон ба воситаи ҶШС Ӯзбекистон ба ҳайати ИҶШС (СССР) дохил шуд.

Ҳангоми ташкилёбии ҶМШС Тоҷикистон ба ҳайати он: аз ҶХШ Бухоро вилоятҳои Ғарм, Душанбе, Кӯлоб ва Қӯрғонтеппа; аз ҶМШС Туркистон вилоятҳои Панҷакент ва Ӯротеппа (Истаравшан) дохил шуданд. Ҳамон вақтҳо масоҳати ҷумҳурӣ 135,6 ҳазор км2 буда, аҳолиаш 739,5 ҳазор нафарро ташкил медод, ки 78,33 фоизаш аз тоҷикон иборат буд.

Баъди ташкилёбии ҶМШС Тоҷикистон ноҳияҳои Исфара, Конибодом ва Ашт, ки ба уезди Қӯқанди вилояти Фарғона дохил мешуданд, бевосита ба ҳайати Ӯзбекистон монданд.Вилоятҳои Панҷакенту Ӯротеппа (Истаравшан) агарчанде аз рӯйи тақсимоти ҳудуди миллӣ ба ҶМШС Тоҷикистон дохил шуданд, вале бо сабабҳои гӯё ҷуғрофӣ, роҳбарии давлатию ҳизбии онҳо то соли 1926 бевосита аз тарафи органҳои ҶШС Ӯзбекистон ҷорӣ мешуд. Кӯҳистони Бадахшони ҳам аз соли 1923 чун вилояти мустақил аввал дар ҳайати ҶМШС Туркистон, баъд ба ҳайати ҶШС Ӯзбекистон монд. 2 январи соли 1925 Вилояти Кӯҳистони Бадахшон ба Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон табдил дода шуд ва худи ҳамон рӯз бо қарори Раёсати КИМ ИҶШС ба ҳайати ҶМШС Тоҷикистон дохил шуд.

Тоҷикони баъзе ноҳияҳои бевосита дар ҳайати ҶШС Ӯзбекистон монда, аз натиҷаи тақсимоти ҳудуди миллӣ чандон розӣ набуданд. Аз ҷумла охири соли 1924 мардуми ноҳияи Конибодом, чун эътироз, пеши роҳи раиси КИМ ИҶШС (СССР) М.И. Калининро гирифтанд. Дар натиҷа онҳо соли 1925 ҳуқуқи «ноҳияи мухторӣ»-ро соҳиб шуданд.

Бояд таъкид намуд, ки ҳангоми гузаронидани маъракаи тақсимоти ҳудудӣ миллии Осиёи Миёна барои маҳдуд намудани мавқеи тоҷикон воситаҳои гуногунро истифода бурдаанд.Чуноне таъкид намудем, сарвари ҳукумати ҷумҳурии Бухоро Ф. Хоҷаев аввалин шуда пешниҳод карда буд, ки аз ҷумлаи ноҳияҳои Кӯҳистони Мастчоҳ ва Қаротегин вилояти мухтори Тоҷикистон бунёд карда шавад. Дигар вилояту ноҳияҳои ҷумҳурии Бухоро бояд асоси Ҷумҳурии Ӯзбекистонро ташкил медоданд. Амалдорони Ҷумҳурии Бухоро ҳангоми гузаронидани маъракаи тақсимоти ҳудуди миллӣ аз рӯйи ҳамин нақша амал карданд. Онҳо дар байни мардуми шаҳру деҳот ташвиқ мекарданд, ки «аз ҳисоби сарзамини Ҷумҳурии Бухоро ҷумҳуриҳои Ӯзбекистон ва вилояти мухтори Тоҷикистон бунёд мегардад. Бо сабаби он ки вилояти мухтори тоҷикон дар ноҳияҳои кӯҳистон барпо мегардад, бинобар ин ҳар касе худро дар рӯйхат «ӯзбек» нависад, дар манзили худ озодона истиқоматро идома дода метавонад. Ҳар касе, ки худро «тоҷик» сабт кунад, хона ва чизу чораашро

гузошта, ба ҳамон мулкҳое, ки барои вилояти мухтори тоҷикон муайян шудаанд, раванд ва ё онҳо маҷбуран фиристода мешаванд». Дар асоси ин ташвиқот қисме аз тоҷикони на танҳо Бухоро ва атрофи он, ҳатто тоҷикони дигар вилоятҳои Осиёи Миёна ҳам баҳри дар манзили худ оромона мондан ба рӯйхат худро ҳамчун «ӯзбек» номнавис намуданд. Зеро барои онҳо ноҳияҳои Қаротегину Мастчоҳ ҳамчун гӯшаи қафомондатарин ва мардуми он бебизоат маълум буд.

Ҳангоми гузаронидани тақсимоти ҳудуди миллии Осиёи Миёна, на дар Ҷумҳурии Туркистон ва на дар Ҷумҳурии Бухоро ба рӯйхатгирии ҳақиқии аҳолӣ гузаронида нашуд. Зеро барои ин заминаҳои объективӣ ва субъективӣ ҳанӯз муҳайё нагардида буданд. Дар баробари бениҳоят паст будани сатҳи худшиносии миллӣ, инчунин кадрҳои лаёқатманд намерасиданд. Бинобар ҳамин ҳам дар рафти маъракаи тақсимоти ҳудуди миллӣ, амалдорон бештар аз кабинети кории худ истода, кӣ будани мардуми ин ё он маҳал ё худ ноҳияро муайян мекарданд. Баъзан онҳо намояндагони худро ба ноҳияҳои гуногун фиристода, бо дасти онҳо рӯйхати муфассалро бо нишон додани миллати барояшон дилхоҳ ҳозир менамуданд.

Ҳуҷҷатҳои гуногуни бойгонии шаҳри Москва аз он далолат медиҳанд, ки дар баъзе ноҳияҳои тоҷикнишин, мутасаддиёни ба рӯйхатгирии аҳолӣ ба тамоми фишорҳо нигоҳ накарда, рӯйхати ҳақиқии аҳолиро ба нишон додани миллаташон ҳамчун «тоҷик», пешниҳод кардаанд. Вале чунин ҳолат, ки ба амалдорони болоӣ маъқул набуд, бинобар ин, дар чунин рӯйхатҳо калимаи «тоҷик»-ро хат зада, аз болои он «ӯзбек» навиштаанд. Мутаассифона, ин гуна рӯйхатҳои ислоҳшуда хело бисёранд.

Ҳангоми маъракаи ба рӯйхатгирӣ, баъзе аз амалдорон бо дастаҳои силоҳбадаст дар гузару маҳаллаҳои тоҷикнишин ва ҳатто масҷиду мадрасаҳо мардумро «ташвиқ» намудаанд, ки дар рӯйхат худро ҳатман «ӯзбек» нависанд, ё худ ҳангоми пурсидани касе худро ҳамчун «ӯзбек» муаррифӣ намоянд. Чунин шахсони силоҳдор баъзан шабона ба хонаи тоҷикон даромада, онҳоро гӯё бори дигар «огоҳ» намудаанд, ки «ӯзбек» будани худро фаромӯш накунанд.

Ҳамон лаҳза яке аз мақсадҳои асоситарин ва наздиктарини амалдорони ҷумҳуриҳои ҷӣ Бухоро ва ҷӣ Туркистон, ин ба инобат нагирифтани мавҷудияти тоҷикон буду бас. Дар ин ҷода онҳо аз дин ҳам моҳирона истифода бурдаанд. Худ тасаввур кунед, ҳанӯз ҳам аз тоҷик ё худ ӯзбек, ки ба дин эътиқоди сахт дорад, саволомез пурсед: «тааллуқ ба кадом миллат дорад?». Дар ҷавоб албатта мегӯяд: «Алҳамдулиллоҳ мусулмонам!» Пас, дар он солҳои пурфоҷиаи 20-ум, тоҷики аз тарсу ваҳм гумроҳгардида аз куҷо медонист, ки ҳангоми пурсидани миллат ба ҷойи «мусулмон» бояд «тоҷик» гӯяд!

Ғайр аз ин сиёсатмадороне, ки ҳаллу фасли миллиро ба дӯш доштанд, чунин ташвиқ мекарданд, ки «ҳар ки суннимазҳаб аст, туркасл ва ҳар ки шиамазҳаб аст, эрониасл мебошад». Маълум аст, ки дар Осиёи Миёна, махсусан дар Бухоро ва Самарқанд, дар паҳлӯи тоҷикон эрониён низ зиндагӣ мекунанд. Агарчӣ тоҷикону эрониён ба гавҳар як халқ мебошанд, тафовути

мазҳабӣ онҳоро аз ҳам ҷудо мекунад. Чуноне маълум аст, дар аморати Бухоро ихтилофҳои мазҳабӣ бо ихтилофҳои мансабӣ омехта шуда, моҳи январи соли 1910 дар шаҳри Бухорои Куҳна сабабгори хунрезии сахт гардида буд. Соли 1924 бошад амалдорони Бухоро чунин ихтилофоти мазҳабии тоҷикон ва эрониёнро ба инобат гирифта, ба гумоштагони худ дастур доданд, ки: «ҳар касе худро суннимазҳаб ҳисобад, вай ӯзбек аст, ҳар касе худро тоҷик ҳисобад, вай шиамазҳаб аст». Дар натиҷаи чунин «муайян» кардани миллат бисёр тоҷикони бухороӣ худро «ӯзбек» ҳисобиданд. Зеро онҳо шиамазҳабиро барои худ ҳам таҳқир ва ҳам гуноҳи азим меҳисобиданд.

Як нуктаи дигарро низ хотирнишон карданием, ки дар замони бунёди ҷумҳуриҳои миллӣ ва баъди он ҳам, баъзе тоҷикони ҳаваси мансаб намуда, маҳз сиёсати туркгароӣ, баъд ӯзбекгароии ҳукуматдорони саравввал ҷумҳуриҳои Бухорову Туркистон, сипас Ӯзбекистонро ба инобат гирифта, баҳри мансаб аз асли хеш даст кашида, барои «исботи» туркнажодӣ худро ҳатто аз авлодони «яссавӣ» ё худ «ҷағатойӣ» ба қалам медоданд. Дар ҳақиқат ҳамин гуна шахсон соҳиби мансабҳои гуногун гардиданд. Минбаъд тоҷикони «ӯзбек» номнависшуда худро барғалат «ӯзбекони тоҷикзабон» меҳисобиданд, ки чунин шахсон хеле бисёранд.

Дар охир бори дигар таъкид намуданием, ки дар марҳалаи гузаронидани тақсимоти ҳудудӣ миллии Осиёи Миёна беадолатиҳо нисбат ба халқи тоҷик на аз тарафи халқҳои ӯзбек, туркман, қирғиз, қазоқ ва ғайра, балки дар натиҷаи бемасъулиятию бераҳмӣ ва мавқеи нодурустро ишғол намудани арбобони масъули чӣ ҳизбию шӯравии маҳаллӣ ва чӣ марказӣ, махсусан дар натиҷаи шитобкории онҳо дар гузаронидани ин гуна чорабиниҳои муҳимми ҳалкунандаи тақдири халқҳо содир гардидааст. Бинобар ин, оид ба беадолатиҳои содиршуда гуноҳ, ақалан масъулиятеро ба дӯши ин ё он халқе гузоштан асос ва маъние надорад.

Ҳамин тавр, агарчанде дар натиҷаи тақсимоти ҳудудӣ соли 1924, бо душвориҳои зиёд Ҷумҳурии Мухтори Шӯравии Сотсиалистии Тоҷикистон таъсис ёфт ва ин барои тоҷикон аҳаммияти бузурги таърихӣ дошт, вале аз аввал то охир дар ин маъракаи сиёсии тақдирсоз, асосан манфиати тоҷикон аз ҷиҳати маънавӣ ба инобат гирифта нашуд. Бо ҳамин сабабҳо тоҷикон аз чунин тақсимот бештар зарар диданд.

АДАБИЁТ

1.Айнӣ С.Мухтасари тарҷумаи ҳоли худам//Куллиёт,ч. 1.-Сталинобод, 1958.–С. 7-99.
2.Дар диёри тоҷикон//«Туркистон». (Рӯзнома) 1924. 2 январ.
3.История таджикского народа. Т.V. Новейшая история (1917-1941 гг.). Под ред. академика Рахима Масова. –Душанбе, 2004. -752с.
4.Ленин В.И. Ҷамъбасти мубоҳиса дар бораи худмуайянкунӣ//Асарҳо. Нашри тоҷикӣ. Ҷилди 12. –Сталинобод 1958. -С. 34.
5.Масов Р. История топорного разделения. –Душанбе, 1991. -192 С.
6.Масов Р. Таджики: история национальной трагедии. –Душанбе, 2008. -536с.
7.Очерки истории Коммунистической партии Таджикистана. –Душанбе, 1980 -488с.

8.Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре и национального размежевания в Средней Азии // Изб. труды. Т.1. –Ташкент, 1970. –С. 69-318.
9.Ҳотамов Н. Таърихи халқи тоҷик.Китоби дарсӣ,нашри дуюм.–Душанбе, 2007. -368с.
10.Ҳотамов Н., Довудӣ Д., Муллоҷонов С., Исоматов М. Таърихи халқи тоҷик. Китоби дарсӣ, нашри сеюм. –Душанбе, 2019. -640 с.

МАҲДУДИЯТИ МАЪНАВИИ ТОҶИКОН ҲАНГОМИ ГУЗАРОНИДАНИ ТАҚСИМОТИ ҲУДУДИ МИЛЛӢ ДАР ОСИЁИ МИЁНА

Соли 1924 дар Осиёи Миёна тақсимоти ҳудуди миллӣ гузаронида шуд.Он мувофиқи талаботи барномаи Ҳизби болшевикии Русия мегузашт, ки онро В.И. Ленин тартиб дода буд ва барои бунёди ҷамъияти сотсиалистӣ зарур ҳисоб карда мешуд. Аз ин рӯ талаб мекарданд, ки ба ҷойи ҷумҳуриҳои мавҷуда: Туркистон, Бухоро ва Хоразм, ки номи ягон миллатро ифода намекарданд, ҷумҳуриҳои миллӣ ташкил шаванд. Сараввал пешниҳод гардида буд, ки ҷумҳуриҳои иттифоқии Туркманистон, Ӯзбекистон ва дар ҳаёти охирин, дар аввал Вилояти мухтори Тоҷикистон бунёд шавад. Он лаҳзаи тақдирсоз қариб ҳамаи роҳбарони ҷумҳуриҳои Туркистон ва Бухоро, аз он ҷумла тоҷикони дар он ҳайат буда ҳам бо ақидаҳои туркгароӣ заҳролуд шуда буданд. Бинобар ин онҳо барои маҳдуд намудани мавқеи маънавии тоҷикон тамоми воситаҳоро истифода мебурданд. Аз ин рӯ, аз ин тақсимот тоҷикон бештар зарар диданд.

Калидвожаҳо: *тақсимоти ҳудуди миллӣ, ҳуқуқи худмуайянкунии миллатҳо, Осиёи Миёна, тоҷикон, ӯзбекҳо, туркменҳо, Ҷумҳурии Туркистон, Ҷумҳурии халқии Бухоро, Ҳукумати Шӯравӣ, Ҳизби коммунистӣ (болшевикӣ), В.И. Ленин, Ф. Хоҷаев, А. Раҳимбоев, А. Фитрат, А. Ҳоҷибоев, комиссияи тоҷикӣ.*

МОРАЛЬНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ ТАДЖИКОВ В ПЕРИОД НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗМЕЖЕВАНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В 1924 году в Средней Азии было проведено национально-территориальное размеживание. Оно была проведено на основе требования программы партии большевиков России, которая была составлена В.И. Лениным для построения социалистического общества. На этом основании требовали, чтобы вместо существуюших республик: Туркестана, Бухары и Хорезма, которые не отражали название ни одной нации, образовать национальные республики. Первоначально предлогались союзные республики Туркменистан, Узбекистан, в состав последнего автономная область Таджикистан. Однако, в тот судьбоносный период почти всё руководство Туркестанской и Бухарской республик, среди которых было немало таджиков по происхождению, но заразившихся пантюркизмом, отрицали существование таджиков как нации. Поэтому для ограничения положения таджиков они использовали всяческие способы, от чего от этого национально-территориального размеживания больше всего пострадали таджики.

Ключевые слова: *Национально-территориальное размежевание, национальное самоопределение, Средняя Азия, таджики, узбеки, туркмены, республика Туркестан, республика Бухара, Советская власть, Коммунистическая партия (большевиков), В.И. Ленин, Ф. Ходжаев, А. Рахимбоев, А. Фитрат, А. Ходжибаев, таджикская комиссия.*

MORAL RESTRICTION OF TAJIKS DURING THE PERIOD OF NATIONAL-TERRITORIAL DELIMITATION OF CENTRAL ASIA

In 1924, there was a national-territorial demarcation in Central Asia. It was carried out on the basis of the requirements of the program of the Bolshevik Party of Russia, which was compiled by V.I. Lenin, for the construction of a socialist society. On this basis, they demanded that instead of

being republics: Turkest, Bukhara and Khorezm, which did not reflect the name of any nation, to form national republics. Initially, the allied republics of Turkmenistan and Uzbekistan wereproposed, as part of the latter, the autonomous region of Tajikistan. However, in that fateful period, almost all the leadership of the Turkestan and Bukhara republics, among which were quite a few Tajiks by origin, but infected with PanTurkism, denied the existence of Tajiks. Therefore, they used all sorts of methods to restrict the provisions of the Tajiks. That is why Tajiks suffered more from this national-territorial delimitation.

Key words: *National-territorial demarcation, national self-determination, Central Asia, Tajiks, Uzbeks, Turkmens, the Republic of Turkestan, the Republic of Bukhara, Soviet power, the Communist Party (Bolsheviks), V.I. Lenin, F. Khodzhaev, A. Rakhimboev, A. Fitrat, A. Khodjibaev, Tajik Commission.*

Сведения об авторе:

Хотамов Намоз Басарович–доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша Национальной академии наук Таджикистана.Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе пр. Рудакӣ, 33. Телефон (+992) (37) 21-20-93 (сл) (+992) 935-918-21-55-36 (моб) E-mail: namoz.hotamov@mail.ru.

Information about the author:

Hotamov Namoz Basarovich - Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Contemporary History of the Institute of History, Archeology and Ethnography named after A.I. Ahmad Donish of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, 33 Rudaki ave. Phone: (+992) (37) 21-20-93 (сл) (+992) 935-918-21-55-36 (моб) (mob).E-mail: namoz. hotamov@mail

УДК 32 (575.3) (09)

НАҚШИ СОЗМОНИ МИЛАЛИ МУТТАҲИД ДАР ИСТИҚРОРИ СУЛҲ ВА ВАҲДАТИ МИЛЛИИ ТОҶИКОН

Фарзона ҒАФФОРЗОДА,
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Ҳамкорӣ миёни Тоҷикистон ва бонуфузтарин созмони ҷаҳонӣ – Созмони Милали Муттаҳид (СММ), ки аз 2 марти соли 1992 ибтидо мегирад, сол то сол дар ҳоли рушд ва тавсеа қарор дорад. СММ – бузургтарин ниҳоди ҷаҳонӣ буда, 193 кишвари дунёро муттаҳид месозад ва ба қавли собиқ намояндаи доимии Тоҷикистон дар СММ - Рашид Олимов «дар фаъолияти хеш чор ҳадафро пайгирӣ менамояд: нигоҳдории сулҳ ва амнияти байналмилалӣ, рушди муносибатҳои аҳлона дар байни миллатҳо, татбиқи ҳамкории байналмилалӣ доир ба ҳалли мушкилоти байналхалқӣ ва қарор доштан дар маркази ба мусолиҳат омадани миллатҳо» [4, 13].

Бояд зикр кард, ки 1 феврали соли 1993 дар шаҳри Душанбе намояндагии СММ ифтитоҳ ёфт ва Миссияи нозирони СММ дар Тоҷикистон ба фаъолият оғоз кард. Ҳадафи асосии ин ниҳод таъсир гузоштан ба раванди сулҳхоҳӣ, баҳогузорӣ ба вазъи ҳарбӣ дар кишвар ва бо ин васила вусъат бахшидани

раванди сулҳофаринӣ дар Тоҷикистон буд [15,62-65]. Бо туфайли фаъолияти Миссияи нозирони СММ дар ҷумҳурӣ (21 январи соли 1993 – моҳи майи соли 2000 – МНСММТ (МНООНТ) муқаррароти асосии «Созишномаи умумии истиқрори сулҳ ва ризоияти миллӣ дар Тоҷикистон», ки 27 июни соли 1997 ба имзо расида буд, дар амал татбиқ гардиданд.

Созмони Милали Муттаҳид дар танзим ва ҳалли низои сиёсии Тоҷикистон ва махсусан ташкили оштии милии тоҷикон нақши барҷаста дорад. СММ дар тӯли баргузории гуфтушунидҳои ҷонибҳои даргир нақши миёнаравиро иҷро намуда, дар мавридҳои душвори низоӣ кӯшиш ба харҷ додааст, ки мавқеи онҳоро ба ҳам наздик созад. «Барои таъмини сулҳу суботи Тоҷикистон, СММ формулаи одӣ, аммо воқеиеро интихоб менамояд, ки мақсади он барҳам задани мухолифатҳои ҳарбӣ мебошад» [2, 14].

Иштироки СММ дар танзими низои сиёсии Тоҷикистон дар ду марҳалаи асосӣ сурат гирифтааст. Марҳалаи якум: омодагии фаъолияти СММ барои таъмини сулҳу субот дар Тоҷикистон ва оғози амалиёти сулҳофарӣ (1992-1994). Марҳалаи дуюм: амалиёти фаъоли сулҳофарӣ дар Тоҷикистон аз ҷониби СММ (1995-1997).

Таърихнигории сиёсати хориҷӣ, ки ҳамкориҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон ва СММ-ро инъикос менамояд, фарогири шумораи зиёди мақолаҳои илмӣ ва монографияҳо мебошад. Ғановати асарҳои таърихӣ оид ба ин масъала аз мубрамият ва саривақтӣ будани масоили мазкур гувоҳӣ медиҳад. Дар байни осори илмӣ асарҳои олимон ва ҷомеашиносон, ки ба инъикоси фаъолияти СММ дар ба даст омадани сулҳ ва нақши сулҳофарии ин созмон дар Тоҷикистон бахшида шудаанд, мавқеи муҳимро ишғол менамоянд. Ба андешаи иштирокчиёни гуфтушуниди байни тоҷикон нақши СММ дар ҳалли ин муноқиша ниҳоят бузург аст.

Бояд қайд кард, ки ҷиҳати таҳқиқи назариявии ташаккули сиёсати хориҷии кишвар, аз ҷумла, ҳамкориҳо бо СММ суханрониҳо, паёмҳои ҳамасола ва осори Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон [10] манбаъи арзишманд маҳсуб меёбанд. Асосгузори сулҳу Ваҳдати миллӣ-Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ҳангоми суханронӣ ба муносибати ифтитоҳи бинои нави Вазорати корҳои хориҷӣ доир ба зарурияту аҳаммияти пешбурди ҳамкориҳо бо созмонҳои байналхалқӣ дар пешрафти иҷтимоиву сиёсӣ, иқтисодӣ ва фарҳангии кишвари мо чунин ишора карда буд: «Иштироки густурдаи давлати мо дар фаъолияти созмонҳои байналмилалии ҷаҳониву минтақавӣ аз зарурате сар задааст, ки кишварамон дар таҳкими амнияту суботи байналмилалӣ аз рӯйи имкон саҳм гузошта, ҳимояи манфиатҳои хешро ба таври афзал таъмин намояд; инчунин имкониятҳои технологӣ, иқтисодӣ, сиёсӣ ва зеҳнии онҳоро барои иҷрои ҳадафҳои дарозмуддати сиёсати хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон – ташкил ва фароҳам овардани шароити мусоид барои татбиқи ислоҳоти муваффақона дар дохили кишвар ва такомулу инкишофи Тоҷикистони соҳибистиқлол ҷалб намояд « [13, 24].

Дар ҷилди шашуми асари бунёдии «История таджикского народа» олими шинохта В.В. Дубовитский [6,660-669] ҳамкориҳои густурдаи Ҷумҳурии Тоҷикистонро бо созмонҳои байналхалқӣ, бахусус СММ тавсиф намудааст. Муаллиф бо инъикоси амалиётҳои сулҳофарии СММ иктифо накарда, ба тавсифи амалиётҳои ин ниҳоди ҷаҳонӣ ҷиҳати нигоҳдошти сулҳ дар Тоҷикистон, ки аз давраи ба имзо расидани «Созишномаи умумии истиқрори сулҳ ва ризоияти миллӣ» то баргузории интихобот (марти с. 2000) ба парламенти дупалатагии касбиро фаро мегирад, таваҷҷуҳи зиёд зоҳир кардааст. В.В. Дубовитский ҷанбаи сулҳофарии фаъолияти СММ-ро ҷиҳати нигоҳдошти сулҳ, инчунин талошҳои пайвастаи гуманитарии ин ниҳодро таҳлил намуда, бештар ба фаъолияти Фонди кӯдаконаи СММ (ЮНИСЕФ) диққати ҷиддӣ додааст. Дар ин бахш санадҳои ҷолиб ҷиҳати талошҳои гуманитарии ЮНИСЕФ, ки ҳанӯз дар ибтидои ҷанги шаҳрвандӣ яке аз аввалинҳо шуда ба Тоҷикистон дасти ёрӣ дароз намуда буд, оварда шудааст. Ба ақидаи В.В. Дубовитский ЮНИСЕФ ба ҷумҳурӣ кӯмаки гуманитарӣ ва техникӣ дар шакли доруворӣ, китобҳои дарсӣ барои хонандагон, кумаки воқеӣ ҷиҳати танзими бемориҳои сироятӣ, ба амсоли вараҷа, тиф, гепатит ва ҳоказо расонидааст.

Мавриди қайд аст, ки маҳз таҳти сарпарастии СММ ва давлатҳои кафили минтақа, ба хотири ба даст омадани сулҳу субот дар Тоҷикистон 8 даври музокирот миёни тоҷикон анҷом пазируфт ва билохира, сулҳи деринтизор пойдор гардид. Ба ақидаи муҳаққиқи сиёсати хориҷии Тоҷикистон Зафар Сайидзода: «Бисёре аз сиёсатмадорону таҳлилгарони муътабари дунё таҷрибаи сулҳофаринии тоҷиконро падидаи нодир номида, таъкид кардаанд, ки ин таҷрибаро мешавад барои хомӯш кардани муноқишаҳои дохилии кишварҳои гуногуни ҷаҳон истифода кард» [12, 170]. Дар ҳақиқат таҷрибаи сулҳофаринии тоҷикон падидаи беназир буда, нақши СММ баҳри ба даст омадани он хеле арзишманд ва бузург аст. Ҷабҳаҳои алоҳидаи ин масоил нахустин маротиба дар таҳқиқоти муштараки Р. Алимов, М. Лебедев ва Э. Касимов таҳти унвони «Таджикистан - ООН: история взаимоотношений» («Тоҷикистон – СММ: таърихи равобити дутарафа») [3] баррасӣ гардидаанд. Муаллифони ин асари публитсистӣ, дипломатҳои касбианд, ки дар ҳодисаҳои тасвир намудаи худ бевосита ширкат варзидаанд. Ин ҳолат ба онҳо имкон додааст, ки динамикаи рушди муносибатҳои Ҷумҳурии Тоҷикистонро бо СММ амиқан инъикос намоянд ва аз ҳама муҳим – ба як қатор масъалаҳои ҳалталаб баҳои илмӣ диҳанд. Сарфи назар аз он, ки ин асарро таҳқиқоти маҳз ба миссияи сулҳофарии СММ бахшидашуда номидан мумкин нест, бо вуҷуди ин таҳқиқоти мазкур кӯшиши аввалин дар боби таърихи бонизоми сиёсати хориҷии Тоҷикистон маҳсуб меёбад.

Муҳимтарин таълифот, ки оид ба масъалаи рисолати сулҳофарии СММ дар Тоҷикистон ва умуман, ҳамкории Тоҷикистону СММ бахшида шудааст, китоби «Таджикистан – ООН» («Тоҷикистон – СММ») [4] ба ҳисоб меравад. Муаллиф ва мураттиби ин асар низ собиқ намояндаи доимии Тоҷикистон дар СММ Рашид Олимов буда, дар он маҷмуи маводе, ки фаъолияти Ҷумҳурии

Тоҷикистонро дар ин ниҳоди ҷаҳонӣ аз соли 1992 то соли 2000 инъикос мекунанд, гирд оварда шудааст. Дар ин таълифот, инчунин баромадҳои Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, вазири корҳои хориҷӣ ва намояндаи доимии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар СММ, дар Ассамблеяи Генералӣ ва иҷлосияҳои Шӯрои Амнияти СММ ворид гардидаанд. Махсусан кӯшишу талошҳое, ки Ҷумҳурии Тоҷикистон бо кумаки ин созмони ҷаҳонӣ баҳри хотима бахшидани ҷанги шаҳрвандӣ, истиқрори сулҳ ва ваҳдати миллӣ дар мамлакат ба анҷом расониданд, дар маркази диққат ва таваҷҷуҳи муаллиф қарор ёфтаанд.

Дар таърихнигории тоҷик, ки равобити дуҷонибаи Ҷумҳурии Тоҷикистон ва СММ инъикос намудаанд, асарҳои Эркин Раҳматуллоев [7] мавқеи хосаро ишғол менамонд. Рисолаи мавсуф таҳти унвони «Миротворческая деятельность ООН в Таджикистане и перспективы превентивной дипломатии в Центральной Азии» («Фаъолияти сулҳофарии СММ дар Тоҷикистон ва дурнамои дипломатияи пешгирикунанда дар Осиёи Марказӣ») [8] ба таҳлили илмии муноқишаи байни тоҷикон – ҳамчун рӯйдоди вазнин, зиддиятнок ва фоҷиабор дар фазои пасошӯравӣ бахшида шудааст.

Дар рисолаи дуюми Эркин Раҳматуллоев таҳти унвони «Превентивная дипломатия или мираж» («Дипломатияи пешгирикунанда ё хаёли хом») [9], ки ба муносибати ҷашни 10-солагии имзои «Созишномаи умумии истиқрори сулҳ ва ризоияти миллӣ дар Тоҷикистон» ба табъ расидааст, роҳи тадриҷан ташаккул ёфтани «дипломатияи пешгирикунанда» таҳқиқ гардидааст.

Мавриди зикр аст, ки омӯзиши бисёрҷонибаи миссияи сулҳофарии СММ дар Тоҷикистон ба номи ин муҳаққиқ алоқаманд аст. Фазолати бекарон, донистани якчанд забонҳои хориҷӣ, маҳорати пайвастани маводи санадии зиёд бо гузориши масоили ҳалталаб ба Э. Раҳматуллоев имкон доданд, ки асарҳои бунёдӣ дар боби ҳамкориҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон бо ин ниҳоди байналхалқӣ таълиф намояд.

Саҳми намояндагони СММ дар ҳалли мусбати муноқишаи байни тоҷикон дар асарҳои Ш.С. Саъдиев [14], С. Давлатов [5] ва И. Абдуллоев [1] низ инъикос гардидааст. Дар онҳо таъкид мешавад, ки ҳамкории СММ ва Тоҷикистон дар истиқрори бебозгашти раванди сулҳ дар кишвар унсури асосии фаъолияти Миссияи нозирони СММ дар Тоҷикистон маҳсуб меёбад.

Тибқи маълумоти адабиёти зикршуда, Ҳукумати мамлакат дар нимаи дуюми соли 1992 СММ-ро барои иштирок дар таҳкими амният даъват намуд. Бори якум 29 сентябр ва бори дуюм 15 октябри соли 1992 бо ташаббуси иҷрокунандаи вазифаи Раиси Шӯрои Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон Акбаршо Искандаров барои иштироки СММ дар таҳкими сулҳу суботи Тоҷикистон даъват ба амал оварда шуд. Ниҳоятан баъди таҳлили вазъияти дохилии мамлакат Котиби Генералии СММ Бутрос Гали 29 октябри соли 1992 барои сафарбар намудани намояндагони сулҳофари ин созмон қарор қабул намуд [1, 100-101].

Раиси Шӯрои Амнияти СММ бо такя ба қарори Котиби Генералии созмон

30 октябри соли 1992 арзномаеро ба имзо расонид, ки дар он ҷонибҳои низоъро ба қатъ намудани амалиётҳои ҳарбӣ ва оғози музокироти сиёсӣ даъват менамуд. Дар қароре, ки ҷаласаи Шӯрои Амнияти СММ «Дар бораи вазъияти Тоҷикистон» қабул намуд, дар робита бо идомаи ёфтани ҷанг ва бад гардидани вазъияти сиёсии Тоҷикистон, ки дар натиҷаи он аллакай садҳо нафар ҷони худро аз даст додаву ба мамлакат хисороти зиёди моддӣ расонида шуда буд, изҳори нигаронӣ зоҳир гардид. Ҳамзамон Шӯрои Амнияти СММ аз қарори Котиби Генералии ин созмон изҳори қаноатмандӣ намуда, бо мақсади қонеъ намудани талаби Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон барои танзими низоъ ва ҳалли он сафарбар намудани намояндагони сулҳофари ин созмонро ташкил намуд. СММ дар марҳалаи аввали фаъолиятҳои худ дар самти таъмини сулҳу субот, ташкили комиссияҳои сулҳофар ва бо ин мақсад ба роҳ мондани ҳамкорӣ бо дигар созмону ташкилот амалиёти зиёдеро анҷом дода буд.

Даври аввали гуфтушунидҳо 5-19 апрели соли 1994 бо иштироки намояндаи махсуси Дабири Кулли СММ дар шаҳри Маскав баргузор гардид. Дар кори он намояндагони расмии Афғонистон, Эрон, Қазоқистон, Қирғизистон, Покистон, Россия ва Ӯзбекистон ба сифати нозир иштирок намуданд. Дар раванди баргузории даври аввали гуфтушунидҳо масъалаҳои асосии баҳснок миёни ҳукумат ва мухолифин матраҳ гардиданд ва дар заминаи он протокол дар бораи таъсиси Комиссияи якҷоя оид ба масъалаи гурезагон ва муҳоҷирон ба имзо расид. СММ хеле зиёд кӯшиш менамуд, ки рафти баргузории гуфтушунидҳо бе монеа баргузор гарданд [11, 9].

Инчунин дар ин марҳала як қатор ҳуҷҷатҳои расмӣ барои танзими вазъияти низоӣ ба имзо расонида мешавад, ки дар самти назорати он нақши СММ барҷаста мебошад. Масалан, даври дуюми гуфтушунидҳо аз 18 то 28 июни соли 1994 дар шаҳри Теҳрон баргузор гардида буд, ки дар он ҷонибҳо Консепсияи созишномаи сулҳро омода намуда буданд. Аммо ҷонибҳои даргир натавонистанд ба созиши умумӣ оянд. Чунин ҳолат боиси он гардид, ки тобистони соли 1994 амалиёти ҳарбии ҷонибҳо дубора фаъол гарданд. Бархӯрди неруҳо чи дар дохили мамлакат ва чи дар сарҳади Тоҷикистону Афғонистон ба амал меомаданд. Бо дарназардошти чунин вазъият намояндаи махсуси Котиби Генералии СММ баъди анҷом додани вохӯрӣ бо ҷонибҳои даргир ва бо машварату тавсияҳои зиёд рӯзҳои 12-17 сентябри соли 1994 вохӯрии навбатии даври дуюми гуфтушунидҳоро боз дар шаҳри Теҳрон баргузор намуд. Дар ин вохӯрӣ дар бораи муваққатан эълон намудани оташбас ва қатъи амалиёти ҳарбӣ созишнома қабул карда шуд, дар он роҳбари ҳайати ҳукуматӣ А. Достиев, роҳбари ҳайати мухолифин А. Тӯраҷонзода ва намояндаи Муншии СММ – Р. Пирис-Баллон имзо гузоштанд [11,17]. Дар чунин шароити ҳассос Бутрос Гали дар бораи фиристодани 15 нозири ҳарбии СММ қарор қабул намуд ва барои риояи талаботи созишномаи мазкур нозирони ҳарбии СММ ба муддати як моҳ ба Тоҷикистон фиристода шуданд. Ҳамзамон, як гурӯҳ кормандони Котиботи СММ бо мақсади таъсис додани Намояндагии СММ дар Тоҷикистон ба мамлакат ташриф оварданд ва паҳлӯҳои гуногуни

масъалаи мазкурро мавриди омӯзиш қарор доданд.

Даври сеюми гуфтушунидҳои ҷонибҳои низоъ бо роҳбарии Намояндаи махсуси СММ Р. Пирис-Баллон ташкил карда шуд, ки он рӯзҳои 20 октябр то 1 ноябри соли 1994 дар шаҳри Исломобод баргузор гардид. Дар вохӯрии мазкур ҷонибҳо муҳлати Созишномаи муваққатан эълон намудани оташбас ва қатъи амалиёти ҳарбиро дароз намуданд ва барои назорати иҷроиши он Протокол дар бораи таъсиси Комиссияи муштарак ба имзо расониданд. Гузашта аз ин, дар ин вохӯрӣ нақши СММ дар ҳамкорӣ ба фаъолияти Комиссияи муштарак муайян гардид. Тибқи он СММ уҳдадор шуд, ки ба воситаи намояндагиаш дар Тоҷикистон ба фаъолияти Комиссияи муштарак кӯмак расонида, иҷро шудани Созишномаро аз рӯйи усули соҳибистиқлолӣ ва беғаразӣ назорат мекунад [11,22].

Бояд гуфт, ки марҳалаи дуюми иштироки СММ дар раванди ҳалли низои Тоҷикистон марҳалаи хеле ҳассос ба шумор меравад. Марҳалаи мазкур солҳои 1995-1997 фаро гирифта, ташкили давраҳои ниҳоии гуфтушунидҳо ва танзими вазъияти муташанниҷи сиёсӣ дар ин марҳала амалӣ карда шудааст. Бо мақсади барҳам задани амалиёти ҳарбие, ки дар мамлакат идома дошт, намояндаи махсуси СММ Р. Пирис-Баллон бо ҷонибҳои низоъ як қатор машваратҳои корӣ анҷом дод. Ниҳоятан аз 22 май то 1 июни соли 1995 даври чоруми гуфтушунидҳо дар шаҳри Алма-Ато баргузор гардид, аммо дар он ҷонибҳо ин дафъа низ ба созиш омада наметавонанд. Бо дарназардошти чунин вазъият намояндаи махсуси СММ аз 2 то 17 августи соли 1995 ба шаҳрҳои Москва, Душанбе ва Кобул як қатор сафарҳои корӣ анҷом дод. Дар натиҷаи чунин сафарҳо имкон даст дод, ки аз ҷониби Э. Раҳмонов ва С.А. Нурӣ «Протокол дар бораи меъёрҳои асосии таъмини сулҳ ва ризоияти миллӣ дар Тоҷикистон» ба имзо расад. Дар ҳуҷҷати мазкур дар бораи меъёрҳои асосии танзими низои сиёсӣ шартҳои дуҷониба ҷойгир карда шуда буд ва хулосаи он чунин буд, ки гуфтушунидҳои минбаъда бояд сабаби имзо гардидани «Созишномаи умумии истиқрори сулҳ ва ризоияти миллӣ дар Тоҷикистон» мешуданд. Илова бар ин, тарафайн аҳд карданд, ки «аз 18 сентябри соли 1995 сар карда, бо мақсади ҳар чи зудтар ба имзо расонидани Созишномаи умумӣ дар бораи барқарор кардани сулҳ ва оштии миллӣ дар Тоҷикистон давраи бетанафуси музокирот ташкил карда шавад» [11,37].

Моҳи майи соли 1996 бинобар сабаби ба вуқуъ омадани амалиёти ҳарбӣ дар ноҳияи Тавилдара вазъияти сиёсӣ боз дубора муташанниҷ мегардад. Дар натиҷаи он одамони зиёд ба ҳалокат мерасанд ва алоқаи пойтахт бо яке аз минтақаҳои калонтирини мамлакат қатъ мегардад. Бо дарназардошти чунин вазъият 21-уми майи соли 1996 Шӯрои Амнияти СММ арзномаеро пахш намуд, ки дар он риоя нагардидани созишномаи оташбас садо дод ва аз ҷонибҳои низоъ талаб карда шуд, ки барои фаъолияти нозирони сулҳофари СММ имконият фароҳам оваранд.

Бо дарназардошти вазъияти баамаломада рӯзҳои 8 то 21 июли соли 1996 дар шаҳри Ашқобод даври навбатии гуфтушунидҳо баргузор карда шуд, ки дар

он диққати асосӣ ба масъалаи оташбас дода шуд. Ҷонибҳо оид ба масъалаи дароз намудани мӯҳлати «Созишномаи муваққатан эълон намудани оташбас ва қатъи амалиёти ҳарбӣ» қарор қабул намуданд ва барои дар нуқтаҳои даргири ноҳияи Тавилдара ҷойгир намудани нозирони ҳарбии СММ розигӣ доданд.

Бояд гуфт, ки аз моҳи майи соли 1996 гуфтугӯи сиёсӣ ба бӯҳрони ҷиддӣ гирифтор гардида буд. Дар ин давра ҷонибҳои низоъ нисбат ба якдигар нобоварии махсусе зоҳир менамуданд ва аз ин рӯ, бо ташаббуси СММ ва дигар миёнаравҳои минтақавӣ онҳо ба баррасии масъалаҳои сиёсие пардохтанд, ки сабабҳои асосии низои сиёсиро ташкил менамуданд. Дар ин раванд, дар баробари СММ, нақши Федератсияи Россия ва Ҷумҳурии Исломии Эрон ҳамчун миёнаравҳои минтақавӣ хеле барҷаста мебошанд. Бо ташаббуси онҳо рӯзҳои 10-11-уми декабри соли 1996 дар маҳаллаи Хосдеҳи Афғонистон вохӯрии ҷонибҳои низоъ баргузор гардид. Дар ин вохӯрӣ Э. Раҳмонов ва С. Нурӣ ду ҳуҷҷати муҳимро ба имзо расониданд: 1) арзномаи якҷоя оид ба идома додани фаъолияти нозирони сулҳофари СММ ва хабардор намудани ҷомеа аз натиҷаҳои гуфтушунидҳои расмӣ; 2) созишнома оид ба қатъи амалиёти ҳарбӣ ва оташбас.

Баъди машварати мураккаб ва тӯлонӣ ниҳоятан 23 декабри соли 1996 дар шаҳри Москва дар ҳузури В.С. Черномирдин – Раиси Ҳукумати ҳамонвақтаи Федератсияи Россия ҷонибҳо дар бораи вазифаҳо ва салоҳиятҳои Комиссияи оштии миллӣ Созишнома ва Протокол ба имзо расониданд. Ҷонибҳои низоъ дар асоси пешниҳодҳои Намояндаи махсуси СММ Г. Меррем ва тавсияҳои Россия ба созиш омаданд. Котиби Генералии СММ созишномаеро, ки дар нишасти мазкур ба даст омада буд, баҳои баланд дода, онро ҳуҷҷати тақдирсоз муаррифӣ намуда буд.

Даври шашуми гуфтугӯҳо моҳи январи соли 1997 дар шаҳри Теҳрон оғоз гардид, ки дар он як қатор ҳуҷҷатҳо дар бораи масоили сиёсии мамлакат қабул гардиданд. Бо мақсади ба даст омадани натиҷаҳои мусбӣ 20-21 феврали соли 1997 Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, муҳтарам Э. Раҳмонов ва сарвари Иттиҳоди мухолифини тоҷик С. Нурӣ дар шаҳри Машҳад вохӯрӣ баргузор намуданд. Дар ин вохӯрӣ Низомнома дар бораи Комиссияи оштии миллӣ тасдиқ карда шуд ва инчунин протоколи иловагӣ ба Протоколи «Вазифаҳо ва салоҳиятҳои асосии Комиссияи оштии миллӣ» ба имзо расонида шуд. Аҳд карда шуд, ки ба намояндагони мухолифин дар сохторҳои ҳокимияти иҷроя сӣ фоизи ҷойҳо ҷудо карда шавад [11,84].

Ба амал омадани чунин шароити мусоид боиси он гардид, ки моҳи майи соли 1997 дар шаҳри Теҳрон даври ниҳоии гуфтугӯҳо ташкил ва гузаронида шавад. Ин навбат ҷонибҳо Протокол дар бораи кафолати дар амал татбиқ намудани Созишномаи истиқрори сулҳ ва ризоияти миллӣ дар Тоҷикистонро ба имзо расониданд. Инчунин ҷонибҳо аз СММ дархост ба амал оварданд, ки дар самти иҷроиши Созишномаи мазкур кафолатҳои худро пешниҳод намоянд ва аз Шӯрои Амнияти СММ дархост намуданд, ки бо дарназардошти имкониятҳои мавҷуда нозирони сулҳофари иловагӣ равона созад.

Хулоса, 27-уми июни соли 1997 намояндагони Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон бо сарварии Президент Э.Ш. Раҳмонов ва намояндагони Иттиҳоди мухолифини тоҷик бо сарварии С.А. Нурӣ дар шаҳри Москва Созишномаи умумии истиқрори сулҳ ва ризояти миллӣ дар Тоҷикистонро ба имзо расониданд. Дар созишномаи мазкур инчунин намояндаи махсуси Котиби Генералии СММ ва ҳамзамон роҳбари нозирони сулҳофари ин созмон Г. Меррем низ имзо гузошт. Бо имзо гардидани созишномаи мазкур яке аз низоъҳои мураккаби фазои пасошӯравӣ хотима ёфт.

Ҳамин тавр, дар раванди ҳалли низоъҳои сиёсии Тоҷикистон яке аз созмонҳои бонуфузтарини байналмиллалӣ-СММ нақши босазо гузоштааст. Ин ниҳоди ҷаҳонӣ бо дарназардошти вазъияти муташанниҷи сиёсӣ ба сифати миёнарав баромад намуда, ҷонибҳои даргирро пайваста ба гуфтугӯ даъват менамуд. СММ дар раванди ташкили гуфтушуниди ҷонибҳои низоъ ва дар самти ба имзо расидани созишномаҳои гуногуни сулҳҷӯёна саҳми худро гузоштааст.

АДАБИЁТ

1.Абдуллоев И. ООН и межтаджикский конфликт: миротворческая миссия ООН в межтаджикском диалоге//И. Абдуллоев//Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2013. №1(34). С.100-101.

2.Абдуллоев К., Фрейзер С. Насколько прочен мир в Таджикистане: 5 лет спустя. –М., 2003. - С.14.

3.Алимов Р. Таджикистан -ООН: история взаимоотношений. Новый взгляд/Р. Алимов, Э. Касымов, М. Лебедев. М.: Знак, 1995.

4.Алимов Р. Таджикистан - Организация Объединнёных Нации: Выступления, документы и материалы 1993-2000 годов/Р. Алимов. М.: Международное отношение, 2001. 376 с.

5.Давлатов С. Роль ООН в восстановлении мира в Таджикистане/С.Давлатов// Шоҳроҳи ваҳдат: научно-информационный журнал. -Душанбе, 2003. -С. 34-39; Давлатов С. О национальном примирении/С.Давлатов//Вестник Педагогического университета.- Душанбе, 1997. -№5. -С. 42 -46.

6.Дубовицкий В.В. Внешняя политика Республики Таджикистан (1991-2010гг.)/ История таджикского народа.Т.6//зери таҳрири Р. Масов.-Душанбе, 2011. -С. 660-669.

7.Рахматуллаев Э. Миротворческая деятельность ООН в Таджикистане и перспективы превентивной дипломатии в Центральной Азии/Э. Рахматуллаев. -М., 2001; Рахматуллаев Э. Таджикистан и международные организации: реалии перспективы/Э. Рахматуллаев//Интеграция Таджикистана в мировое сообщество: материалы III Международной научно-практической конференции. -Душанбе, 1997.

8.Рахматуллаев Э. Миротворческая деятельность ООН в Таджикистане и перспективы превентивной дипломатии в Центральной Азии/Э. Рахматуллаев. -М., 2001.

9.Рахматуллаев Э. Превентивная дипломатия или мираж/Э. Рахматуллаев. -М.: КДУ, 2007.

10.Раҳмон Э. Суханронӣ дар вохӯрӣ бо кормандони дипломатии кишвар ба ифтихори ифтитоҳи бинои нави Вазорати корҳои хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Душанбе, 15 марти соли 2013 [манбаи электронӣ]. URL: http://www.president.tj/node/4113 (санаи истифодабарӣ: 10.10.2020). Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомали Раҳмон ба Маҷлиси Олии ҶТ. 24.12.2017 [манбаи электронӣ]. URL: http://www.president.tj/node/4113 (санаи истифодабарӣ: 10.10.2020). Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомали Раҳмон ба Маҷлиси Олии ҶТ. 24.02.2011 [манбаи электронӣ]. URL: http:// president. tj/ru/node/4960 (санаи истифодабарӣ: 12.10.2020).

11.Роҳи сулҳ (Ҳуҷҷатҳои гуфтушуниди байни тоҷикон). -Душанбе, 1997. -236 с.

12.Сайидзода З. Фаъолияти байналмилалии Пешвои миллат Эмомалӣ Раҳмон: бозгашти давлати миллии тоҷикон ба арсаи сиёсати ҷаҳонӣ/З.Сайидзода. -Душанбе: Контраст, 2016. - С.170.
13.Саҳифаи нави дипломатияи тоҷик/зери назари Ҳамрохон Зарифӣ. -Душанбе, Ирфон, 2013. - С. 24.
14.Саъдиев Ш.С. Вклад Миссии наблюдателей ООН в Таджикистане в мирном урегулировании межтаджикского конфликта/Ш.С.Саъдиев//Маводҳои конференсияи илмӣ-амалии ҷумҳуриявӣ дар мавзуи «20-солагии аъзошавии Ҷумҳурии Тоҷикистон ба Созмони Милали Муттаҳид». 2-3 марти соли 2012. -Душанбе, 2013, -С. 58-64 (тоҷ.) -С. 204-210 (русӣ), -С. 341-346 (анг.).
15.Сотиров В. Роль ООН в достижении и упрочении мира в Таджикистане/В.Сотиров //Таджикистан и современный мир. -Душанбе: ЦСИ при Президенте РТ, 2003. -№2(3). -С. 62-65.

НАҚШИ СОЗМОНИ МИЛАЛИ МУТТАҲИД ДАР ИСТИҚРОРИ СУЛҲ ВА ВАҲДАТИ МИЛЛИИ ТОҶИКОН

Дар мақола масоили ҳамкориҳои Тоҷикистон бо яке аз бонуфузтарин созмонҳои ҷаҳонӣ – Созмони Милали Муттаҳид, ки аз авлавиятҳои сиёсати хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон маҳсуб меёбад, мавриди таҳқиқ қарор гирифтааст. Дар он муаллиф, бахусус нақши сулҳофаринии ин созмонро дар Тоҷикистон, ки аз ҷониби муҳаққиқони зиёд инъикос гардидааст, баррасӣ намуда, аз ҷумла, қайд менамояд, ки таҷрибаи сулҳофаринии тоҷикон падидаи беназир буда, нақши СММ баҳри ба даст омадани он хеле арзишманд ва бузург аст. Маҳз таҳти сарпарастии СММ ва давлатҳои кафили минтақа, ба хотири ба даст омадани сулҳу субот дар Тоҷикистон 8 даври музокирот миёни тоҷикон анҷом пазируфт ва билохира, сулҳи деринтизор пойдор гардид.

Муаллиф, инчунин талошҳои пайвастаи гуманитарии ин ниҳодро таҳлил намуда, бештар ба фаъолияти Фонди кӯдаконаи СММ (ЮНИСЕФ) ва ташкилоти махсуси Созмони Милали Муттаҳид оид ба масъалаҳои маориф, илм ва фарҳанг (ЮНЕСКО) диққати ҷиддӣ додааст.

Калидвожаҳо: *Созмони Милали Муттаҳид, Хазинаи кӯдаконаи СММ (ЮНИСЕФ), ЮНЕСКО, нақши сулҳофаринӣ, истиқлолияти давлатӣ, раванди гуфтушуниди байни тоҷикон, истиқрори сулҳ ва ризоияти миллӣ.*

РОЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ В ДОСТИЖЕНИИ МИРА И НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА ТАДЖИКОВ

В статье рассматриваются вопросы сотрудничества Таджикистана с одной из самых влиятельных международных организаций - Организацией Объединенных Наций, которая является одним из приоритетов внешней политики Республики Таджикистан. В ней автор обсуждает миротворческую роль организации в Таджикистане, которая отражается во многих исследованиях, и в частности отмечает, что таджикский миротворческий опыт является уникальным явлением и роль ООН в его достижении очень высока и ценна. Именно под эгидой Организации Объединенных Наций и государств-гарантов этого региона были проведены восемь раундов переговоров между таджиками с целью достижения мира и стабильности в Таджикистане, и, наконец, был достигнут долгожданный мир.

Автор также анализирует текущие гуманитарные усилия этой организации,

уделяя особое внимание деятельности Детского фонда Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ) и Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), за которой пристально следят отечественные и зарубежные исследователи.

Ключевые слова: *Организация Объединенных Наций, Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), ЮНЕСКО, миротворческая роль, государственная независимость, процесс диалога между таджиками, установление мира и национального согласия.*

THE ROLE OF THE UNITED NATION IN ACHIEVING PEACE AND NATIONAL UNITY OF THE TAJIKS

The article deals with the issues of cooperation between Tajikistan and one of the most influential international organizations - the United Nations, which is one of the priorities of the foreign policy of the Republic of Tajikistan. In it, the author discusses the peacekeeping role of the organization in Tajikistan, which is reflected in many studies, and in particular notes that the Tajik peacekeeping experience is a unique phenomenon and the role of the UN in achieving it is very high and valuable. It was under the auspices of the United Nations and the guarantor states of this region that eight rounds of negotiations between Tajiks were held with the aim of achieving peace and stability in Tajikistan, and, finally, the long-awaited peace was achieved.

The author also analyzes the current humanitarian efforts of this organization, paying special attention to the activities of the United Nations Children's Fund (UNICEF) and the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO), which are closely monitored by domestic and foreign researchers. .

Key words: *United Nations Organization, United Nations Children's Fund (UNICEF), UNESCO, peacekeeping role, state independence, process of dialogue between Tajiks, establishment of peace and national accord.*

Сведения об авторе:

Фарзона Гафforзода-соискатель кафедры «Зарубежного регионоведение» факультета «Международные отношения» ТНУ. Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе пр. Рудакӣ, 33. Телефон (+992) (37 72) 221-72-10 , (+992) 918-14-70-49 (моб). E-mail: mirzoev-dzhurabek@mail.ru

Information about the author:

Farzona Gafforzoda - researcher of the department of "Foreign Regional Studies" of the faculty of "International Relations" of TNU. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, 33 Rudaki ave. Телефон (+992) (37 72) 221-72-10, (+992) 918-14-70-49 (моb). E-mail: mirzoev-dzhurabek@mail.ru

ТАЪРИХНИГОРӢ ВА МАЪХАЗШИНОСӢ-ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ-HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

УДК 737

ИНЪИКОСИ СИККАЗАНӢ ДАР «ФУТУҲУ-Л-БУЛДОН»-И АҲМАДИ БАЛОЗУРӢ[7]

Абдувалӣ ШАРИФЗОДА,
Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Иқтидори сиккабарорӣ ва тиҷоратии Сомониён дар асри X чунон рушд мекунад, ки дирҳамҳои сомонӣ дар савдои байналмилалии Шарқ ва Ғарб ҷойгузини дирҳамҳои аббосӣ мешаванд. Зоҳиран ва мазмунан сиккаҳои умавӣ, аббосӣ ва сомонӣ бо ҳам хеле монанд буда, дар катибаҳои онҳо асосан яктопарастӣ, сол ва ҷойи барориш, номи сикка, номи халифа, амир, ҳоким ва шахси масъули сиккабарорӣ зикр ёфтааст.

Осори илмии олимони асримиёнагӣ муҳимтарин сарчашмаи таҳқиқи таърихи сиккаҳои исломӣ мебошад. Китоби «Футуҳу-л-булдон»-и Аҳмад ибни Яҳё ибни Ҷобир ибни Довуд Балозурӣ (вафоташ соли 892) аз ҷумлаи осори муҳимми илмии асри IX буда, он нахустин асари боэътимоди ба юришҳои арабҳо бахшидашуда маҳсуб меёбад, ки дар он ҳодисаҳои таърихӣ аз соли 622 то соли 869 инъикос шудаанд. Ҳарчанд мавзуи марказии асари мазкур кишваркушоии мусулмонон аст, аммо Балозурӣ дар ин асараш як фаслро ба таърихи сиккаҳои исломӣ бахшидааст. Балозурӣ, ки нисбаи муаллифи «Футуҳу-л-булдон» аст, ба фикри шарқшиноси шинохта Ғолиб Ғоибов шакли таҳрифшудаи номи деҳаи Балодури Бағлони Тахористон мебошад [1,3-5]. Асари мавсуф ҳанӯз дар асрҳои миёна мавриди истифодаи таърихнигорони дигари Шарқ қарор гирифт ва дар Ғарб онро ҳамчун муҳимтарин сарчашмаи таҳқиқи кишваркушоиҳои арабҳо бори аввал дар асри XIX шарқшиноси ҳоландӣ М.Я. Ду Гуе бо феҳристи ҷуғрофӣ ва тавзеҳот ба нашр мерасонад.

Балозурӣ дар рафти тасвири амалиёти ҳарбӣ, муайяннамоии товони ҷангӣ ва дигар шарту шароити бамиёнгузоштаи арабҳо нисбат ба тарафи мағлубшуда ё ҷониби қабулкунандаи талаботи мусулмонҳо миқдори товон ва навъи сиккаҳоро зикр менамояд. Ҳамчунин, дар ин асар бо номи «Амри нуқуд» як фасли алоҳида мавҷуд аст, ки аз ин аҳаммияти «Футуҳу-л-булдон» дар таҳқиқи муомилоти пулии арабҳо дар давраи то пайдоиши сиккаҳои исломӣ ва таърихи сикказании ибтидоии мусулмонон дучанд меафзояд.

Пеш аз оне, ки ба тавсифи чигунагии инъикоси сикказанӣ дар «Футуҳу-л-

[7] Мақола дар асоси лоиҳаи «Таърихи халқи тоҷик» (Таърихи илм ва техникаи тоҷикон аз давраи қадим то имрӯз), рақами қайди давлатӣ 0121TJ1273 навишта шудааст.

булдон» бипардозем, қайд кардан лозим меояд, ки аз футуҳоти арабҳо каме нагузашта вобаста ба интишори дини ислом дар асри VII навъи сиккаи наве ба вуҷуд меояд, ки аз он замон то имрӯз бо номҳои гуногун зикр мешавад.

Агар мо номи машҳуртарин асарҳои олимони сиккашиноси ҷаҳонро ба таври хронологӣ зикр намоем, маълум мешавад, ки номи умумии ин сиккаҳо дар адабиёти илмии давраи нав ва навтарин ба таври «сиккаҳои исломӣ», «сиккаҳои арабӣ», «сиккаҳои куфӣ», «сиккаҳои шарқӣ» ва сиккаҳои мусулмонӣ» зикр гардидааст. Масалан, академик Френ Д.Х. [2], П. Савелев [3] ин сиккаҳоро «сиккаҳои муҳаммадӣ», П. Савелев [3], Тизенҳаузен [4], Грутовский В. [5], Марков А. [6] «сиккаҳои шарқӣ», Кастилони К.О. [7], Торнбег С. [8], Григорев В.В. [9], Р.Р. Фасмер [10], Биков А.А. [11], Янина С.А[12], Битриҷ Гренбег[13] «сиккаҳои куфӣ», Марков А. [14], Годрингтон О. [15], И. Г. Спасский [16] «сиккаҳои мусулмонӣ» ва С. Лен-Пул [17] «сиккаҳои арабӣ», Ивар Лемус [18], М. Брум [19], Г. Рисплинг [20], В. Новак [21], В. С. Кулешов [22], Д. Довудӣ [23] «сиккаҳои исломӣ» номидаанд. Баъзе аз олимон ин навъи сиккаро дар асарҳояшон бо номҳои гуногуни ёдшуда зикр намудаанд. Аксари таърихнависони асримиёнагӣ, аз ҷумла, Балозурӣ сикказаниро «амри нуқуд» ё «зарби сикка» номида, номи навъҳои сиккаҳои исломиро бештар вобаста ба филизашон, яъне тиллоӣ-динор, нуқрагӣ-дирҳам ва мисӣ-фалс тавсиф намудаанд.

Аҳмади Балозурӣ тибқи анъанаи пешина дар тасвири таърихи сикка ва чигунагии муомилоти пулӣ қавли шахсони боэътимодашро нақл менамояд. Аз ҷумла, ӯ дар ибтидои фасли ба сикка бахшидааш чунин менависад: «Ҳусайн ибни ал-Асвад аз Яҳё ибни Одам ва ӯ худ аз Ҳасан ибни Солеҳ ривоят кунад, ки: дирҳамҳое, ки порсиён зарб мекарданд гуногун буд: кӯчак ва бузург. Гоҳ дирҳаме ба вазни як мисқол зарб мекарданд. Ва як мисқол бист қирот аст. Гоҳ дирҳам ба вазни дувоздаҳ қирот месохтанд ва гоҳ ба вазни даҳ қирот, яъне ним мисқол» [24,371]. Чи тавре мебинем, Балозурӣ пеш аз тавсифи сиккаҳои исломӣ доир ба гуногун будани вазн ва ҳаҷми сиккаҳои сосонӣ-дирҳамҳои порсиён иттилоъ додааст, ки ин бесабаб нест. Зеро то асри VII дар байни арабҳо сикказанӣ роиҷ набуд ва онҳо сиккаҳои дигарон аз ҷумла сиккаҳои сосониёнро истифода менамуданд. Аҳмади Балозурӣ зарурати зарби сиккаро барои мусулмонон ва чигунагии муқаррар намудани вазни онҳоро чунин тавсиф менамояд: «Чун ислом омад ва дар адои закот ба вазни миёнаи онҳо ниёзманд шуданд. Бист қирот ва дувоздаҳ қирот ва даҳ қиротро баргирифтанд. Маҷмуи он чиҳилу ду қирот шуд. Он гоҳ дирҳаме ба вазни сулси ин миқдор, яъне чаҳордаҳ қирот зарб карданд. Пас вазни дирҳами арабӣ чордаҳ қирот, аз қиротҳои динор азиз гардид. Ва вазни даҳ дирҳам ҳафт мисқол шуд, зеро ки саду чиҳил қирот баробар аст ба ҳафт мисқол» [24,371]. Чи тавре ки мебинем, Балозурӣ яке аз навъҳои сиккаи тозазарби исломиро дирҳами арабӣ номидааст. Балозурӣ доир ба муқаррарнамоии вазни сиккаҳо, ки яке аз мавзуъҳои печида ва мушкили сиккашиносӣ мебошад, аҳаммияти ҷиддӣ додааст: «Касе ҷуз Ҳасан ибни Солеҳ гӯяд: дирҳамҳои Аҷам [ба вазнҳои мухталиф буд] гоҳ ҳар даҳ

дирҳам даҳ мисқол вазн дошт, гоҳ даҳ дирҳам шаш мисқол ва гоҳ ҳар даҳ дирҳам панҷ мисқол буд. Вазни онҳоро ҷамъ карданд бисту як мисқол шуд. Як сулси он маҷмуъро дарк карданд. Ҳафт мисқол буд. Пас дирҳамҳое зарб карданд, ки ҳар даҳ адад аз онҳо ба вазни ҳафт мисқол гардид, аммо ин ду қавлро ҳар ду натиҷа яке аст [24, 371-372]. Дар «Футуҳу-л-булдон» давраи тоисломӣ ҷоҳилият номида шудааст. Тибқи навиштаи Балозурӣ арабҳо бо надоштани сиккаҳои худӣ аз воҳидҳои вазнии динор ва дирам ба хубӣ огоҳӣ доштанд ва сиккаҳои эронӣ ва румиро ба таври бонизом, яъне вазн ва иёри онҳоро санҷида баъд истифода менамуданд: «...дар рӯзгори ҷоҳилият динорҳои Ҳирақл ва дирҳамҳои бағлии эрониён ба дасти аҳли Макка мерасид. Агар ин сиккаҳо аз сим ё аз зар [холис] набувад аҳли Макка бадонҳо муомала намекарданд. Назди эшон мисқол вазне муайян дошт ва он баробар буд бо бисту ду қирот ва хурдае кам. Ва вазни ду дирҳам ҳафт мисқол буд. Ратл дувоздаҳ уқия ва ҳар уқия худ чиҳил дирҳам буд. Паёмбар (с) ва пас аз ӯ Абубакру Умар ва Усмону Алӣ ҳама ин авзонро ба ҳоли худ боқӣ гузоштанд. Муовия низ тағйире дар онҳо наёвард» [24, 372]. Ҷои дигар низ мефармояд: «Муҳаммад ибни Саъд аз Воқидӣ, аз Саъид ибни Муслим ибни Бобак ва ӯ аз Абдураҳмон ибни Собити Ҷумҳӣ ривоят кунад, ки Қурайшро ба рӯзгори ҷоҳилият авзоне буд. Чун ислом омад дар он вазнҳо тағйире ҳосил накарданд. Қурайшиён симро ба вазне, ки дирҳам ном дошт ва зарро ба вазне ба номи динор мешумориданд ва вазни ҳар даҳ дирҳам баробар бо вазни ҳафт динор буд. Ва дигар вазн ҷав буд, ки баробари шасту як вазни дирҳам буд. Уқия низ доштанд ва он баробари чиҳил дирҳам буд. Аз дигар авзони эшон «наш-نش « баробари бист дирҳам ва ҳаста (баробари навота) баробари панҷ дирам буд. Ва дар муомала бад-ин вазнҳо аз зару сим (сара) истифода мекарданд. Чун Паёмбар (с) ба Макка шуд ин авзонро ба ҳоли худ раҳо кард» [24, 373]. Як нуктаи муҳимми иқтибосҳои боло ҳамин аст, ки дар онҳо дар ибтидои футуҳоти мусулмонон бетағйир боқӣ мондани низоми вазнӣ ва идомаи гардиши сиккаҳои эронӣ ва румӣ зикр шуда, номи вазнҳои роиҷ - динор, дирҳам, ҷав, уқия, наш? (نش) ва ҳаста зикр ёфтааст. Дар ин ҷо мо такрори таърихро дар шакли дигар мебинем. Чунончи вақте ки Куруши Кабир соли 549 пеш аз милод Лидияро забт менамояд, ӯ мехкадаи лидиягиҳоро хароб накарда ба идомаи зарб ва гардиши сиккаҳои тарафи мағлуб иҷозат медиҳад ва то зарби дарикҳо, ҳатто баъди ин ҳам сиккаҳои лидиягӣ дар ҳудуди империяи Ҳахоманишҳо дар гардиш буд [25, 20]. Фарқият ин аст, ки ҳахоманишиҳо баъди шиносоӣ бо сикказанӣ худ ба зудӣ сикка заданд, аммо арабҳо бо вуҷуди тоҷирони машҳур буданашон аз замони ихтирои сикка, яъне аз асрҳои VIII-VII то милод то асри VII масеҳӣ сикка зарб назаданд ва истифодаи сиккаҳои бегонагон иктифо намуданд.

Иттилои Балозурӣ доир ба ташаббуси халифаи дуюм Умар ибни Хаттоб () аз аҳамият холӣ нест: «Амри Ноқид аз Исмоил ибни Иброҳим аз Юнус ибни Убайд ва ӯ аз Ҳасан ривоят кунад, «Бидонед, ки рӯзе Умар ибни Хаттоб гуфт: хоҳам, ки дирҳам аз пӯсти уштурон созам. Вайро гуфтам агар чунин кунӣ,

уштуре ба ҷой нахоҳад монд ва ӯ даст аз ин кор бидошт» [24, 379]. Ба иттилои ҷамънамудаи Балозурӣ дар байтулмоли замони халифаҳо Умар ва Усмон сиккаҳои тоисломӣ нороиҷ шуданд, фурӯхтан, иваз кардан ва хариди мол бо онҳо расман мамнуъ эълон шуда, онҳоро аз нав гудохта, соф намуда нуқраи холисашро мегирифтанд [24, 377].

Дар идома Балозурӣ иттилоъ медиҳад, ки намояндаи Зубайриён-Мусъад (648-694) ба рӯзгори бародараш Абдуллоҳ ибни Зубайр (622-695) пеш аз халифаи умавӣ Абдулмалик ибни Марвон (646-705) дирҳам бароварданд. Дар ҷойи дигар Балозурӣ санаи сикка баровардани Мусъабро аз забони Довуди ноқид, ки дар саранамоии сиккаҳо масъул буд, ба таври аниқ чунин зикр менамояд: «Дирҳаме дидам, ки бар он накш шуда буд: «Ин дирҳам дар соли ҳафтоду се дар Куфа зарб шуда аст». Ҳамаи ноқидон ба иҷмоъ гуфтанд, ки он сиккаи қалб аст. Ҳам ӯ гӯяд: «дирҳаме ноёб дидам, ки монанди он кас надида буд». Бар он номи Абдуллоҳ ибни Зиёд нақш шуда буд. Ноқидон онро низ сиккаи асил намепиндоштанд». Дар иқтибоси боло яке аз бартариҳои муҳимми сиккаҳои исломӣ аз сиккаҳои тоисломӣ зикр ёфтааст ва ин бартарӣ аз дарҷ ёфтани сол ва ҷойи барориши онҳо мебошад. Гузашта аз ин сиккаҳои зубайрии зикршударо ҳамаи ноқидон сиккаҳои қалбакӣ ҳисобиданд, аммо Балозурӣ сабаби қалбакӣ эълон шудани сиккаҳои зубайриро зикр намекунад.

Дар давоми иқтибоси боло Балозурӣ аз номи Муҳаммад ибни Саъд аз Воқидӣ аз Яҳё ибни Нуъмони Ғаффорӣ ва падари ӯ ривоят менамояд, ки: «Дар соли ҳафтоди ҳиҷрӣ Мусъаб ба фармони бародараш Абдуллоҳ ибни Зубайр дирҳамҳое монанди сиккаҳои хусравони порсӣ зарб кард. Як сӯи он нақш шуда буд: «Баракату «ва сӯи дигар «Аллоҳ» чун Ҳаҷҷоҷ биёмад онро дигаргун кард. Аз Ҳошим ибни Калбӣ ривоят кунанд, ки гуфт: Мусъаб динорҳое низ зарб кард». Яъне зубайриҳо на танҳо дирҳам, балки динор ҳам зарб мезаданд ва дар иқтибоси мазкур санаи зарби сиккаҳои зубайрӣ се сол пештар - соли 70 зикр ёфта. Чунин мушоҳида мешавад, ки бо сабаби гуногун будани ровиён дар мазмуни матнҳо ихтилофи мазмун ба назар мерасад. Аз тарафи дигар аксари сиккашиносон Абдулмалик ибни Марвонро асосгузори низоми сикказании исломӣ меҳисобанд. Доир ба ин мавзуъ Балозурӣ низ чунин менигорад: «Ба рӯзгори Абдуллоҳ ибни Зубайр Мусъад ибни Зубайр дирҳамҳое чанд зарб кард, ки пас аз чанде онҳоро бишкастанд. Чун Абдулмалик ибни Марвон ба хилофат расид аз амри дирҳам ва динор пурсиш кард. Сипас нома ба Ҳаҷҷоҷ ибни Юсуф навишт ва фармон дод, ки дирҳамҳое ба вазни понздаҳ қирот аз қиротҳои динорҳои димишқиро зарб кард. Усмон гӯяд: падарам гуфт, ки [он сиккаҳо] дар Мадина ба дасти мо расид. Дар он ҷой ҳанӯз гурӯҳе аз асҳоби паёмбар (с) ва ҷамъе аз тобеи ин мезистанд. Эшон низ амали Абдулмаликро мункир надоштанд. Муҳаммад ибни Саъд гӯяд: вазни ҳар дирҳам аз дирҳамҳои мо чаҳордаҳ қирот аст ва мурод аз ин қирот аҷзои мисқоли мо аст, ки ҳар як бист қирот бошад ва он баробари понздаҳ қирот аз он бист ва як қирот ва се ҳафтуми мазкур аст» [24, 373-374].

Таҳқиқоти бостоншиносӣ ва бозёфти тасодуфии қадимтарин сиккаҳои

исломӣ навиштаҳои Балозуриро тасдиқ менамоянд. Доир ба вазни сиккаҳои Абдулмалик дар «Футуҳу-л-булдон» чунин омада: «Муҳаммад ибни Саъд аз Муҳаммад ибни Умар аз Исҳоқ ибни Ҳозим ва ӯ худ аз Матлаб ибни Соиб ривоят кунад, ки гуфт: «Абӯ Видоъи Саҳмӣ вазни як мисқолро ба ман бинмуд. Онро вазн кардам ва баробари вазни мисқоли Абдулмалик ибни Марвон ёфтам». Гӯяд: ин мисқол дар замони ҷоҳилият назди Абу Видоъ ибни Зубайраи Саҳмӣ будааст» [24, 373]. Яъне дар аввал халифа Абдулмалик ибни Марвон вазни сиккаҳои исломиро ҳамвазни сиккаҳои сосонӣ-хусравӣ ва румӣ-қайсарӣ муайян карда будааст. Ин нукта дар иқтибоси зерин боз ҳам тақвият меёбад: «Саъид гӯяд: «Ман андаке зар ва сими сара (нуқраи баландиёр, холис, Ш. А.) ба Димишқ фиристодам. Дар он ҷо ба вазни мисқоли ҷоҳилият аз барои ман сикка заданд» [24, 374].

Балозурӣ дар идомаи тасвироташ таърихи сиккаҳои исломиро боз ҳам равшантар тавзеҳ медиҳад: «Муҳаммад ибни Саъд аз Воқидӣ аз Усмон ибни Абдулло ибни Мавҳаб ва ӯ аз падараш ривоят кунад, ки гуфт: «Саъид ибни Мусайбро гуфтам: Аввал кас ки динори нақшдор зарб кард кӣ буд? Гуфт: Абдулмалик ибни Марвон. Пеш аз ӯ динорҳои румӣ ва дирҳамҳои хусравӣ ва андаке дирҳами ҳумайрӣ дар дасти мардумон буд». Дар ҷойи дигар Балозурӣ дар такя ба нақли ровиён сиккаҳои аввалаи Абдулмаликро содда ва бенақш гуфтааст: «Муҳаммад ибни Саъд аз Воқидӣ аз Рабеҳ ибни Усмон ва аз Ваҳб ибни Кайсон ривоят кунад, ки гуфт: «дидам, ки динор ва дирҳам пеш аз он ки Абдумалик нақше бар онҳо ниҳад содда ва бенақш буд, вазни онҳо низ баробари динорҳое буд, ки ӯ зарб мекард» [24, 374]».

Аммо аз сиккаҳои то имрӯз бадастомада маълум мешавад, ки арабҳо дар асри VII дар ибтидои шаклгирии давлат ва банизомдарории муносибатҳои молию пулиашон пеш аз оне, ки худашон сикка зарб зананд, онҳо дар сиккаҳои сосонӣ ва румӣ бо задани муҳри иловагӣ каме тағйирот даровварда, сиккаҳои тоисломиро мавриди муомалаи васеъ қарор медоданд. Дар аввалин сиккаҳои баровардаашон низ сужаҳо тоисломӣ ва ҳамчунин тасвири инсону ҳайвонро раво донистанд. Ба ривояти нақлкардаи Балозурӣ Абдулмалик ибни Марвон соли 74 динор ва Ҳаҷҷоҷ ибни Юсуф соли 75 дирҳам зада, соли 76 ҳамаи ноҳияҳои тобеъро барои зарби чунин сиккаҳо вазифадор менамояд: «Абдулмалик аввал кас буд, ки дар соли ҳафтоду чаҳор сиккаи заррин бизад, Абулҳасани Мадоинӣ гӯяд: Ҳаҷҷоҷ дар авохири соли ҳафтоду панҷ дирҳам зарб кард ва дар соли ҳафтоду шаш фармон дод аз он сиккаҳо дар ҳамаи навоҳӣ зарб кунанд» [24, 374].

Як вижагии хоси «Футуҳу-л-булдон» вобаста ба инъикоси таърихи сикка ҳамин аст, ки Балозурӣ гуфтаи дигаронро нақл карда, онҳоро таҳлил ва баррасӣ намекунад. Дар муқоиса бо Балозурӣ Ибни Халдун бо нақли ривояти дигарон мавзуи сикказании садри исломро хеле беҳтар баррасӣ менамояд. Чунончи ӯ дар ин мавзуъ ҳангоми баррасии муҳри сикказанӣ чунин менависад: «Подшоҳони ғайри араб бар рӯйи муҳри мазбур пайкараҳои хоссе, ки ба маскукҳо ихтисос дошт, монанди пайкараи подшоҳи ҳар аср ё тасвири диж ё

ҷонвар ё маснуъ ё ҷузъ инҳо нақш мекарданд... Вале ҳангоме, ки ислом зуҳур кард, аз ин равиш ба иллати соддагии дин ва бодиянишинии араб ғафлат карданд... Ва ба василаи онҳо (динору дирҳами эронӣ, Ш.А.) мубодалаи аҷнос мекарданд, то он ки ба сабаби ғафлати давлат аз ин амр динорҳову дирҳамҳои носара роиҷ гашт ва мизони ғилу ғаши онҳо ба марҳалаи фоҳише расид ва бино бар ривояти Саъид ибни Мусайяб ва Абуззинод Абдумалик ба Ҳаҷҷоҷ фармон дод дирҳамҳое сикка зананд ва маскукҳои сараро аз носара бозшиносанд ва аз якдигар ҷудо кунанд ва ин воқеа ба соли 74 ҳиҷрӣ (693/694 исавӣ) рӯй додааст. Ва Мадоинӣ гуфтааст, ки воқеаи мазбур ба соли 75 ҳиҷрӣ будааст. Он гоҳ Абдулмалик дар соли 76 фармон дод, ки дар дигар навоҳи низ сикка бизананд ва ба рӯйи сиккаҳо калимаҳои «Аллоҳу аҳад аллоҳуссамад» бинависанд» [26, 541].

Балозурӣ раванди шаклгирӣ ва тағйирёбии сикказани замони умавиёнро зикр карда, иттилоъ медиҳад, ки баъзе сиккаҳои зарбшудаи ин замонро фақеҳон, ки дар чигуна шудани намуди зоҳирӣ ва вазни сикка нуфузи баланд доштанд, хуш намепазируфтанд ва онҳоро сиккаҳои макруҳа номиданд: «...Абдулмалик дар соли ҳафтоду чаҳор диноре чанд зарб кард, сипас дар соли ҳафтоду панҷ боз аз ҳамон динорҳо зарб бизад. Ва низ ривоят кунад, ки Ҳаҷҷоҷ дирҳамҳои бағлиро зарб кард ва бар онҳо чунин нақш кард: «Бисмиллоҳ, Ҳаҷҷоҷ» ва пас аз як сол бар он нақш чунин афзуд: «Аллоҳу аҳад, Аллоҳуссамад», фақеҳонро аз ин нақш кароҳат омад, бад-ин сабаб он дирҳамҳоро дирҳамҳои макруҳа хонданд. Ровӣ гӯяд: баъзе гӯянд аҷамонро аз нуқсоне ки дар онҳо (сиккаҳои зарбкардаи Ҳаҷҷоҷ, Ш.А.) буд, кароҳият омад ва бад-ин сабаб онҳоро макруҳа гуфтанд. Боз гӯяд: сиккаҳои самирия ба номи аввал кас, ки онҳоро зарб кард машҳур шудааст» [24, 374]. Дар иқтибоси боло ду намуди сикка-сиккаи макруҳа ва сиккаи самирия зикр шудааст. Номи сиккаи намуди дуюм ба қавли баъзе олимон аз Самир ном яҳуде, ки арабҳо ӯро барои сикказанӣ ҷалб карда буданд, гирифта шудааст. Балозурӣ дар ин асараш нақши золимтарин сарлашкари манфур Ҳаҷҷоҷ ибни Юсуфро дар сикказании умавиҳо ба таври равшан тасвир кардааст. Маълум аст, ки Ҳаҷҷоҷ (660-714) як арабгарои мутаассиб буду эрониёнро хеле бад медид. Маҳз ӯ кӯшиш намуд, ки унсурҳои эрониро дар дар давлатдории умавиҳо, аз ҷумла, сикказани-ҳои онҳо ҳарчи зудтар аз байн бибарад. Аммо ин ӯ нақшаҳояшро бо ҳама таассубаш амалӣ карда наметавонад. Ҳатто Ҳаҷҷоҷ дар сикказанӣ муҳри сиккаҳои сосониро истифода кард ва худро дар сиккаҳо монанди шоҳаншоҳи сосонӣ тасвир намуд (акси 2). Балозурӣ менигорад, ки «... Ҳаҷҷоҷ бар он шуд, ки бидонад порсиён дар зарби дирҳам чи гуна рафтор мекарданд. Пас худ доруз-зарбе бисохт ва сикказанонро дар он гирд овард. Ва ба номи маркази хилофат аз моле, ки дар хизона дошт сикка зарб мекард ба ин манзур, ҳачи сими холис ҷамъ мегардид ва низ симеро, ки аз зуюф ва сутуқа ва баҳраҷа ба даст меомад, дар зарби онҳо ба кор мебаст, сипас иҷозат дод, ки бозаргонон ва низ гурӯҳе ба ҷуз эшон аз баҳри хеш сиккаи симин бизананд ва аз фузунии он чи ки фузунии иҷрати санъатгарон ва сикказанон гирифта мешавад баҳра баргирифт. Ва дасти

сикказанонро низ доғ кард» [24, 374]. Доғ кардани дасти сикказанон бо мақсади назорати онҳо ва танзими сикказанӣ буд.

Дар сиккашиносии исломӣ се намуди сиккаҳое мавҷуданд, ки онҳо ҳубайрӣ, холидӣ ва юсуфӣ номида мешаванд. Дар «Футуҳу-л-булдон»-и Балозурӣ доир ба се намуди сиккаи зикршуда иттилои муҳим мавҷуд аст. Тибқи иттилои Балозурӣ Умар ибни Ҳубайра, Холид ибни Абдуллоҳи Баҷалии Қасрӣ, Юсуф ибни Умар, ки аз ҷониби халифа паси ҳам волиёни Ироқ таъйин шуда буданд, барои баланд бардоштани иёри сиккаҳои умавӣ кушиш намуданд. Аз се волии мазкур Юсуф ибни Умар дар танзими сикказанӣ хеле серталаб буд. То ҷое, ки бо фармони ӯ сикказанон ва иёрпӯшоне, ки тартиби муқарраршудаи сикказаниро риоя намекарданд, онҳоро тозиёна мезаданд ва гоҳҳо дасташонро мебуриданд. Дар натиҷаи чунин сиёсатҳо қурби сиккаҳои умавӣ меафзояд ва ҳатто гардиши онҳо дар замони аббосиён ҳам роиҷ буд. Чунончи Балозурӣ мефармояд: «Аз ин рӯ, сиккаҳои ҳубайрӣ ва холидӣ ва юсуфӣ аз некӯтарин бани Умия буд, чунон, ки Мансур (халифаи аббосӣ, Ш.А.) аз хироҷгузороне ки сиккаҳои бани Умияро арза медоштанд ба ҷуз ин сиккаҳо намепазируфт, бад-ин сабаб он сиккаҳои нахустинро макруҳа хонданд» [24, 377].

Як зуҳуроти барои умавиён номатлуби сикказанӣ ҳамин буд, ки баъзе сикказанон дар давраи умавӣ сиккаҳои ғайрисломиро зарб менамуданд. Ҳокимони давр барои пешгирии ин кор чораҳо андешида, барои онҳо муҷозоти гуногун муқаррар менамуданд меандешиданд. Ин нуктаро Балозурӣ чунин инъикос менамояд: «Валид ибни Солеҳ аз Воқидӣ аз ибни Абу аз-Зинод ва ӯ аз падараш ривоят кунад, ки рузе мардеро назди Умар ибни Абдулазиз оварданд, ки сиккаҳое на монанди сиккаҳои хилофат зарб мекард. Умар ибни Абдулазиз вайро сиёсат фармуд ва ба зиндон кард ва оҳани [сиккасозии] ӯро бигирифт ва ба оташ афканд»[24, 378]. Дар ҷои дигар мегӯяд, ки «...Абдулмалик ибни Марвон мардеро, ки сиккае ба ғайр аз сиккаи муслимин зарб мекард асир намуд. Нахуст хост дасти ӯро қатъ кунад, лекин аз ин кор чашм пӯшид ва ба сиёсати ӯ кифоят кард. Мутталиб гӯяд: дидам он гурӯҳ аз шуюхи мо, ки дар Мадина мақом доранд, кори Абдулмаликро некӯ ёфтанд ва сутуданд» [24, 378].

Тибқи навиштаи Балозурӣ дар муқаррар намудани ҷазо барои чунин сикказанон дар байни ҷақеҳони мазҳабҳои гуногун ихтилоф мавҷуд аст. Чунончи дар мазҳаби Абуҳанифа буридани даст ҷоиз нест. Масъалаи муҳимми дигаре, ки Балозурӣ онро тасвир кардааст ин пора-пора карда ва буридани сиккаҳо мебошад. Муносибат ба пора кардани сиккаҳо ҳам яксон набудааст: «Молик ва ибни Абузайб ва асҳоби эшон гӯянд: «қитъа-қитъа кардани сиккаеро, ки аз вазни он коста нашудааст макруҳ медорем ва мардумро аз он кор наҳӣ мекунем, ки фасод ангезад». Саврӣ ва Абуҳанифа ва асҳоби эшон гӯянд: «дар қатъ кардани онҳо (сиккаҳо) агар ислом ва аҳли онро зиёне наёяд, боке нест» [24,378]. Аммо «Марвон ибни Ҳакам мардеро, ки дирамҳоро қитъа-қита мекард бигирифт ва дасташро бибурид. Чун хабар ба Зайд ибни Собит расид. Гуфт: «Ҷазои ӯ бидодааст». Исмоил гӯяд: мурод аз ин дирҳамҳо

сиккаҳои порсӣ аст. Обон ибни Усмон ҳангоме ки амри Мадинаро ба ӯҳда дошт касонеро ки дирҳамҳоро қитъа-қитъа мекарданд сиёсат мефармуд: ҳар якеро сӣ тозиёна мезад ва гирди шаҳр мегардонид [24, 378]. Онҳое, ки пора кардани дирҳамро раво медонистанд ояти 87 сураи Ҳудро далел меоварданд.

Ҳамин тавр, Балозурӣ таърихи сикказании исломиро дар такя бо нақли дигарон инъикос намуда, низоми вазнии арабҳоро дар давраи тоисломӣ, гардиши сиккаҳои сосонӣ ва румӣ дар ин давра, таъсири анъанаҳои сикказании сосонӣ ва румии шарқӣ ба шаклгирии сикказании исломӣ ва муомилоти ули он, тавсифи таносуби вазн ва қурби сиккаҳои гуногун, намудҳои гуногуни вазн ва сиккаҳои гуногуни роиҷи даврони умавиро инъикос намудааст. Аммо ӯ доир ба риоя нашудани талаботи қонунгузории исломӣ доир ба истифода нашудани тасвири мавҷудоти зинда ва рамзҳои тоисломӣ дар сиккаҳои исломӣ аз ҷониби халифаҳо ва ҳокимон ҳарфе нагуфтааст.

Акси 1. Динори Абдулмалик ибни Марвон.

Акси 2. Дирҳами Ҳаҷҷоҷ ибни Юсуф.

АДАБИЁТ

1.Ахмад ибн Йахйа ибн Джабар ал-Балозури. Завоевание Хорасана (Извлечение из «Футух-ал-булдан»/Перевод с арабского Г. Гоибова. -Душанбе, 1987. -120 с.

2.Ch. M. Fraehn. Das Muhammedanische Münzkabinett des Asiatischen Museums der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg- St. Petersburg, 1821- С.24- 31, Ch. M. Fraehn. Recensio numorum muhammedanorum Academiae imp. scient. inter prima Academiae imp. saecularia edita-Petropoli. –Petropoli, 1826- 743 с.

3.Савельев П. Топография кладовъ съ восточными монетами и изделиями VII, VIII, IX, X и XI века, въ России и При-Балтийскихъ странахъ, объясненная историческими свидетельствами о торговле северо-востока Европы въ эпоху основания и утверждения Русскаго государства.- Санктпетербургъ, 1846.- 180 с.

4.Тизенгаузен В.Е. Обзоръ совершеныхъ въ России трудовъ по Восточной нумизматике/Труды третьяго международнаго съезда орьеталистовъ въ С.-Петербургъ 1876 - С. Петурбургъ, томъ первый,1879-1880- С. 3-31

5.Грутовский В. Каталогъ восточныхъ монетъ- Москва, выпускъ III, 1886, 153 с.

6.Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет Имп. Эрмитажа. -Санкт-Петербург, 1896. -879 с.
7.Кастилони К.О. Monete cufiche dell I.R. museo di Milano.- Milano, 1819.- 385 p.
8.Tornberg C. J. Numi Cufici Regii numophylacii Holmiensis quos omnes in terra Sueciae repertos. – Upsaliae, 1848. — 315p.
9.Григорьев В.В. О куфическихъ монетахъ находимихъ въ России и Прибалтийскихъ странахъ, какъ источникахъ для древнейшей отечественной истории/Туркестанский сборникъ. Собрание сочинений о Туркестанскомъ крае вообще и сопредельныхъ съ нимъ странъ Средней Азии. Составляемый В.И. Межовымъ- Санктпетербургъ, 1878, Томъ 119- С.107-169.
10.Фасмер Р. Р. Клад куфических монет, найденный в Новгороде в 1920 году// Известия Российской академии истории материальной культуры. -1925. -Т. 4. -С. 242-276, Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // Известия АН СССР: серия VII, отделение общественных наук.-Л., 1933.-№ 6-7.-С. 473-484.
11.Быков А.А. Новый клад медных куфических монет из Таджикистана//«Труды Отдела нумизматики ГЭ», т.1. 1945. -С.87-113.
12.Янина С.А. Неревский клад куфических монет X в//МИА. 1956. №55. -С. 180, -207.
13.Beatrige Granberg. Förtecking över kufiska myntfynd i Finland. Helsinki, 1966, 254 p.
14.Марков А. Топография кладов восточных монет сасанидских и куфических.- Санкт-Петербург, 1910. -149с.
15.Codrington O. A manual of musalman numismatics.- London, 1904- 237 p.
16.Спасский И.Г. Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета -Отдела нумизматики/Нумизматика и эпиграфика. -Москва, № VIII, 1979.- С. 123-234
17.Lanne-Poole S. Catalogue of The collection of Arabic coins preserved In the khedivial library Cairo.- London,1897- 384 p
18.Ivar Leimus. Sylloge of islamic coins 710/1-1013/4 AD/Estonian History Museum.-Tallinn, 2007-446 p.
19.Michael Broome. A Handbook of Islamic coins.- London,19.- 217 p.
20.Rispling Gert. Coins with crosses and bird heads Christian imitations of Islamic coins?/ Forn Vannntn.- Stockholm 1987- p. 75-87
21.Vlastimil Novak. The Kelc Hoard revised: fragments of Islamic Silver Coins. Prague 2010, 80 p.
22.Вяч.С. Кулешов (Санкт-Петербург) Хронология обращения исламских монет в Восточной Европе (конец IX-XI в.)/нумизматические чтения государственного исторического музея 2015 года.-Москва, 2015.-С. 73-76.
23.Довудӣ Д. Развитие исламской нумизматики в Таджикистане/ Изучение истории, искусства и культуры в Таджикистане.-Истанбул, 2020-с. 211-220
24.Аҳмад ибни ал-Балозурӣ. Футуҳ-ул-булдон/Бахши марбут ба Эрон. Тарҷумаи Озартоши Озарнӯш.-Теҳрон,- 481 с.
25.Шарифзода А.Қ. Кашфи яке аз сиккаҳои қадимтарини дунё аз Кӯлоб/Мероси ниёгон.-Душанбе, №22. -С.19-22.
26.Абдураҳмон ибни Халдун. Муқаддимаи Ибни Халдун/Мутарҷим аз арабӣ ба форсӣ Муҳаммад Парвини Гуноободӣ, таъликот ва тавзеҳоти Нурмуҳаммад Амиршоҳӣ.-Душанбе,Ҷ.I, 2019, -688 с.

ИНЪИКОСИ СИККАЗАНӢ ДАР «ФУТУҲУ-Л-БУЛДОН»-И АҲМАДИ БАЛОЗУРӢ

Муаллиф «Футуҳу-л-булдон»-и Аҳмади Балозуриро ҳамчун сарчашмаи муҳимми таърихи пайдоиш ва рушди сиккаҳои исломӣ дар асри VII таҳқиқ намудааст. Сикказании даврони умавӣ ва аббосӣ минбаъд ба сикказании давлатҳои эронитабор, аз ҷумла, Тоҳириён, Саффориён, Бармакиён ва Сомониён таъсиргузор мебошад. Дар асри X иқти-дори сиккабарорӣ ва

тиҷоратии Сомониён чунон рушд мекунад, ки дирҳамҳои сомонӣ дар савдои байналмилалии Шарқ ва Ғарб ҷойгузини дирҳамҳои аббосӣ мешаванд. Зоҳиран ва мазмунан сиккаҳои умавӣ, аббосӣ ва сомонӣ бо ҳам монанд мебошанд. Дар катибаҳои онҳо асосан матнҳои ифодакунандаи ғояҳои яктопарастӣ, сол ва ҷои барориш, номи сикка, номи халифа, амир, ҳоким ва шахси масъули сиккабарорӣ зикр ёфтааст. Аҳмади Балозурӣ дар ин асараш муомилоти тиҷоратӣ ва низоми вазнии давраи тоисломии арабҳоро тасвир менамояд. Тибқи иттилои Балозурӣ арабҳои даврони тоисломӣ сикка зарб намебароварданд. Онҳо дар тиҷорат аз сиккаҳои эронӣ-сосонӣ ва румӣ то асри VII истифода менамуданд. Балозурӣ намуди гуногуни вазн – динор, дирҳам, ҳабб, уқия, наш, қирот, мисқол ва сиккаҳои гуногун аз қабили хусравӣ, қайсарӣ, табарӣ, бағлӣ, динор, дирҳам, дирҳамҳои ҳубайрӣ, юсуфӣ ва холидиро зикр кардааст. Дар ибтидои солҳои 70-уми асри VII дар натиҷаиислоҳоти пулии халифаи панҷуми умавӣ - Абдулмалик ибни Марвон сиккаҳои исломӣ ба сиккаҳои умумидавлатӣ табдил меёбанд. Умавиён барои ҳифзи низоми сикказанӣ ва пулии чораҳои гуногун меандешиданд. Балозурӣ доир ба риоя нашудани талаботи қонунгузории исломӣ аз ҷониби халифаҳо ва ҳокимон доир ба истифода нашудани тасвири мавҷудоти зинда ва рамзҳои тоисломӣ дар сиккаҳои исломӣ иттилое надодааст.

Калидвожаҳо: *Футуҳу-л-булдон, Балозурӣ, Сомониён, Ибни Халдун, сикказанӣ, сиккашиносон, муомилоти пулӣ, сиккаҳои сосонӣ, сиккаҳои румӣ, сиккаҳои исломӣ, сик-каҳои умавӣ, аббосӣ, сомонӣ, дирҳамҳои ҳубайрӣ, юсуфӣ, холидӣ, ислоҳоти пулии Абдулмалик ибни Марвон, Ҳаҷҷоҷ ибни Юсуф, сиккаҳои қалбакӣ, муҷозот барои вайрон кардани низоми сикказанӣ.*

ОТРАЖЕНИЕ ЧЕКАНКИ МОНЕТ В «ФУТУХУ-Л-БУЛДОН» АХМАДА БАЛОЗУРИ

Автор рассматривает «Футуху-л-булдон» Ахмади Балозури как важный источник по истории возникновения и развития исламских монет VII века. Чеканка монет периодов Омейядов и Аббасидов в дальнейшем повлияла на чеканку монет иранских государств, включая Тахиридов, Саффаридов, Бармакидов и Саманидов. В X веке саманидская чеканка и торговый потенциал развились настолько, что саманидские дирхемы в международной торговле между Востоком и Западом заменили дирхемы Аббасидов.

По внешнему виду и содержанию надписей омейядские и аббасидские монеты сходны с монетами Саманидов. Их надписи в основном содержат тексты, выражающие монотеистические идеи, год и место чеканки, название монеты, имя халифа, эмира, правителя и лица, ответственного за чеканку. В своем сочинении Ахмади Балозури описывает торговлю и весовою систему доисламского периода арабов. По словам Балозури, доисламские арабы не чеканили монет. Они использовали ирано-сасанидские и римские монеты в торговле до VII века. Балозури упоминает разные виды весы - динар, дирхам, мискаль, хабб, укия, наш, кират и различные монеты, такие как хусрави, кайсари, табари, баглы, динар, дирхам, дирхемы хубайри, юсуфа и халиди. В начале 70-х годов VII века в результате денежной реформы пятого омейядского халифа Абдулмалика ибн Марвана исламские монеты были преобразованы в общегосударственные. Омейяды принимали различные меры для защиты чеканки и денежной системы. Балозури не сообщил о каком-либо несоблюдении исламского закона халифами или правителями в отношении использования изображения живых существ и доисламских символов на исламских монетах.

Ключевые слова: *Футух-ул-булдон, Балозури, Саманиды, Ибн Халдун, чеканка монет, нумизматы, денежное обращение, сасанидские монеты, римские монеты, исламские монеты, омейядские, аббасидские и саманидские монеты дирхемы хубайри, юсуфи и халиди, денежная реформа Абдулмалика ибн Марвана, Хаджаж ибн Юсуф, подделка монеты, наказание за нарушение подделки монет.*

COIN MINING REVIEW IN «FUTUHU-L-BULDON» BY AHMAD BALAZURI

The author examines Ahmadi Balozuri's Futuhu-l-Buldon as an important source in the history of the origin and development of Islamic coins in the 7th century. The minting of the Umayyad and Abbasid periods further influenced the minting of Iranian states, including the Tohirians, Saffarids, Barmakians, and Samanids. In the 10th century, the Samanid coinage and trade potential developed so much that the Somoni dirhams replaced the Abbasid dirhams in international trade between the East and the West. In appearance and content, Umayyad, Abbasid and Somoni coins are similar. Their inscriptions mainly contain texts expressing monotheistic ideas, the year and place of issue, the name of the coin, the name of the caliph, the emir, the ruler and the person in charge of the coinage. In this work, Ahmadi Balozuri describes the trade and the complex system of the pre-Islamic Arab period. According to Balozuri, pre-Islamic Arabs did not mint coins. They used Iranian-Sasanian and Roman coins in trade until the 7th century. Balozuri mentions different types of weights - dinar, dirham, misqal, habb, uqiya, nash, kirat, misqal and various coins such as khusrawi, caesar, tabari, bagli, dinar, dirham, dirhams of Khubayri, Yusuf and Khalidi. In the early 70s of the 7th century, as a result of the monetary reform of the fifth Umayyad caliph - Abdul Malik ibn Marwan, Islamic coins were transformed into nationwide coins. The Umayyads took various measures to protect the coinage and monetary system. Balozuri did not report any non-compliance with Islamic law by caliphs or rulers on the use of images of living beings and pre-Islamic symbols on Islamic coins.

Key words: *Futuhu-l-buldon, Balozuri, Samanids, Ibn Khaldun, coinage, coinage, money circulation, Sasanian coins, Roman coins, Islamic coins, Umayyad coins, Abbasids, Somoni, dirhams of Abdul Hijra, Marijuana, Yusufij, Khalid ibn Yusuf, counterfeit coins, punishment for violating the coinage system.*

Сведения об авторе:

Абдували Шарифзода – кандидат исторических наук, за-ведующий отделом истории науки и техники Института истории, археологии и этнографии им А. Дониша НАНТ. Tel.: 900-55-75-75. E-mail: abduvali05@mail.ru.

Information about the author:

Abduvali Sharifzoda-Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History of Science and Technology of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences. Tel: 900-55-75-75. E-mail: abduvali05@mail.ru.

УДК-07

К ВОПРОСУ О «САРТАХ» В ГАЗЕТЕ «ТУРКЕСТАНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

АФСАХОВА Н. С.,
Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

Еженедельная газета «Туркестанские ведомости» вышла в свет 28 апреля 1870 года (10 мая по новому стилю) в Ташкенте, первым редактором которой являлся М. Грулёв, и прекратила своё существование в конце 1917 года. Она освещала события в России и за рубежом, но в особенности в Туркестанском крае, осуществляла печать официальных документов канцелярии Туркестанского генерал-губер-натора, освещение событий политической, культурной и экономической жизни края.

Данные о местном населении Туркестанского края очень интересовали администрацию края, поскольку Российское правительство рассчитывало составить карту о численности населения Туркестанского края, его этническом составе. Многие статьи в «Туркестанских ведомостях» посвящались именно жизни и быту населения этого края, в том числе и таджиков. В связи с этим, очень проблемным являлся вопрос о «сартах» в конце XIX-начале XX вв, поскольку они считались отдельной группой населения вплоть до конца 1917 года.

Для прояснения вопроса следует подчеркнуть, что согласно первой всеобщей переписи населения 1897 года в Российской Империи насчитывалось 968 655 сартов, совокупная численность сартов превышала численность узбеков (726 534 человек) и среди других народностей империи, говорящих на тюркских наречиях, была четвёртой по численности, уступая лишь киргиз-кайсакам (казахи и часть киргизов -4 084 139 человек), татарам (3 737 627 человек) и башкирам (1 321 363).

Согласно ЭСБЕ, общая численность сартов достигала 800 000 человек, составляя, по данным на 1880 год, 26% всего населения Туркестана и 44 % оседлого его населения. В Сырдарьинской области сартов было свыше 210 тысяч, в Фергане около 350 тысяч, в прежнем Зеравшане (Самаркандская область) доминировали узбеки, а сартов было свыше 18 тысяч. Многочисленные во всей юго-восточной полосе Туркестанского края сплошные поселения сартов оканчивались в городах Туркестане и Аулиэ-ата, не распространяясь далее этих пунктов по долине Сырдарьи и в пределы Семиреченской области [28].

В связи с вопросом о сартах в газете «Туркестанские ведомости» за №№36, 38, 39 за 1894 год, исследователь казахского происхождения С. Лапин (1869-1919), который работал переводчиком при военном губернаторе Самаркандской области, приводит статью «О значении и происхождении слова «сартъ» (по поводу заметки В. Бартольда)», где он не согласен с мнением В. Бартольда по этому вопросу [5,449-468;469;6] и подвергает критике целый ряд утверждений ученого относительного названия «сарт» и его происхождения. В то же время на основе большого числа существующей на то время литературы приводит мнения различных русских и европейских путешественников по этому вопросу. Отсюда мы имеем представление о видении указанного вопроса различными исследователями в конце XIX в, в том числе и автором статьи.

В частности сам Лапин утверждал, что слово «сарт» никогда не употреблялось туземцами в значении особой народности. По его мнению, говорящее на тюркском языке узбекско-таджикское смешанное население, не присваивало себе особого названия, и называют себя сартами лишь для отличия себя от таджиков и узбеков.

Он также утверждал, что в народном языке «сартами» называют все оседлое население, включая таджиков и «таджико-узбекскую смесь» и доказывал, что слово «сарт» используется неправильно и его необходимо

убрать из этнографического словаря.

Среди чиновников административного аппарата Туркестанского генерал-губернаторства особое место занимал Н.С. Лыкошин, который всесторонне изучал жизнь и быт народов Средней Азии, в том числе и таджиков. Он опубликовал несколько работ, в которых освещены вопросы сближения русского и местного населения, этнического состава, традиционной культуры таджиков: «Результаты сближения русских с туземцами» [10]. «Чапкулукская волость Ходжентского уезда», «Хороший тон на Востоке» [11]. «К полувековому юбилею завоевания русскими Туркестанского края», «Полжизни в Туркестане» [12]. В работе «Результаты сближения русских с туземцами» автор пишет о распространении среди местного населения, в том числе и таджиков российской экономики и культуры. В работе «Чапкулукская волость Хождентского уезда» автор останавливается на численности жителей данного уезда.

Отдельные сведения о городах и селениях, этническом составе населения, состоянии сельского хозяйства и ремесленного производства в Туркестанском крае имеются в работах Н.П. Остроумова «География Туркестанского края (Родиноведение)» и Н.С. Лыкошина «Полжизни в Туркестане» [12].

Последняя работа посвящена жизни и быту местного населения. Самыми важными в этнографическом освещении являются главы: «Всеобщая перепись населения в Туркестане», «Имена туземцев», «О гадании у среднеазиатских туземцев», «Религиозные верования и обряды», «Ишаны и их значение для туземцев», «Нравы и обычаи», «Той», «Той в Ходженте», «Кураши», «Джура», «Сайль (встреча весны)»[12].

В 1904 г. была опубликована книга А. Шишова «Сарты» [22], которая посвящена жизни и быту этого народа. Позже он издал книгу «Таджики» [23].

Книга «Таджики» является компилятивной, и часть ее материалов устарела, однако многие приведенные сведения автора по сей день не потеряли своего значения. Работа А. Шишова не специальное научное исследование, она является в основном систематизацией и конспектом доступной ему литературы о таджиках. Тем не менее, «Таджики» является первым обобщающим трудом по этнографии таджиков на русском языке, где собрано огромное количество материалов о традиционной культуре таджиков, географии, истории взаимоотношения таджиков с другими среднеазиатскими народами, которые имелись в трудах русских и зарубежных исследователей XIX-начала XX вв. [23].

Необходимо отметить, что в работе у А. Шишова, как и у многих других русских исследователей, имеются противоречивые высказывания в отношении местного населения. В частности, он беспочвенно утверждает, что таджики являются шиитами, хотя прекрасно знал, что абсолютное большинство таджиков являются суннитами-ханифитами. Поэтому при использовании книги А. Шишова исследователи должны быть очень осторожными [23; 22].

Известный этнограф М.С. Андреев в начале XX в. написал несколько

статей в «Туркестанских ведомостях»: в 1899 г. в газете «Туркестанские ведомости» опубликовал маленькую статью «Вахиё» [2], где дается материал об образе жизни населения этой местности, «Блины в Припамирских странах» [3], «Дарвазская сказка» [4]. Одной из них является «Блины в Припамирских странах». В ней автор справедливо отмечал, что в верховьях Амударьи, в глухих замкнутых высокогорных долинах, сдавленных Гиндукушем и Памиром, ввиду их труднодоступности и изолированности, сохранились остатки древней культуры и быта-сокровищницы для науки, для понимания жизни далекого прошлого, функционировавшего когда-то на равнинах Средней Азии.

Так, в газете Туркестанские ведомости за №36, 38, 39 за 1894 г. публикуется статья Лапина «О значении и происхождении слова «сартъ» (По поводу заметки г. В. Бартольда) [13]. Автор статьи дает ответ на «жестокие нападки» со стороны В. Бартольда, опубликованном в газете «Окраины» под №19 за 1894 г., поскольку он не разделял изложенного в этой статье мнения о происхождении слова «сартъ».

Лапин разъясняет читателям, что в №146 «Окраины» 1893 г. был напечатан краткий отчет вступительной лекции В.В. Бартольда под заглавием «На лекциях узбекского языка», затем он был перепечатан «Правительственным Вестником», «Московскими Ведомостями», «Оренбургским листком» и другими газетами под разными заголовками.

В статье говорится о происхождении слова «сарт», где В. Бартольд сетует на то, что авторы заметок не сделали ссылок на исторические сочинения как мусульманской, так и русской литературы. В. Бартольд считает, что автор статьи не знаком с исторической литературой края, иначе он знал бы, что известные писатели XV и XVI вв. Навои и Бабур слово «сарт» употребляли в значении «перс», «таджик» и противопоставляли это слово слову «тюрк», а не слову «казак».

Однако автор статьи Лапин говорит, что он уже давно знаком с литературой Алишера Навои и Бабура, поскольку читал их в оригинале, и указанные выше авторы упоминают слово «сарт», и они также имели ввиду здесь «персов», «таджиков».

В ответ на утверждение В. Бартольда о незнании соответствующей исторической литературы автором статьи, Лапин приводит факты из книги Остроумова «Сарты» [17], а также и других источников. Лапин подтверждает, что все средневековые писатели слово «сарт» приводили в значении «перс», «таджик», то есть он не отрицает, а наоборот подтверждает, что это слово противоположно слову «тюрк», а следовательно и слову «казак», так как казаки тоже причислялись к тюркским племенам.

Большую роль в изучении сартов сыграл выпускник Казанской духовной академии Николай Петрович Остроумов (1846-1930), в последующем известный русский ученый-ориенталист, этнограф и историк. В 1877 году он был назначен в Ташкент на должность инспектора народных училищ

Туркестанского края, с 1879 года исполнял обязанности директора Туркестанской учительской семинарии, а с 1883 года был директором Ташкентской мужской гимназии. Изучая сартов, Остроумов пришел к мысли о том, что «сарты» – это древнее название, которое применялось к оседлым жителям Средней Азии, чтобы отличать их от кочевников. В этнографическом плане сарты были очень похожи на таджиков, но они, в отличие от таджиков, говорили не на персидском языке, а на тюркском. В плане внешности они имели переходный тип между таджиками и тюрками-кочевниками. Остроумов всячески пытался представить сартов как народ смешанного происхождения, отличавшийся как от иранцев, так и от тюрков.

В частности, Н.П. Остроумов пишет: «сарты или оседлый народ включает арийских таджиков, татарских узбеков и других, на протяжении Бухары и, я думаю, до самой Сир-Дарьи (Яксарт), таджики составляют массу населения. Они земледельцы, лавочники, купцы, писцы, иногда даже солдаты и правители»[17; 25, 258].

Н.П. Остроумов отмечал, что важным отличием сартов от киргизов и узбеков служит отсутствие среди сартов родового быта, тогда как киргизы и узбеки и в настоящее время помнят своих сородичей и точно и определенно группируются по (92) родам [17].

Таким образом, «отсутствие родоплеменного деления среди сартов также является характерной чертой их самобытности и принадлежности к таджикам. Следует также отметить, что процесс формирования городской социальной прослойки, получившей на языке монголо-татарского населения термин «сарт», протекал при тесном этнокультурном контакте сартов-торговцев с самой же тюркской этнической группой» [16, 355-365].

В то же время, автору статьи в «Туркестанских ведомостях» Лапину непонятно высказывание Бартольда о том, что «сарты» - это «только оседлые туземцы преимущественно Сырдарьинской и частью Ферганской областей и Аму-Дарьинского отдела», которые говорят, по его мнению, исключительно «на языке тюркского корня», что идет вразрез показаниям Навои и Бабура о том, что «сарты – это персы-таджики, не говорящие по-тюркски».

Таким образом, Лапин считал, что «сартовский вопрос» на то время до конца не был решен. Указанный вопрос был поднят ещё в 1876 г. в Санкт-Петербурге на Третьем Международном съезде ориенталистов в такой форме, насколько можно проследить в исторических памятниках народные имена «сарт» и «таджик», и какие заключения можно вывести из показаний этих памятников относительно первоначального и последовательного значения этих названий».

Кроме того, он ссылается и на доказательства профессора Германа Вамбери, известного путешественника по Средней Азии, который по этому поводу говорит следующее: «Турки (тюрки) всегда первоначальных жителей Трансоксании (Мавауннахра) называли сартами. По поводу происхождения этого слова он ничего утверждать не может, однако говорит, что это слово

употреблял знаменитый Мир-Али-Шер (Навои), называя его в своем трактате «О персидском и турецком (тюркском) языках», первый язык всегда «сартами», а не «таджиками». Поэтому, как считает автор статьи, слово «сарт» вполне можно принять за турецкое (тюркское) название таджика» [13, №36,134].

Итак, автор статьи считает, что слово «сарт» означает «перс», «таджик», и так называли тюрки население оседлое, говорящее больше по-персидски.

Далее автор статьи анализирует этимологию слова «сарт» и приводит следующую историю.

Он говорит, что «как нам достоверно известно из исторических источников, коренными жителями Трансоксании, т. е. Маваруннахра, по крайней мере, в эпоху проникновения сюда ислама, с одной стороны, и вторжения тюрко-монгольского племени, с другой – считаются нынешние таджики, древние иранские выходцы. Эти таджики, утратив с течением времени свою самостоятельность, подпадали под владычество узбеков, народа тюркского племени. Победители узбеки, будучи в полудиком состоянии (т.е. кочевники) и постоянно соприкасаясь с подчиненными таджиками не могли, разумеется устоять против влияния просвещения и культуры последних, что выразилось в двух главных фактах:

1.Узбеки, бывшие до того времени язычниками, стали принимать от таджиков ислам вместе с арабской письменностью и ученостью.

2.Близко стоявшая к таджикам часть узбеков начала менять свой прежний кочевой образ жизни на оседлый, занимая города и селения. Это последнее обстоятельство имело 2 важных последствия: во-первых, с переменой образа жизни главным источником благосостояния осевших узбеков, как и у таджиков, сделались торговля, земледелие и ремесла и, во-вторых, эти узбеки, став в весьма близкие отношения с таджиками, не обошлось без сближения с ними, что и способствовало образованию узбеко-таджикской помеси, у которой не осталось почти ничего национального, кроме родного узбекского языка. Эти «отаджичившиеся узбеки», хотя и сохранили свой родной язык, на котором они говорят до сего времени, но и по своему внешнему виду, образу жизни и складу нравов и обычаев, очень мало отличались от настоящих таджиков сартов, почему легко производили впечатление сарта на киргизов и узбеков, оставшихся в первобытном состоянии.

Согласно данного высказывания и приводимых доводов С. Лапин делает заключение, что «слово сарт на языках киргиз и первобытных узбеков приняло более широкое применение, обозначая собою понятия как о таджиках, так и об оставшихся узбеках и других тюркских народностях (кипчаков, мангытов и пр.), принявших таджикскую культуру, то есть о всем оседлом населении, в каком смысле оно употребляется и доныне» [13, №36, 134].

Далее он говорит, что «слово сарт никогда не употреблялось туземцами в смысле названия особой народности, и «некоторые из туземцев узбекско-таджикской помеси, не знающие истории своего происхождения, на

предложенный им русскими вопрос, кто они по происхождению, говорят, что они сарты, и при этом отличают себя от таджиков, узбеков и других народностей. Автор статьи говорит, что они ошибаются, не знают как себя назвать и называют таковых «новыми сартами», т.е. они ни узбеки, ни таджики. Как считает автор статьи Лапин, что именно «отсюда исходит утверждение Остроумова и других исследователей, что «сарт» - это название отдельной народности, отличной от узбеков, таджиков и других» [13, №36, 134].

Таджики Самарканда и Бухары считают себя сартами, хотя в общении об этом не говорят. Другие окружающие их народности называют их сарт. Иногда свой таджикский язык они называют «сартча», однако народ, образовавшийся от помеси с таджиками и другими народами они сарт ими не называют, а относят к узбекам, а их язык называют «узбаки».

Сам автор считает сартов – народностями, образовавшимися от таджикско-узбекской помеси [13, №36, 134].

Другие народы понимают под термином «сарт» - кочевников-киргизов и полукочевых узбеков, затем татаров. Большинство русских под словом «сарт» понимают всех оседлых жителей Туркестана, не различая «чистых» таджиков от примеси с узбеками, киргизами и др.

В связи с вопросом о происхождении и значении слова «сарт» автор статьи приводит следующие доводы европейских и русских путешественников.

1.Так, Пашино в своих путевых заметках, изданных им в Санкт-Петербурге в 1868 г. под заглавием «Туркестанский край в 1868 году» [19] отмечает, что сарты встречаются почти в каждом населенном пункте от Каспийского моря до Небесных гор, они имеют происхождение от индийских переселенцев, появившихся здесь после завоеваний Чингиз-хана в качестве ученых, искусных строителей, мастеров, учителей различных ремесел и просто военнопленных. О том, что сарты персидского присхождения, убеждает автора их персидский язык, и также то, что хотя в Кокандском ханстве основная масса населения является тюркоязычной, персидский язык являлся официальным языком. Сарты бухарские знают только персидский язык, кокандские говорят на джагатайском наречии тюркского языка, отмечает Пашино.

2.Роберт Ша, английский комиссар отмечает, что «сарты они оседлый народ включает арийских таджиков, татарских узбеков и др». Также он говорит, что русские говорят, что сарты являются тождественными таджикам.

Все кокандцы же говорят, что «сарт есть только имя, под которым киргизы подразумевали всякого некочующего, будь он таджик или узбек.

3.Скайлер, посетивший Туркестанский край в 1873 г. говорит, что туземное население в Ташкенте как и в других местах Туркестана, известно под названием сартов, но это название не имеет никакого этнологического значения.

4.Согласно же показаниям самих туземцев, все население Туркестана делится на оседлых и кочующих. Кочующие назывались «казаками», а оседлое

население известно под именем «сартов».

5.Согласно мнению русского профессора по кафедре истории Востока В.В. Григорьева (согласно статьи Остроумова), слово «сарт» означает «горожанин». Так в Средней Азии одинаково называют оседлое население, говорящее на персидском, так и турок, сделавшихся оседлыми, которые занимаются земледелием и городскими промыслами.

6.Далее приводится мнение другого исследователя Средней Азии г-на Пантусова, который в своей статье «Фергана по запискам султана Бабера» говорит, что «сарты» или «таджики» суть жители городов и деревень, занимающиеся земледелием, торговлею и ремеслами. Они говорят по-персидски и представляют по-видимому, остатки древнего населения».

7.Известный географ Федченко заявляет, что «слово сарт, которым русские называют сплошь все здешнее население, не имеет у туземцев какого-либо политического, этнографического или антропологического значения, а служит только для обозначения жителей городских и вообще оседлых».

8.В Каталоге Туркестанского отдела политической выставки говорится, что «название сарт употребляется русскими для обозначения всех оседлых жителей Туркестана и перешло к русским от киргизов и жителей городов по правую сторону Сыр-дарьи».

9. Э.Реклю отмечает, что «имя сартов чаще всего употребляется для обозначения не особой национальности, а только класса, отличающегося родом занятий и нравами». Далее он замечает, что «оседлые жители городов, деревень, за исключением цивилизованных таджиков (?) (возможно имел ввиду аристократов из горожан гг. Бухары и Самарканда) называются сартами, без различия происхождения; некоторые писатели подводят таджиков под это общее имя, даваемое всему гражданскому населению Туркестана». Далее продолжает «Когда киргиз или узбек-кочевник покидает бродячую жизнь, чтобы поселиться в городе и займется торговлей или промышленностью, его дети становятся сартами» [13, №36, 135]. Говоря об их языке, Реклю отмечает, что из язык разнится по городам: в Ташкенте, в Фергане, в Кульджи говорят на турецком (тюркском) языке, тогда как в Ходженте или Самарканде они употребляют персидский».

«Сартами называются: 1) таджики, народ иранского происхождения-исконные обитатели Средней Азии, населяющие ныне по преимуществу пределы Зеравшанского округа и частью Ходжентского уезда; 2) осевшие узбеки, татары, киргизы и разные народности, происшедшие от взаимного их смешения и населяющие туземные города Сыр-дарьинской и Ферганской областей и Зеравшанского округа, и живущие в качестве торговцев в городах Семиреченской области и, наконец, 3) таранчи – оседлое мусульманское племя, составляющее преобладающее население Кульджинского района».

Далее автор подчеркивает, что сами они не называют себя сартами, а называют себя по названию города, в котором проживают: ташкентец – ташкенлыком, обыватель Ходжента – ходженлыком и т. п.

Говоря о языке сартов, также отмечали, что язык сартов тоже различный: в Самарканде и Ходженте говорили по таджикски, в Ташенте, Коканде, Кульджи –по-тюркски.

И все авторы единогласно подытоживают «зато образ жизни у всех одинаковый…». То есть ясно, что за основу слова «сарт» ими брался сам образ жизни населения, в частности - оседлый.

11) Переводческая комиссия (под председательством В.П. Наливкина) при переводе на тюркский язык действующего на то время) Положения об Управлении Туркестанского края везде употребляет выражение сартия (собирательная форма от слова сарт), обозначая им понятие о всем оседлом населении края. Слово сартия использовалось в то время по отношению к оседлому населению Туркестанского края в противоположность кочевому населению (илатия).

Указанная статья С. Лапина имела продолжение в №№ 38 и 39, «Туркестанских ведомости» но по различным причинам объективного характера нам была доступна только в №36 - первая её часть.

Таким образом, из всех материалов, приведенных выше в газете «Туркестанские ведомости» за №36 от 22 мая (3 июня), №38 и №39 за 1894 год о «сартах», «таджиках» и других народах в связи с употреблением термина «сарт» еще в 80-е годы XIX в. выясняется, что русские путешественники и интеллигенция знали о таджиках, их истории, о том, что они были персоязычными, являлись культурным и образованным народом, у которых другие, в частности тюркоязычные народы, учились грамоте, письменности, культуре, что они были всегда оседлым народом, в процессе своей истории занимались ремеслами, земледелием, проживали больше в городах, занимаясь торговлей, проживая же в горных и низменных районах, занимались больше земледелием, садоводством и виноградарством.

Что касается употребления самого слова «сарт» в отношении предков таджиков, то из текста статьи становится ясным, что русские чиновники и военные, управляющие Туркестанским краем, называли всех оседлых народов этой территории сартами, в том числе и говорящих на тюркском языке, даже киргизов и узбеков – кочевников, перешедших на оседлый образ жизни. В то же время подчеркивали, что большинство сартов говорило по-персидски. То есть сартами называли все народы Туркестана, которые практиковали одинаковый образ жизни, то есть оседлоземледельческий.

Ошибочностью со стороны автора статьи и других русских и европейских исследователей являлось то, что нельзя было рассматривать сартов как отдельную этническую группу, поскольку они являлись городской социальной прослойкой, городскими жителями, хотя и занимались земледелием и садоводством, ремеслами и другими промыслами. В Википедии о сартах приводится, что «сарты – наименование части оседлого населения отдельных регионов Средней Азии в XV и XVII вв.» и что «сарт означает торговец, купец или зажиточный человек» [28]. В дореволюционной же литературе сарты

рассматривались как отдельные этнические группы [17, 18, 27], однако В.В. Бартольд сумел правильно оценить историческую роль сартов, назвав их социальной прослойкой города [5,6].

Так, Б. Гафуров в своей работе «Таджики:древнейшая и средневековая история» [8] сообщает, что «в XIV-XV вв. произошло массовое отюречивание оседлого сельского и городского населения, особенно в Хорезме, Семиречье, Ташкентском оазисе и Фергане. В источниках это оседлое население часто фигурирует под именем «сарты» [17, 18], причем, как явствует из Бабурнамэ», это наименование прилагалось как к тюрко-язычному, так и таджико-язычному оседлому населению, что уже само по себе симптоматично: следовательно, резкого различия между теми и другими не было» [8, 292-293], то есть «сарты» - это сосуществование таджикской и узбекской идентичностей.

По мнению этнографа Н. Турсунова слово сарт не было этнонимом, а термином, определявшим хозяйственно-культурное положение населения [21, 52].

Следует отметить, что этим вопросом также занимался известный российский этнограф Сергей Абашин. Причина исчезновения названия «сарты» с этнографической карты Средней Азии после революции он считает в том, что «новая власть вступила в диалог с местной мусульманской элитой, поскольку нужно было создать «единство прежней страны и некую субъектность бывших «инородцев» в её будущем политическом устройстве», в результате отказались от термина «сарт», который, якобы, символизировал великодержавный характер имперского правления времен «царизма». И далее продолжает, что «результатом явился момент национально-государственного размежевания 1924-1925 гг. и всесоюзной переписи 1926 г., где название «сарты» исчезло с этнографической карты Средней Азии» [1, 254].

В своей статье «Возвращение сартов? Методология и идеология в постсоветских научных учреждениях» он отмечает, что с 1991 года, после получения независимости странами бывшего Союза, возникла проблема «забыть сартов» и «вспомнить сартов». «Забыть» - все оставить как есть, «вспомнить» проблему сартов – переписать историю и предъявить оппоненту политические и моральные претензии. К этому вопросу в годы независимости обратились таджикские ученые академик Р. Масов, А. Мирбабаев и П.Д. Шозимов.

Р. Масов в книге «Таджики: вытеснение и ассимиляция» считал, что сарты – «смешанная народность», которая возникла от слияния ираноязычного населения с тюрко-монгольскими пришельцами, причем примеси таджикской крови у сартов гораздо больше» [15, 36-37].

В другой работе Р. Масов пишет, что «сартами по существу были тюрко-таджикские метисы, но и абсолютное большинство сартского населения составляли именно таджики, которые в силу объективных и субъективных обстоятельств забыли таджикский язык, своё этническое происхождение» [14, 62].

В пользу точки зрения того, что сарты – не отдельная этническая группа, является исследование таджикского ученого А.К. Мирбабаева, который на основе письменных источников и различных публикаций о термине «сарт» считает данное высказывание абсурдным и считает, что они являются «социальной городской прослойкой. Так всегда называли таджиков – торговых людей городов, занимались земледелием, садоводством, ремеслом и другими промыслами». В то же время «в их руках была сосредоточена и духовная власть». И далее отмечает «Однако так называемый процесс «сартизации» узбеков, киргизов, тюрков курама и других тюркских племен Средней Азии, а особенно Ферганской долины, имел место довольно поздно, в конце XIX-начале XX вв». [16, 355-365].

В своей статье «Что мы знаем о термине «сарт» и о синониме этнонима «таджик» [16, 362] отмечает, что в результате их длительного контакта у сартов, как это естественно подобает, выработалось профессиональное правило вести диалог с покупателями товаров именно на языке покупателей. Так у сартов постепенно выработалось двуязычие. Такой феномен, как считал А. Мирбабаев, отмечали и до его исследования этого вопроса, однако «не в столь убедительной форме» [16, 362]. Сартовский язык состоял из таджикских слов с примесью узбекских говоров. В частности, венцом языка сартов долины Ферганы, и, в частности, Коканда, как считает А. Мирбабаев, является автобиография узбекского поэта и просветителя Фурката, написанная им самим и состоящая из сочинения таджикских и узбекских слов. Предложения в сочинении построены согласно таджикской грамматики [16, 362].

Исследователь П. Шозимов в своем исследовании «Таджикская идентичность и государственное строительство в Таджикистане» [24] утверждает, что в различных интерпретациях этого термина лежит «ключ к пониманию как таджикской, так и узбекской идентичности» и именно в них возникают притиворечия: если критериями определения таджикской идентичности выступают язык-таджикский (фарси), и образ жизни – оседлый, то сарты имеют те же характеристики… тогда по каким критериям отличается таджикская идентичность от идентичности сартов? С другой стороны, если сарты – это оседлые узбеки, то чем оседлые узбеки отличаются от таджиков» [24, 87-88]. Исследователь считает, что различие между таджикской и сартовской идентичностями имело стратификационный «характер», так как сарты были связаны с торговыми делами и поэтому владели иранскими и тюркскими языками, а в конце XIX в. они отждествлялись с таджиками, затем стали рассматриваться уже как «тюркоговрящее оседлое население» [24, 93-94]. Это - однобокая этническая интепретация», считает он.

Далее С. Абашин, приводя мнения различных киргизских и узбекских исследователей по этому вопросу, останавливается на исследовании узбекского исследователя А. Ильхамова «Археология узбекской идентичноси» [9, 268-302], который говорит, что сарты состоят из «оседлого тюркоязычного, преимущественно городского, населения» и происходят от «турок, отошедших

от кочевого образа жизни и утерявших свою родоплеменную принадлежность, а также из тюркизированных таджиков» [9, 270].

Далее Ильхамов разделяет мнения различных авторов по сартовскому вопросу XIX в. на 3 группы:

Первая группа: Вамбери считал, что сарты - часть таджиков; Радлов считал, что это скорее часть «татар» (т. е. тюркоязычного населения); Остроумов – это самостоятельный народ; Бартольд – осторожно, двусмысленно, но склонен был разделить точку зрения Остроумова [1, 109,113, 123-126,129-130;166-168].

Вторая группа: считает, что сарты – узбеки. Сюда А. Ильхамов причисляет В.П. Наливкина и И.П. Магидовича.

Третья группа: из местных исследователей, куда он причисляет Махмудходжу Бехбудӣ и Шерали (Сер Али) Лапина [9, 278, 279], статью которого мы использовали в нашем исследовании.

Согласно исследователю вопроса «сартов» С. Абашина, «обе группы (вторая и третья Н. А.) одинаковые, обе предпочитают термину «сарты» какие-то другие названия: В. Наливкин – «сарто-узбеки» и «сарто-таджики», исключая из термина «сарты» какое-либо этническое содержание…» [1, 119-121, 146-147].

Исследователь С. Абашин считает, что заслугой А. Ильхамова является внимание к творчеству С. А. Лапина, который первым сделал попытку дискредитировать термин «сарты» и заменить его термином «узбеки» [1, 158-161].

В то же время исследователь сожалеет, что «в классификации Ильхамова А. отсутствует ещё одна – очень популярная и даже господствовавшая в середине XIX в. точка зрения, согласно которой сарты - суть таджики или особая группа внутри «иранских племен», которой придерживались русские исследователи Ю.Д. Южаков, А.П. Хорошхин, А.Д. Гребенкин, А.Ф. Миддендорф» [1, 109-112, 116-119].

Одной из причин такого обхода, сбрасывания некоторых фактов С. Абашин видит в «нежелании» А. Ильхамова «отдавать» сартов таджикам или ещё кому-либо даже под предлогом смены методологии изучения наций, оставаясь исключительно внутри узбекского национального дискурса». И далее ученый подчеркивает, что «без учета «таджикской» точки зрения сложно понять и сам спор по «сартовской проблеме» [1, 268].

С. Абашин подчеркивает, что «иранские корни сартов – один из главных аргументов Остроумова и Бартольда в их несогласии с Лапиным и джадидами по вопросу принадлежности сартов к «узбекам», т.е. тюркам.

В конце, давая анализ работы А. Ильхамова, С. Абашин говорит, что оживление различных дискуссий по «сартовскому вопросу» означает то, что среднеазиатские исследователи «стремятся заново осмыслить свою историю и культуру, учесть соотношение сил в мире и сформулировать собственное, самостоятельное видение своих целей» [1, 276].

В недавно вышедшей монографии «Таджики» [20] относительно сартов отмечается, что до сих пор «идут дискуссии вокруг термина «сарт» и они включают различные интепретации, в частности, что «сарт» как социокультурная группа(Franger, 1994, p.15); «сарты» - оседлые и ведущие полуоседлый образ жизни тюрки или доузбекские тюркские племена. При этом данное наименование они получили от самих узбеков, которые прибыли в Центральную Азию в конце ХУ-начале XVI вв. (Бартольд, 1964, С. 313, 528); «сарты» это симбиоз таджикской и узбекской идентичностей (Гафуров, 1989, С. 292-293; Subtelny, 1994, p.49; Roy, 2004, p.17) [20,784].

И далее в работе «Таджики» говорится, что «решение вопроса относительно термина «сарт» лежит в рассмотрении его не как константной этнической или социокультурной единицы, а в параметрах изменения его значения в разные исторические периоды. Характер изменения значений и интерпретаций данного термина зависел от многих причин [20, 785]. И далее приводятся факты и доказательства исследуемому вопросу.

В результате сопоставления мнения различных авторов в работе «Таджики» делается такой общий вывод по этому вопросу, что «характер изменения значения социально-экономической и культурной категории «сарт» можно хронологически обозначить следующим образом: таджик как этническая категория, актуализированная в X-XI вв., еще рассматривается в связи с термином «сарт». После падения Саманидского государства (к.Хв.), часть таджиков, вытесняемая тюрками, из политических, военных и главное из экономических секторов, переходит в неформальный сектор экономики. Это приводит к тому, что уже в XII-XIII вв., часть таджиков, включенные в неформальные сектора, именуются представителями других этнических групп сартами (купцами). После появления на политической арене Средней Азии Шейбанидов в к. XV-н. XVI вв. узбеки уже начинают противопоставлять себя таджикам. И далее говорится, что «это связано с появлением культурной тюркской элиты и как результат вытеснения таджиков из привычных им секторов образования и культуры. В то же время приводится довод, что «Абульгази (XVII в.) называет сартами только среднеазиатских горожан, противопоставляя их узбекам и туркменам и нисколько не сближая их с «кызылбашами» («персами») [20, 788].

То есть делается вывод, что «под влиянием завоевателей сами горожане-туземцы стали называть себя сартами; но племенное различие между тюрками и таджиками так велико, что представители обеих народов не могли называть себя одним и тем же именем. Так как большинство оседлого населения теперь говорило по-тюркски, то сартами стали называться только горожане-тюрки. В противоположность не только кочевникам, но и таджикам, и теперь, например, жители Ташкента прямо говорят о сартском языке, в противоположность таджикскому [20, 788].

Таким образом, как считал В.В. Бартольд, «установилась разница между термином сарт и таджик, которые некогда были синонимами» [6, 313]. Отсюда

можно сделать вывод о том, что мнение исследователей XIX в., которые выступили относительно термина «сарт» было ошибочным, и таджики являются отдельной этнической группой, имея свою очень древнюю историю и культуру.

Согласно материалам различных исследователей этого вопроса, установлено, что сарты-это наименование части оседлого населения отдельных регионов Средней Азии в XV и XVIII - начале XX веков и означал торговец, купец или зажиточный человек. Вплоть до Октябрьской революции 1917 года название «сарт» по отношению к оседлым узбекам и отчасти равнинным таджикам употребляли преимущественно казахи и полукочевые узбеки. В Ташкентском, Ферганском и Хорезмском же оазисах оно являлось самоназванием части оседлого населения. В период Российской империи имела место попытка властей создать псевдо «сартовский» язык вместе с псевдонацией «сарт», тем не менее, этот эксперимент был обречён на провал.

ЛИТЕРАТУРА

1.Абашин С.Н. Возвращение сартов? Методология и идеология в постсоветских научных дискуссиях//Антропологический форум. 2009. №10.-С.254.
2.Андреев М.С. Вахиё//Туркестанские ведомости, 1899, №93.
3.Андреев М.С. Блины в Припамирских странах//Туркестанские ведомости, 1905, №32.
4.Андреев М.С. Дарвазская сказка (Волшебные предметы)//Живая старина, 1912. Вып.2.
5.Бартольд В.В. Таджики: Исторический очерк//Бартольд В.В. Соч.,М., М.,1963 в. Т.2, Ч.1.-С.449-468, 469.
6.Бартольд В.В. Ещё о слове «сарт»//Бартольд В.В.Соч., М.,1964 а,Т.2, Ч.2.
7.Валиев А.Освещение этнографии таджикского народа в трудах русских дореволюционных исследователей (вторая половина XIX-начало XX вв.) Душанбе, 2013, -229 с.
8.Гафуров Б.Г. Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история. 2-е изд-е, Душанбе, 1989. Кн.1. -С. 292-299.
9.Ильхамов А. Археология узбекской идентичности//Этнический атлас Узбекистана. Ташкент, 2002. С.268-302.
10.Лыкошин Н.С. Результаты сближения русских с туземцами//Справочник по Туркестанскому краю на 1903. Ташкент, 1903.
11.Лыкошин Н.С. Хороший тон на Востоке К полувековому юбилею завоевания русскими Туркестанского края. Пг.1915, -116 с.
12.Лыкошин Н.С. Пол жизни в Туркестане. Пг., 1916, 116 с.
13.Лапин С. «О значении и происхождении слова «сартъ» (по поводу заметки В. Бартольда)» «Туркестанские ведомости». №36, -с.134, 38, 39 за 1894.
14.Масов Р. Таджики: история с грифом «совершенно секретно». Душанбе, 1995.-С.62
15.Масов Р. Таджики: вытеснение и ассимиляция. Душанбе, 2003.-С.36-37
16.Мирбабев А. К. «Что мы знаем о термине «сарт» и о синониме этнонима «таджик»? (К проблеме этнокультурных контактов иранских и тюркоязычных народов Центральной Азии)//В кН.: Таджики в источниках и трудах исследователей(материалы по истории таджиков) .Душанбе, 2018. -С. 355-365.
17.Остроумов Н.П. Сарты. Этнографический очерк. Вып.1. Ташкент, 1890.-С.3; нов. вып. Остроумов Н.П. Сарты. Этнографические материалы. Вып.1. Ташкент, 1990.-С.14
18.Самойлович А.К. К вопросу о сартах//Ж. №19. Вып.3, 1910.
19.Пашино. «Туркестанский край в 1868 году». Путевые заметки. С-Пб., 1868.
20.Таджики/Отв.ред. Н.А.Дубова, Н.К. Убайдулло, З.М. Мадамиджанова; Ин-т этнологии и

антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ.-М.: Наука, 2021 (Народы и культуры). -С.255; 258; 263
21.Турсунов Н. О. Развитие городских и сельских поселений северного Таджикистана в XVIII-начале XX вв. Душанбе, 1991, с. 52.
22.Шишов А. Сарты. Ташкент, 1904.
23.Шишов А. Таджики (Этнографические и антропологические исследования).-Ташкент. Новое издание данного труда. -Алмааты, 2006. -392 с.
24.Шозимов П.Д. Таджикская идентичность и государственное строительство в Таджикистане. Душанбе, 2003.
25.Этногенез и этническая история таджикского народа. В 2-х томах.Т.1. Душанбе: Дониш, 2021.-С.258.
Этногенез и этническая история таджикского народа. В 2-х томах.Т.1. Душанбе: Дониш, 2021. -С.258.
26. Ю.Д. Сарты или таджики. Главное оседлое население Туркестанской области //Отечественные записки. СПб. 1967. Т.173. №7-8.
27.Юсупов А.К. К истории изучения сартов Ходжентского уезда//МРКМУТ. Душанбе, 1975. -С. 38 и др.
Интернет ресурсы:
28.Сарты. https://Google.com.,ru.wikipedia.org/wiki.Сарты.

К ВАПРОСУ О «САРТАВ» В ГАЗЕТЕ «ТУРКЕСТАНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Проблема «сартов» в конце XIX-начале XX вв. являлась одним из вопросов, привлекающих особое внимание читателей периодической печати. Вместе с тем, Российское правительство прилагало большие усилия для составления карты населения и этнического состава Туркестанского края. Такие сведения имели для администрации этого края большое значение. Появлялось множество различных статей в «Туркестанских ведомостях», посвященных повседневному быту этого края, в частности жизни и быту таджиков.

В статье рассматривается происхождение слова «сарт», на которое В. Бартольд сетует на то, что авторы заметок не обращались к историческому наследию ни мусульманской, ни русской литературы. В. Бартольд считает, что автор статьи С. Лапин не знаком с исторической литературой региона, иначе ему было бы известно, что знаменитые писатели XVI в. А. Навои и Бабур употребляли слово «сарт» в значении «перс», «таджик», это слово противопоставляется слову «тюрк», а не слову «казах».

С. Лапин же уверяет, что давно знаком с литературой Алишера Навои и Бабура, так как читал их в оригинале, и что слово «сарт» использовалось вышеуказанными авторами для обозначения «персов» или «таджиков»:

«Сарты: 1) таджики, этнические иранцы, коренные жители Средней Азии, проживающие в настоящее время в основном на территории Зеравшанского района и части Ходжентского района; 2) узбеки, татары, киргизы и другие народности, которые от слияния Сырдарьинской и Ферганской областей и Зеравшанской области жили и торговали в городах Семиреченской области, и, наконец, 3) таранчи - основное мусульманское население Кульджинской области.

Итак, из всех материалов, приведенных в газете «Туркестанские ведомости» за №36 от 22 мая (3 июня), №38 и №39 за 1894 год о «сартах», «таджиках» и других народах в связи с употреблением термина «сарт» еще в 80-е годы XIX в. выясняется, что русские путешественники и интеллигенция знали о таджиках, их истории, о том, что они были персоязычными, являлись культурными и образованными народом, у которых другие народы, в частности тюркоязычные, учились грамоте, письменности, культуре. Они были

всегда оседлым народом, в процессе своей истории занимались ремеслами, земледелием, проживали больше в городах, занимаясь торговлей, прожившие же в горных и низменных районах занимались больше земледелием, садоводством и виноградарством. То есть русские чиновники и военные, управлявшие Туркестанским краем, сартами называли все народы Туркестана, которые практиковали оседлоземледельческий образ жизни.

Ключевые слова: *«сарты», газета, «Туркестанские ведомости», карта народонаселения, Туркестанский край, этнический состав, администрация, статьи.*

МАСЪАЛАИ «САРТҲО» ДАР РӮЗНОМАИ «ТУРКЕСТАНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Масъалаи «сартҳо» дар охири асри XIX, ибтидои асри XX яке аз мавзуъҳои диққатҷалбкунандаи матбуоти даврӣ буд. Баробари он, Ҳукумати Россия кӯшиш мекард, ки харитаи аҳолии кишвари Туркистон ва таркиби этникии онро тартиб диҳад. Чунин маълумот барои маъмурияти ин минтақа аҳаммияти калон доштанд. Мақолаҳои зиёде дар рӯзномаи «Туркестанские ведомости» ба рӯзгори ҳамарӯзаи мардуми ин кишвар, ба хусус тоҷикон бахшида шуда буданд.

Дар мақола дар бораи пайдоиши калимаи «сарт» сухан меравад, ки В. Бартолд аз он шикоят мекунад, ки муаллифони ёддоштҳо ба осори таърихии чи адабиёти мусалмон ва чи адабиёти рус ишора накардаанд. В. Бартолд бар ин назар аст, ки муаллифи мақола бо адабиёти таърихии ин минтақа ошно нест, вагарна медонист ки адибони маъруфи садаҳои XVI Алишери Навоӣ ва Бобур вожаи «сарт»-ро ба маънои «форс», «тоҷик» истифода бурда, ин вожаро ба вожаи «турк» мухолифат кардаанд, на ба вожаи «қазоқ».

Аммо муаллифи мақола Лапин мегӯяд, ки бо адабиёти Алишер Навоӣ ва Бобур кайҳо ошноӣ дорад, зеро онҳоро дар нусхаи асл мутолиа кардааст ва муаллифони зикршуда калимаи «сарт»-ро ифода кардаанд ва онҳо ҳам ба маънои «форсҳо», «тоҷикон» дар ин ҷо:

«Сартҳоро: 1) тоҷикон, қавми эронитабор, сокинони аслии Осиёи Миёна, ки ҳоло асосан дар ҳудуди ноҳияи Зарафшон ва як қисми ноҳияи Хуҷанд зиндагӣ мекунанд; 2) ӯзбеку тотор, қирғиз ва миллатҳои гуногун, ки аз омехташавии онҳо дар зодгоҳи вилоятҳои Сирдарё, Фарғона ва ноҳияи Зарафшон зиндагӣ мекарданд ва дар шаҳрҳои вилояти Семиреченск ба савдогарӣ машғул буданд ва ниҳоят, 3) таранчӣ-қабилаи муқимии мусулмон, ки аҳолии асосии вилояти Кулджиро ташкил медиҳад.

Ҳамин тариқ, бояд қайд намуд, ки аз ҳамаи маводе, ки дар боло овардашуда дар рӯзномаи «Туркестанские ведомости» аз 22 май (3 июни соли 1894) № 36 ва № 38 ва № 39 дар бораи «сартҳо», «тоҷикон» маълум мешавад, ки сайёҳон ва таҳқиқотчиёни рус аз тоҷикон, таърихи онҳо, форсизабон будани онҳо, мардуми бофарҳанг ва бомаърифат будаанд, ки аз онҳо дигарон, бахусус туркзабонҳо савод, хат, фарҳанг, ки онҳо ҳамеша халқи муқимӣ буда, дар тӯли таърихи худ ба ҳунармандӣ, зироаткорӣ машғул буда, бештар дар шаҳрҳо зиндагӣ карда, ба савдо машғул буданд. Яъне амалдорони рус ва низомиёне, ки вилояти Туркистонро идора мекарданд, тамоми халқҳои Туркистонро, ки муқимӣ буда бо кишоварзӣ машғул буданд, «сартҳо» меномиданд.

Калидвожаҳо: *«сартҳо», рӯзнома, «Туркестанские ведомости», харитаи аҳолӣ, кишвари Туркистон, таркиби этникӣ , маъмурият, мақолаҳо.*

ON THE PROBLEM OF «SARTS» IN THE NEWSPAPER «TURKESTAN NEWS»

The question of «sarts» in the late XIX-early XX centuries was very important, problem which arise in periodical press. Together with the problem of «sarts» Russian government expected to make a map of the population of the Turkestan region, its ethnic composition. Such data were of great interest to the administration of the region. Many articles in the «Turkestan Vedomosti» were devoted to the life and everyday life of the population of this region, in particular the Tajiks.

The article examines the origin of the word «sart», to which V. Bartold complains that the authors of the notes did not refer to the historical heritage of either Muslim or Russian literature. V. Bartold believes that the author of the article is not familiar with the historical literature of the region, otherwise he knew that the famous writers of the XVI age A. Navoi and Babur used the word «sart» in the meaning of «Persian», «Tajik», this word is opposed to the word «Turk», and not the word «Kazakh».

Lapin says that he has long been familiar with the literature of Alisher Navoi and Babur, as he read them in the original, and that the word "sart" was used by the above authors to refer to "Persians" or "Tajiks":

"Sarts: (1) Tajiks, ethnic Iranians, indigenous inhabitants of Central Asia, currently living mainly in the territory of the Zeravshan district and part of the Khujand district; 2) Uzbeks, Tatars, Kyrgyz and other nationalities who, from the confluence of the Syrdarya and Fergana regions and the Zeravshan region, lived and traded in the cities of the Semirechensk region, and, finally, 3) taranchi - the main Muslim Kulja region.

So, from all the materials given above in the newspaper «Turkestan Vedomosti» for No. 36 of May 22 (June 3), No. 38 and No. 39 for 1894 about the «Sarts», «Tajiks» and other peoples in connection with the use of the term «Sart» back in the 80 s of the XIX age it turns out that Russian travelers and intellectuals knew about the Tajiks, their history, that they were Persian-speaking, were cultured and educated people, from whom other, in particular Turkic-speaking peoples, learned literacy, writing, culture, that they were always a sedentary people, in the course of their history they were engaged in crafts, agriculture, lived more in cities, engaged in trade, living in mountainous and lowland areas, engaged more in farming, horticulture and viticulture. That is, Russian officials and the military, who rule the Turkestan Territory, called all the peoples of Turkestan, who practiced the same way of life, that is, sedentary agriculture, and sarts.

Key words: *«sarts», newspaper, «Turkestan news», a map of population, Turkestan area, ethnic staff, administration, articles.*

Сведения об авторе:

Афсахова Нодира Саидахмадовна- соискатель Института истории, археологии и этнологии им. А. Дониша НАН Таджикистана Телефон: (+992) 553258008; (+992) 919517008.

Маълумот дар бораи муаллиф:

Афсахова Нодира Сайдахмадовна-унвончӯйи Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А.Дониши АМИТ. Тел. (+992) 553258008; (+992) 919517008.

Information about the author:

Afsakhova Nodira Saidakhmadovna- applicant of the Institute of History, Archeology and Ethnology named after A. Donish of the National Academy of Sciences of Tajikistan Phone: (+992) 553258008; (+992) 919517008.

УДК 9:327 (55)

ОТРАЖЕНИЕ ПОРЯДКА ПРОВЕДЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СНОШЕНИЙ ДВОРА ГАЗНАВИДОВ С СЕЛЬДЖУКАМИ НА РАННИХ ЭТАПАХ В ТРУДЕ АБУЛФАЗЛА БАЙХАКИ «ИСТОРИЯ МАСЪУДА»[8]

ХУСЕНОВ Ф. Р.,

Институт истории, археологии и этнографии им А. Дониша НАНТ

Прием дипломатических миссий иностранных государств, как правило, сопровождался торжественными церемониями. В данной статье мы решили изучить историю первых дипломатических сношений династии Газнавидов с Сельджуками, прежде всего на основе труда Абулфазла Байхаки. Ценность труда А. Байхаки при изучении данного вопроса заключается в том, что автор служил при Масъуде Газнави (1030-1042) в диване по переписке и был непосредственным свидетелем исторических событий. Им детально описана вся полнота исторических событий, чего мы не находим у других авторов. Основная цель написания данной статьи – оценка порядка проведения дипломатических сношений двора Газнавидов с Сельджуками на ранних этапах их взаимоотношений. Хотя огузские племена под предводительством династии Сельджуков стали проникать в Хорасан в эпоху правления Махмуда Газнави (998-1030) и даже в 1027 г. восстали против него и были жестоко подавлены [1, 26-27], все же на этом отрезке истории они никакими признаками государственности не владели. Хронологические рамки исследования охватывают 1035-1040 гг. Именно в этот период Сельджуки начали восставать против государства Газнавидов и проводить независимую от Газны политику.

В 1035 г. мощному войску Газны под предводительством Бектугды Сельджуками было нанесено сокрушительное поражение. Согласно Мирхонду, султан Масъуд Газнави, оценив положение, решил уладить конфликт мирным путем. Он направил в ставку Сельджуков посла с предложением союза и скрепления его брачными узами. Сельджукским предводителям – Тугралбеку, Чагрыбеку и Мусе Ябгу[9] предлагалось заключить брачный договор с тремя дочерями вельмож газнавидского государства.

Предложение было принято Сельджуками, а Масъуд, узнав о положительном ответе, приказал правителю Мерва немедленно подготовиться к выражению почета трем сельджукским предводителям и после заключения договора передать им сорок барабанов, сто палаток, три богатых шатра и три знамени. Слон, захваченный во время боя с сельджуками, должен был быть

[8] Статья написана на основе проекта «История таджикского народа» (III-век начало XX века), государственный регистратционный номер 0121TJ1211.

[9] Мирхонд почему-то называет Мусу Ябгу Инанчбеком ибн Сельджуком, что не соответствует исторической действительности.

возвращен обратно, и после этого нужно было заключить брачные союзы. Дочь эмира Сури – наместника Масъуда в Хорасане предлагалась Мусе Ябгу, а Тугралбеку и Чагрыбеку предлагались дочери военачальника Абдуса. Правитель Мерва, получив приказ Масъуда, отправил через свое доверенное лицо в ставку Сельджуков барабаны, знамена и шатры. Также сельджукские предводители были извещены о том, что следует справить свадьбу, и прибыли в Мерв на брачный пир. Из сведений Мирхонда можно сделать вывод, что к этому моменту у Сельджуков произошел раздор о заключении мира с Масъудом Газнави. Часть сельджукской знати стали бранить Масъуда в присутствии доверенного лица мервского правителя. Муса Ябгу, взяв подарки, дал согласие на брак, а Тугралбек и Чагрыбек приказали разорвать полученные подарки – барабаны, шатры и знамена [7, 457-458].

Свидетель событий Байхаки сообщает о совершенно ином ходе переговоров. Он мимоходом сообщает, что после получения информации о разгроме войск во главе с Бектугды Масъуд Газнави устроил заседание со своими сановниками, где было решено направить посла к Сельджукам [2, 596-597; 3, 519; 4, 458]. Но дальше Байхаки ничего не сообщает о том, было ли отправлен посол из Газны к Сельджукам, или нет. Сведения Байхаки создают впечатление, будто Сельджуки первым отправили посла к Масъуду Газнави, а не он к ним. Впрочем, последующие события указывают на то, что данное посольство было безрезультатным.

Согласно Байхаки, предводители Сельджуков, в очередной раз разгромив войска Газнавидов, отправили посла с письмом в Нишапур, к их визирю Ахмаду ибн Абдассамаду.Согласно автору, послом был некий старый ученый и речистый бухарец, имя которого не называется. Сельджуки в письме жаловались на наместника Хорасана Сури и оправдывались, что они были вынуждены защищаться от нападений войск султана. Они изъявляли покорность к эмиру Масъуду и просили визиря, чтобы он был посредником между ними и эмиром. Визирь Ахмад ибн Абдассамад доложил обо всем эмиру Масъуду, и было решено отправить для переговоров к Сельджукам вместе с их послом казия Бунасра Сини. Согласно Байхаки, Бунаср Сини был человеком проницательным, образованным, сметливым, хитрецом и лицедеем. В конце правления Махмуда Газнави он был назначен мушрифом, и прочность его положения при Газнавидском дворе Байхаки связывают с его отцом. Хотя имя отца Бунасра Сини не называется, но, согласно автору, он был учителем самого Махмуда Газнави, и как-то, рассорившись с двором, ушел в Узгенд, где стал тайным осведомителем эмира Махмуда. При Масъуде он был назначен заъимом Таликана и Мерва. Перед отправкой казий Сини был вызван на прием эмиру Масъуду, и эмир в присутствии визиря и начальника государственной канцелярии передал устное сообщение сельджукским предводителям. Бунаср Сини и бухарец – посол Сельджуков были награждены двором Газнавидов. Сини, прибыв к Сельджукам, советовался с двором Масъуда по разным вопросам, отправляя для этого гонцов. Примерно 20 августа 1035 года Сини

прибыл в Нишапур вместе с ученым бухарцем и тремя посланцами от Ябгу, Туграла и Дауда. Байхаки подчеркивает, что послы Сельджуков хорошо были встречены расулдором – посольским приставом, чиновником, ответственным за прием и проводы послов. По свидетельству Байхаки, было решено, что Дауду в качестве икта будет пожалован Дехистан, Тугралу – Ниса, а Ябгу – Фарова. Они также получили титулы дихканов. Вместе с грамотами о пожаловании областей послам были также переданы три халата, как подчеркивает Байхаки, «какие полагается дарить друзьям-соседям», двурогие шапки, стяги, шитые одежды. Перечислив названные дары, Байхаки пишет: «какие приняты у нас» и тем самым подчеркивает, что они традиционно считались у ираноязычных народов символами власти [2, 599-602; 3, 521-524; 4, 461-463]. Далее сообщается о том, что также были подарены кони, седельные украшения, пояса с золотом тюркского пошива и по тридцать отрезов некроеных тканей. В источниках нет сообщения, что до этого местные дворы дарили назначавшемуся правителю области коня с убранством, что относится к тюркской традиции. Это обстоятельство дает нам основание предполагать, что поднесение коня вместе с седлом в качестве дара было одним из условий договора от Сельджуков. Послам были преподнесены халаты и награды. После этого Сини вместе с послами Сельджуков выехал из Нишапура. По условиям договора он должен был привести предводителей Сельджуков к присяге на верность эмиру Масъуду, а они будут довольствоваться тремя пожалованными областями. Также, если Масъуд прибудет в Балх, один из трех предводителей должен был прибыть к его двору и оставаться там в качестве почетного заложника [2, 602; 3, 524; 4, 463].

Сообщение Ибн ал-Асира также подтверждает факт пожалования Сельджукам в качестве икта Дехистана, Нисы и Фаровы, присвоения им титулов дихканов [8, 368]. Согласно сообщению Гардизи, достигнутое соглашение было скреплено клятвами, и в этом приняли участие все предводители и военачальники Сельджуков, которые обязались круговой порукою [9, 232]. Впрочем сельджукские предводители отнеслись пренебрежительно к грамоте и двурогим шапкам, посланным Масъудом. Двурогие шапки они потоптали [10, 24].

Если в результате первых дипломатических сношений в 1035 году предводители Сельджуков были официально назначены двором Газнавидов правителями трех областей, то из-за их неповиновения вскоре сношения между Газнавидами и Сельджуками поднялись на новый уровень. Так, в 1039 г., после нескольких провальных походов против Сельджуков, Масъуд Газнави лично возглавил поход против них. Степняки ввиду численного превосходства войск Масъуда перешли к партизанской войне, нападая малыми группами и тем самым истощая многочисленное войско Масъуда. В конце июня 1039 г. под городом Сарахсом Сельджукам был дан бой, в результате которого они потерпели жестокое поражение, а Масъуд Газнави после этого прибыл с войском в Сарахс. Для двора Масъуда было неожиданностью, что Сельджуки

после, казалось бы, сокрушительного поражения вновь появились под Сарахсом и стали окружать город [2, 698-705; 3, 603-610; 4, 536-542].

Масъуд Газнави в конце концов был вынужден принять предложение своего визиря Ахмада ибн Абдассамада, что к Сельджукам нужно отправить посла. Посол должен был представлять не Масъуда, а его визиря. Он должен был пригрозить войной, если те откажутся от мира и не отведут свои войска. Нужно было уверить их, что Масъуд об этом не знает, и если Сельджуки примут условия визиря, то он походатайствует за них перед эмиром, чтобы им была пожалована область. Масъуд Газнави вынужденно пошел на этот шаг, так как войску необходимо было отдохнуть и пополниться. Визирь выбрал послом Хакима Мутавваъи Завзани, в прошлом служившего Мухаммаду Аъроби, военачальнику времен Махмуда Газнави. Визирь обстоятельно объяснил его миссию, после чего Завзани отправился к Сельджукам. Байхаки, описывая ход событий, к сожалению, подробно не описывает, как был принят Хаким Мутавваъи. Он сообщает лишь в общих чертах, что Хаким Мутавваъи прибыл к Сельджукам и изложил требования визиря. Байхаки буквально пишет следующее об отношении Сельджуков к газнийскому послу: «Они оказали ему почести, поместили где-то и принесли много угощений». Сами предводители Сельджуков собрали совещание по этому поводу и решили принять условия визиря Масъуда Газнави, чтобы тоже некоторое время отдохнуть от войны и, собрав силы, вновь противостоять газнийским войскам. На следующий день они призвали Хакима Мутавваъи, изъявили свою покорность, отправили с ним своего посланца и, вознаградив его, отпустили в обратный путь [2,711-712; 3, 616-618; 6, 283].

Хаким Мутавваъи, прибыв в войсковой стан Газнавидов, был заранее принят визиром Ахмадом ибн Абдассамадом и доложил ему о результатах своего посольства. Затем был принят посол Сельджуков. Хотя Байхаки ничего не сообщает о личности посла Сельджуков, но из его сообщения можно сделать твердый вывод, что он был хорошо осведомлен об этикете двора и мерах приличия. В частности Байхаки подчеркивает: «…посланец, как требовалось, отвесил поклон, изъявил рабскую покорность и передал словесное поручение» [2, 713; 3, 618; 6, 283-284]. После приема визирем посол был помещен в расулхона (помещение для послов) и ему было поднесено обильное угощение [2, 713; 3, 618; 6, 284]. В этом эпизоде наше внимание привлекает именно наличие помещения для послов, так как посол был принят не в Газнине и не в других крупных городах Газнавидов, таких как Балх или Нишапур, которые также в каком-то смысле выполняли функцию столиц, а в Сарахсе. Данный факт дает основание предполагать, что помещение для послов находилось либо во дворце правителя города, либо было временно сооружено в виде шатра.

На тайном совещании визирь подробно изложил обо всем услышанном от Хакима Мутавваъи, а также устное сообщение, доставленное посланцем Сельджуков. Масъуд Газнави, констатировав, что эти действия доказывают

бессилие его двора, все же дал визирю распоряжение завершить начатое. На следующий день визирь Ахмад ибн Абдассамад вновь принял посла Сельджуков и информировал его, что походатайствовал перед Масъудом. Согласно Байхаки, требование визиря состояло из следующих пунктов: Сельджуки должны были довольствоваться занятыми территориями; Ниса, Бавард и Фарова оставались за ними при условии, что они не будут нападать на мусульман, грабить подданных и производить поборы и сборы. Подчеркивалось, что Сельджуки должны отойти, чтобы газнийские войска могли уйти в Герат. Окончательный договор между Газнавидами и Сельджуками должен был быть подписан в Герате, и ради этого Сельджуки должны были вновь отправить своего посла в Герат. Согласно этикету двора, посла Сельджуков наградили перед отправкой в обратный путь. Со стороны Газнавидов его сопровождал Хаким Мутавваъи [2, 713-714; 3, 618-619; 6, 284]. Можно сказать, что результат этих переговоров был для Сельджуков положительным, так как они не только удержали прежде пожалованные территории, а именно Нису, Бавард и Фарову, но и расширили свои владения.

Сельджуки не отправили послов в Герат, как того требовало предварительное соглашение. Находясь в Герате, визирь Ахмад ибн Абдассамад и глава дивана по переписке Бунаср Мушкан размышляли об этом с тревогой [2, 718-719]. Через некоторое время, в 1040 г., произойдет судьбоносное сражение под Дандонаконом, после которого Сельджуки получили полный суверенитет над Хорасаном. С этого момента отношения между Газнавидами и Сельджуками вышли на совершенно новый уровень.

Анализ данных Байхаки о ранних сношениях Газнавидов с Сельджуками показывает, что на этом этапе Газнавиды не уделяли Сельджукам значимое внимание. Хотя посольства аббасидского халифа, караханидского хана и других правителей принимались двором Масъуда Газнави торжественно, посольства Сельджуков в рассматриваемый период истории принимались без торжеств, как послы вассалов. Именно этим можно объяснить факт, что в большинстве случаев посредником между Сельджуками и Масъудом Газнави выступает его визирь. Наверняка сам Масъуд Газнави не хотел разговаривать с Сельджуками на равных. Но все же в общем обмен посольствами происходил в соответствии с требованиями той эпохи.

Нужно отдать должное Сельджукам, так как при дипломатических сношениях они не раз вводили Газнавидов в заблуждение и, получив временное пространство, вновь заявляли о себе как о суверенных лидерах. В рассматриваемый период истории они еще не владели грандиозными дворцами и не придерживались слаженной системы дворцового этикета. Но изложенный материал доказывает, что они с самого начала ведения дипломатических сношений привлекали для оказания этих услуг оседлых аристократов, знатоков правил ведения переговоров.

ЛИТЕРАТУРА

1.Агаджанов, С.Г. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI-XII вв//С.Г. Агаджанов. –Москва: Наука, 1991. -303 с.
2.Байхаки, А. История Масъуда: издание 2-е, дополненное//А. Байхаки. -Москва: Наука, 1969. -1009 с.
3.Байҳақӣ, А. Таърихи Байҳақӣ: таҳияи матн, муаллифи муқаддима, ҳавошӣ ва феҳристҳо Сайфуллоҳи Муллоҷон. –Душанбе: Бухоро, 2014. 774 с.
4.Байҳақӣ, А. Таърихи Байҳақӣ: тасҳеҳи Алиакбари Фаёз. –Машҳад: Донишгоҳи Фирдавсии Машҳад, 1383. -814 с.
5.Бейхаки, Абулфазл. История Масъуда: вступительная статья, перевод и примечания А.К. Арендса//А. Бейхаки. –Ташкент: Изд. АН Узбекской ССР, 1962. -748 с.
6.Извлечения из «Таърихи Бейхаки» Абул-Фазля Бейхаки, по изданию Морлея//Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. Москва; Л.: Изд. АН СССР, 1939. –С. 234-308.
7.Извлечения из «Раузат-ус-сафа» Мирхонда//Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. Москва; Л.: Изд. АН СССР, 1939. –С. 450-468.
8.Извлечения из «ал-Камил фит-тарих» Ибн ал-Асира//Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. Москва; Л.: Изд. АН СССР, 1939. –С. 358-408.
9.Извлечения из «Зейн ал-ахбар» Гардизи//Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. Москва; Л.: Изд. АН СССР, 1939. –С. 227-233.
10.Муллоджанов, С. Тарихи Мас'уди Абулфазла Байхаки о Дехистане//С. Муллоджанов//Очерки истории и теории культуры таджикского народа. –Душанбе, 2010. С. 20-25.

БОЗТОБИ РАВАНДИ МАРҲАЛАИ АВВАЛИ РАВОБИТИ ДИПЛОМАТИИ ДАРБОРИ ҒАЗНАВИЁН БО САЛҶУҚИЁН ДАР АСАРИ АБУЛФАЗЛИ БАЙҲАҚӢ «ТАЪРИХИ МАСЪУДӢ»

Дар ин мақола муаллиф пеш аз ҳама, дар асоси рисолаи муаррих ва соҳибмансаби дарбори Ғазнавиён-Абулфазли Байҳақӣ раванди робитаҳои аввалияи дипломатии Ғазнавиён ва Салҷуқиёнро баррасӣ намудааст. Доираи замонии таҳқиқот солҳои 1035-1040, яъне даврае, ки Салҷуқиён дар Хуросон шурӯъ ба дунбол кардани сиёсати мустақилона аз Ғазнаро оғоз намуданд ва натиҷаи он ҷорӣ гардидани соҳибихтиёрии комили онҳо дар минтақа гардид, фаро мегирад. Муаллиф таҳлили муқоисавии ахбори Байҳақиро бо маълумоти дигар муаллифони асримиёнагӣ низ анҷом додааст. Муаллиф қайд менамояд, ки дар давраи баррасишаванда дарбори Ғазнавиён сафирони Салҷуқиро бе ҳеҷ гуна тантана қабул ва гусел мекард, зеро ки онҳоро бо худ баробар намедонистанд. Маҳз бо ҳамин сабаб миёнаравии вазири Ғазнавиён дар муносибат бо Салҷуқиён асоснок шудааст. Таъкид мешавад, ки дар равобити дипломатӣ Салҷуқиён на як бор Ғазнавиёнро гумроҳ кардаанд ва муаллиф дар муваффақиятҳои онҳо ба мушорикати хадамоти ашрофи маҳаллӣ барои барқарории равобити дипломатӣ ишора мекунад.

Калидвожаҳо: *робитаҳои дипломатӣ, Абулфазли Байҳақӣ, Ғазнавиён, Салҷуқиён, сафорат, одоби муошират, шартнома.*

ОТРАЖЕНИЕ ПОРЯДКА ПРОВЕДЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СНОШЕНИЙ ДВОРА ГАЗНАВИДОВ С СЕЛЬДЖУКАМИ НА РАННИХ ЭТАПАХ В ТРУДЕ АБУЛФАЗЛА БАЙХАКИ «ИСТОРИЯ МАСЪУДА»

На основе прежде всего труда историка и чиновника двора эпохи Газнавидов Абулфазла Байхаки рассмотрен порядок ранних дипломатических сношений Газнавидов с

Сельджуками. Хронологические рамки исследования охватывают 1035-1040 гг., в период которых Сельджуки начали проводить в Хорасане независимую политику от Газны, результатом которой явилось утверждение их полного суверенитета над этим регионом. Также проводится сопоставительный анализ данных Байхаки с другими средневековыми авторами. Констатируется, что двор Газнавидов в рассматриваемый период истории принимал и провожал послов Сельджуков без всяких торжеств, так как их не считали равными эмиру. Этим объясняется тот факт, что посредником между Газнавидами и Сельджуками выступал великий визирь. Подчеркивается, что в дипломатических сношениях Сельджуки не раз вводили Газнавидов в заблуждение, и их успех объясняется с тем, что они привлекали оседлых аристократов для ведения дипломатических сношений.

Ключевые слова: *дипломатические сношения, Абулфазл Байхаки, Газнавиды, Сельджуки, посольства, правила приличия, договор.*

REFLECTION OF DIPLOMATIC RELATIONS ORDER OF GAZNAVID COURT WITH SELJUKS REFERRING TO THEIR EARLY STAGES IN THE HISTORICAL ENTITLED AS «THE HISTORY OF MASUD» BY ABULFAZL BAYHAQI

Designing on the premise of the primarily historical production belonging to the pen of a historian and official who worked for Ghaznavids court Abulfazl Bayhaqi, the author of the article carries out the early diplomatic relations order between Ghaznavids and Seljuks. The chronological framework of the exploration contains 1035-1040 during Seljuks began to pursue an independent policy in Khorasan from Ghazna resulted the sovereignty in their full assertion upon the relevant region. Into the bargain, the author of the article conducts a comparative analysis beset with Bayhaqi`s data with other medieval authors. It is underscored that Ghaznavids court appertaining to the period under consideration received and saw off Seljuk ambassadors without any celebrations, since they were not considered equal to the Emir. It is a testimony of the fact that great vizier acted as an intermediary between Ghaznavids and Seljuks. The author of the article lays an emphasis upon the idea that in diplomatic relations Seljuks misled Ghaznavids more than once, and their success is explained by the fact that they attracted settled aristocrats to conduct the relevant process.

Key words: *diplomatic relations, Abulfazl Bayhaki, Ghaznavids, Seljuks, embassies, decorum rules, treaty.*

Сведения об авторе:

Хусенов Фаррух Рахимович-к.и.н., соискатель отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им А. Дониша НАНТ. Адрес: 735700, Республика Таджикистан, город Душанбе, ул. акад. Раджабовых, 9. E-mail: Farrukh_2522@mail.ru

Information about the author:

Husenov Farrukh Rakhimovich - candidate of historical sciences, claimant for candidate degree of the department of ancient, medieval and modern history attached to the Institute of History, Archeology and Ethnography named after A. Donish under the National Academy of Science. Address: 735700, Tajikistan Republic, Dushanbe-city, street. acad. Radjabov, 9. E-mail: farrukh_2522@mail.ru

УДК-9 (575)+(47)+9 (575.3) (092)

ВКЛАД ХАЙДАРШО ПИРУМШОЕВА В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ЗАВОЕВАНИЯ И ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

НАЗАРОВ Ф. А.,
Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша

В результате завоевания Средней Азии российской империей прослеживалось колоссальное изменение в жизни среднеазиатских народов. Этот особо важный этап истории Средней Азии уже давно интересует дореволюционных, советских и постсоветских историков. Огромное количество научных трудов освещает почти все стороны данного периода. Несмотря на громадный вклад историков в изучение истории средней азии во второй половине XIX-начале XX вв., многие из этих трудов требуют обновления, многие из них на сегодняшнем уровне развития исторической науки, и в частности историографии, подлежат дискуссии. На сегодняшний день в изучении истории данного периода также по-прежнему существует множество нюансов.

В изучении данных проблем без преувеличения великолепная, профессиональная школа советского периода воспитала много профессиональных историков, которые стали известными в современной отечественной и постсоветской исторической науке.

Среди них особо выделяется профессор Хайдаршо Пирумшоев, труды которого являются определяющим направлением, новым методом в исторических и историографических исследованиях нового поколения учёных. Нельзя не считаться с его зрелыми взглядами, высказываниями, выводами, которые впитывали опыт советской исторической науки.

Огромное количество трудов Х. Пирумшоева освещает историю второй половины XIX-начала XX вв. В них исследованы основные актуальные, дискуссионные компоненты проблемы завоевания средней азии российской империей: торгово-политические отношения средней азии с российской империей; причины вторжения российской империи в среднюю азию; освещение политического положения городов и населённых пунктов средней азии до, в период и после завоевания российской империей; дипломатические и экономические отношения среднеазиатских государств, административных делений и отдельных владений с российской империей накануне, в период и после завоевания; противостояние крупных держав как российская империя и великобритания в средней азии; политика и административное управление российской империей на завоеванных и присоединённых территориях за счет

средней азии; деятельность общественных организаций; последствия завоевания средней азии российской империей и др.

Среди вышесказанных проблем первостепенной является предпосылка завоевательной политики россии в средней азии. В целом по изучению истории русско-среднеазиатских торгово-политических отношений до нападения российской империи на среднюю азию в историографии таджикистана опубликовано не так много трудов. Изучение данного вопроса еще в 40-ые годы прошлого столетия началось в рамках исследования советскими таджикскими историками. Если в трудах б. Гафурова [2;3] ход событий до нападения русских войск описывается бегло, то уже в последующих исследованиях постепенно дополняются новыми материалами. Специальное исследование по данному вопросу с обобщающим анализом дореволюционного наследия появилось несколько позже, и этот труд принадлежит Х. Пирумшоеву [7]. В своей докторской диссертации автор более детально и многосторонне исследовал русско-среднеазиатские отношения, открывая их влияние на экономическое и политическое положение края. Исследование ценно еще обширной материальной базой.

Что касается русско-среднеазиатских отношений, которые имели существенное влияние на положение средней азии до нападения русских, то российская империя еще со времен Петра I имела планы завоевания средней азии. Еще тогда она предприняла безуспешную попытку завоевания этого края (поход князья бековича-черкасского), затем и следующий неудачный поход в 1839-1840 годы. Эта проблема довольно подробно изучена в трудах автора.

Х. Пирумшоевым освещены отношения средней азии с россией с древних времен до дореволюционного периода, но более подробнее изучены дипломатические отношения в период правления петра первого. В его книге военный поход бековича-черкасского показан не как торгово-дипломатическая миссия, а как военная.Описывая торгово-дипломатические отношения, он приводит общую картину отношений россии и средней азии, а в освещении отношений россии со средней азии накануне завоевания применяет новую концепцию исследований без использования советской методологии.

Среднеазиатско-российские торгово-дипломатические отношения со второй половины XVIII до первой половины XIX вв. Освещаются также в солидном объёме в коллективном труде «история таджикского народа» (том IV) [4], ответственным редактором которого, был Х. Пирумшоев, большой знаток данной тематики.

Труды х.пирумшоева также ценны расширенным исследованием российской торгово-дипломатической миссии в средней азии и послов среднеазиатских ханств в России накануне вторжения российской империи в среднюю азию.

В другой статье Х. Пирумшоев приводит статистику русско-среднеазиатской торговли за три года до военного вторжения россии в среднюю азию. Основываясь на данные, автор полагает, что несмотря на

ухудшение политических отношений среднеазиатских ханств с российской империей, с усилением силового давления и великодержавных притязаний к ханствам, «нельзя в этой связи не отметить и тот бесспорный факт, что к началу вторжения средняя азия уже была превращена, в полном смысле слова, в сырьевой придаток и рынок сбыта российской империи, вступившей фактически и официально на капиталистический путь развития» [18,16-27].

Русско-бухарские отношения накануне завоевания средней азии российской империей исследовано Х. Пирумшоевым в отдельной статье, в которой раскрываются ранее не рассмотренные стороны вопроса. «даже неудачные и в целом трагические исходы экспедиции бековича-черкасского (1717 г.) И военного похода перовского (1839 г.) В хиву, – пишет автор, – не могли существенно изменить дружеские отношения» [19, 241]. Автор полагает, что с увеличением мощи политика россии по отношению к средней азии приобретает военный и силовой характер. «россию устраивало ухудшение отношений, чтобы найти повод для своих всё возрастающих претензий к среднеазиатским ханствам» [19, 242].

Как полагает автор, дипломатические миссии российской империи имели больше военно-разведывательный и научный характер этого изолированного и малоизученного региона, чем дипломатический. В статье автора русско-средне-азиатские отношения подвергаются всестороннему анализу.

В исследованиях Х. Пирумшоева особое внимание уделено политическому положению восточной бухары и ее городов во второй половине XIX - начале XX вв.

Общая характеристика города Калаи-хумба – столицы дарваза – приводится х. Пирумшоевым в статье [9], в которой встречаются интересные исторические факты из торговой и политической жизни города позднесредневекового периода.

В следующей статье Х. Пирумшоев [11] в историографическом ключе анализирует город душанбе и его участие в политических событиях конца xix в., приводит интересные факты о названии города и его положении в ранний и поздний периоды. В этой статье автор рассматривает завоевание душанбе бухарским эмиратом при поддержке российской империи.

Политическое и социально-экономическое положение, административное управление города куляб во второй половине XIX–начале XX вв. Исследуется в другой статье Х. Пирумшоева [14]. В ней автор показывает не только крайне сложные условия жизни и бесправность бедных, произвол чиновников, но и развитие торговли и ремесла на основе материалов дореволюционной литературы. В своих выводах автор особо подчеркивает большое значение города в экономической и политической жизни восточной бухары.

Более подробное политическое и социально-экономическое положение дарваза с окрестностями исследовано Х. Пирумшоев в его монографии [16], в которой особое внимание уделено периоду после захвата региона бухарским эмиратом.

В очередной статье Х. Пирумшоева [21] собраны данные по политической, социально-экономической жизни гиссара во второй половине XIX – начале XX вв. Автор собрал все достижения дореволюционных исследователей по истории города гиссар данного периода. Также в статье приводится ясная картина военного захвата гиссара бухарским эмиратом, предпосылки завоевания и влияния российской империи в изменение политического положения в гиссаре.

Особое внимание в трудах Х. Пирумшоева уделено изучению истории памира во второй половине XIX в. В одной из его статей [13] освещается политическое положение памира и влияние русского пограничного отряда на политические события на памире. Автор показывает дружеские отношения памирского отряда с местным населением. Интересным в статье является то, что автор рассматривает дискуссионный вопрос среди историков по поводу названия памира. Помимо этого, автор показывает российскую политику на памире в противостоянии с англией.

В изучении проблемы памира фундаментальные аналитические исследования приведены в трудах Х. Пирумшоева «памир в первой половине XIX - начале XX вв.» и «Россия-Таджикистан: история взаимоотношений» [13, 17]. В них на основе богатого фактического материала и с концептуальным отношением с позиции принципов историзма прослеживается весь спектр проблем, так или иначе имеющих отношение к данной проблематике.

Несмотря на критические издержки касательно: а) колониальной политики заинтересованных держав на Памире; б) непоследовательности и нерешительности русского царизма в определении своей политики на Памире; в) неуверенности русской дипломатии в требовании установления власти империи на естественных границах Памира; г) несправедливости искусственного разделения бывших независимых и полунезависимых владений амударьи (пянджа), передачи левобережной части их территории афганистану, все же нельзя не видеть судьбоносные для горных таджиков итоги присоединения Памира к России.

Суммируя умозаключения Х. Пирумшоева, можно сказать, что в его взглядах превалирует концепция «добровольного вхождения» и «наименьшего зла», поскольку его выводы свелись к следующему:

А) в результате российской политики памир был спасён от колонизаторского угнетения великобритании;

Б) народы, населявшие западный памир и по воле судьбы, вернее, по причине столкновения интересов двух колониальных держав, оказавшиеся под игом афганских властей за более чем десятилетия и испытавшие все ужасы невольничьей жизни, были освобождены;

В) прекращение междоусобицы и присоединение фактически избавило жителей от беспрерывно продолжавшейся феодальной междоусобицы, частых захватнических нападений более крупных соседних владений;

Г) разграничение и создание новой административной структуры

управления позволило восстановить тесную традиционную экономическую и культурную связь со своими собратьями – таджиками бухарского эмирата и туркестанского генерал-губернаторства;

Д) Памир был втянут в орбиту социально-экономической и культурной жизни многонациональной Российской империи;

Е) созданием памирского пограничного отряда сложились новые, более прогрессивные взаимоотношения между местным населением и русскими пограничными службами;

Ж) присоединение Памира к России предоставило русским ученым широкую возможность более основательно приступить к изучению истории, этнографии, лингвистики, фольклора, горных богатств, географии, а также природно-клима-тических условий Памира.

З) происходившие общественно-политические перемены, перераставшие в будущем в мощное освободительное и революционное движение и приведшие в итоге к победе октябрьской революции, способствовали возрождению таджикской государственности, составной частью которой стала и Горно-Бадахшанская Автономная Область.

С разрушением советской идеологической рамки, казалось бы, открываются пространства для объективного изучения и оценки событий учеными. Но возникли другие проблемы. Например, национально-государственные рамки, которые заставляют исследователей постсоветского пространства к расхождению мнений. Сегодня имеющие общую историю среднеазиатские народы и русские начали отбирать «своё» от исторических событий, учитывая интересы своего народа. Этот процесс, хотим мы этого или нет, приведёт к фальсификации, искажению и к необъективности анализов. Из такого тупикового положения или кризиса можно выйти совместными усилиями.

В 2004 году Х. Пирумшоев [12], выступая на научной конференции, призывал исследователей центрально-азиатского региона к сотрудничеству в изучении истории центральной азии. Ученый предложил решать все возникающие проблемы и расхождения мнений по определённым проблемам в исследованиях посредством проведения научных конференций, семинаров и форумов. Следует отметить, этот призыв является своевременным и в изучении истории колониального периода.

Итак, по поводу изучения исторической науки Х. Пирумшоев отмечает, что постсоветские исследователи, особенно учёные центрально-азиатского региона, должны сотрудничать на площадках конференций, форумов и других научных мероприятий. В частности, автор пишет: «споры между учёными всегда были и будут. Это естественный процесс в любой науке. Важно, чтобы мы всегда стремились исходить из принципа взаимного уважения, аргументированности выводов, избегания предвзятости, абсолютизации своих исторических достижений в ущерб другим. Пока симптомы таких недугов в нашей историографии более чем заметны». Такими призывами автор выступал

на многих конференциях и симпозиумах.

Дискуссия по вышесказанному вопросу продолжается в статье х. Пирумшоева [19,32-39], в которой проведен общий анализ текущего положения среднеазиатской исторической науки, с указанием на противоречивость всего исторического, в том числе и по исследуемому нами периоду. Автор замечает, что разобщенность способствует отчуждению и вовлечет к печальным последствиям для народов и государств региона и россии, если не предпринять общие координированные действия.

Роль русского географического общества в историческом и географическом исследовании территории таджикистана раскрывается в другой статье Х. Пирумшоева [15]. Автор показывает систематическое изучение данной территории русскими исследователями общества, уделяя особое внимание крупным трудам. Следует отметить, что деятельность данного научного общества активизировалась под действием политики Российской империи в Средней Азии.

В трудах профессора Х. Пирумшоева широко освещаются заслуги русских дореволюционных исследователей, но и замечает в их действии стремление показать процесс, приводивший к вхождению средней азии в состав российской империи, как благородное действие развитого мира по отношению к отсталым народам, с намерением приобщить их к мировой цивилизации, хотя этим и красиво завернули империалистическую политику и захватническое желание правящих кругов. Советские же историки период вхождения считали положительным для средней азии, исходя из того, что этот процесс в дальнейшем приведет к приобщению народов региона к революционному движению россии, а вслед и образованию единого советского государства. Но при этом, политику российской империи они считали реакционной. «как в русской дореволюционной, так и в советской историографии, история завоевания средней азии российской империей получила поверхностное, противоречивое суждение…» [19, 35-36].

Объём научных трудов, касающихся событий второй половины XIX - начала XX вв., намного превышает остальные периоды истории. Но всё ещё много проблем, вопросов, ожидающих освещения по данному периоду.

«как видно, в соответствии с восприятиями авторов их приверженность к тем или иным методологическим направлениям ощущается контраст противоречий как в содержании, действий россии в отношении средней азии, так и в определении названия терминологии этих действий. Не случайно в исторической науке касательно этой проблемы утвердились следующие употребления: завоевание средней азии россией; присоединение средней азии к россии; добровольное присоединение; экспансия средней азии; колониальный захват туркестана или средней азии; колонизация края и прочие.

Настало время окончательно определиться и назвать события теми именами, которые они заслуживают или вытекают из общей логики и объективности происходящих событий» [12, 36].

Профессор Х. Пирумшоев осуждает чрезмерную критику капиталистического строя, в котором исследователи увидели очаг зла. В решении этого вопроса автор предлагает пересмотр таких радикальных взглядов и разработку новых подходов, так как прежние методы касательно капиталистического общества или строя сильно устарели.

Также, по мнению Х. Пирумшоева, подлежит пересмотру вопрос возникновения национального самосознания, который является неоднозначным. С точки зрения предпосылок образования национальных среднеазиатских государств, этот вопрос требует определённого внимания учёных.

В рамках изучения проблемы завоевания средней азии автор считает, что деятельность общественных организаций, в частности, в джадидизме и движении младобухарцев, немало вопросов, однозначного ответа которым нет. Но решение этих проблем автор считает вопросом времени, потому что в период независимости все стороны вышесказанных движений постепенно освещаются. Например, в исследованиях и. А. Мамадалиева, Н. Гаффорова, Н. Убайдуллоева и др. [5; 1; 22].

При оценке вхождения средней азии в состав российской империи в трудах Х. Пирумшоева превалирует термин «присоединение», чем «завоевание». Невозможно в рамках данной статьи определить значение и вклад трудов Х. Пирумшоева. Объем, обширный захват проблематики, концептуальные методы исследования автора требуют более детального исследования. Следует отметить большой вклад этого ученого по подготовке профессиональных исследователей по истории средней азии XIX– начала XX вв.

ЛИТЕРАТУРА

1.Гафаров Н. История культурно-просветительской деятельности джадидов в бухарском эмирате//Н. Гафаров. –Худжанд, 2000. –176 с.
2.Гафуров Б.Г. История таджикского народа в кратком изложении//Б.Г. Гафуров. –Сталинабад, 1949. –476 с.
3.Гафуров Б.Г. История таджикского народа в кратком изложении. 2-е издание//Б.Г. Гафуров. – М., 1952. –509 с.
4.История таджикского народа. Т. IV. Позднее средневековье и новое время (XVI в. – 1917 г.)//под общей редакцией академика Р.М. Масова. Душанбе. 2010. –С. 402-476 (1124 с).
5.Мамадалиев И.А. Россия и Средняя Азия: особенности колониально-администра-тивной системы управления во второй половине XIX-начале XX вв. –Худжанд: Ношир, 2013. –400 с.
6.Пирумшоев Х. Русские дореволюционные исследователи о городах восточной бухары конца XIX-начала XX вв//Х. Пирумшоев. –Душанбе: Дониш, 1992. –128 с.
7.Пирумшоев Х. Российско-Среднеазиатские отношения с XVI до середины XIX вв. В русской историографии: автореф. Дис. док. истор. наук: 07.00.09//Х. Пирумшоев. –Душан-бе, 1996. – 51 с.
8.Пирумшоев Х. Горный Бадахшан и русский Памирский пограничный отряд в конце XIX-начале XX веков//Х. Пирумшоев//Россия в исторических судьбах таджикского народа. – Душанбе: Шарки озод, 1998. –С. 110-126.

9.Пирумшоев Х. Калаи-Хумб - столица позднесредневекового Дарваза//Мероси ниёгон (Наследие предков). –1999. -№4. –С. 55-61.
10.Пирумшоев Х. Российско-Среднеазиатские отношения XVI - середины XIX веков в русской историографии. –Душанбе: Маориф, 2000. –335 с.
11.Пирумшоев Х. Первые письменные свидетельства о Душанбе, -Мероси ниёгон (Наследие предков). –2004. –№7. –С. 8-15.
12.Пирумшоев Х. О необходимости сотрудничества учёных в изучении истории Центральной Азии//Новая история Центральной Азии. Переоценка истории, современные проблемы и подходы (Материалы Международной научной региональной конференции 13-14 сентября 2004). –Ташкент, 2004. –С.119-126.
13.Пирумшоев, Х. Памир в первой половине XIX начале XX вв//Х. Пирумшоев //История Горно-Бадахшанской Автономной Области. Т.1. –Душанбе: Пайванд, 2005. –С. 282-378.
14.Пирумшоев Х. Город Куляб в конце XIX-начале XX вв//Из истории древнего Куляба. –Душанбе, 2006. –С.128-154.
15.Пирумшоев Х. Вклад русского географического общества в историко-этнографическое изучение Таджикистана//Вклад русского географического общества в исследование Средней Азии (Материалы научно-практической конференции). –Душанбе, 2006. –С.36-43.
16.Пирумшоев, Ҳ. Дарвоз (аз қадим то замони муосир)//Ҳ.Пирумшоев. –Душанбе: Ирфон, 2008. –704 с.
17.Пирумшоев Х., Маликов М. Россия – Таджикистан: история взаимоотношений. – Душанбе: РТСУ, 2009. –С.365-366.
18.Пирумшоев Х. Российско-бухарские отношения накануне присоединения Средней Азии к России//Россия – Таджикистан: исторический опыт взаимоотношений. Материалы международной научно-теоретической конференции, посвященной 140-летию подписания русско-бухарского договора в 1868 году. 31 октября 2008. –Душанбе: РТСУ, 2009. –С. 16-29.
19.Пирумшоев Х. Концептуальные вопросы истории и историографии таджикского народа (сборник статей) часть 1. –Душанбе, 2014. –528 с.
20.Пирумшоев Х. О необходимости сотрудничества учёных в изучении истории Центральной Азии//Концептуальные вопросы истории и историографии таджикского народа. –Душанбе, 2014. -С. 36.
21.Пирумшоев, Х. Город Гиссар в конце XIX-начале XX вв. (по материалам русских исследователей)//Научный журнал «Историк», №2. –Душанбе, 2015. -С. 21-35.
22.Убайдуллоев Н.К. История народного образования Таджикистана второй половины XIX-XX вв//Душанбе: «Ирфон», 2005. –176 с.

ВКЛАД ХАЙДАРШО ПИРУМШОЕВА В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ЗАВОЕВАНИЯ И ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье в историографическом ключе анализируются труды Х. Пирумшоева по торгово-дипломатическим отношениям средней азии с россией, культурные и экономические изменения, политическое положение края в XIX – начале XX вв. Особенное внимание уделено концептуальным взглядам Х. Пирумшоева по дискуссионным проблемам завоевания Средней Азии Российской империей.

При оценке вхождения Средней Азии в состав Российской империи в трудах Х. Пирумшоева превалирует термин «присоединение», чем «завоевание».

В трудах ученого уделено особое внимание изучению истории Памира во второй половине XIX в. Автор освещает политическое положение Памира и влияние русского пограничного отряда на политические события в этом

регионе.

Последние демократические процессы советского государства, которые оставили определенные отпечатки в исторической науке, образование независимых государств на руинах советского союза и неспокойные нулевые годы требовали новые методы и методологию исторического познания, которые во многом находили свое решение в трудах Х. Пирумшоева касательно событий второй половины XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: *Х. Пирумшоев, торговля, дипломатия, историография, завоевание, Средняя Азия, Российская империя, Памир.*

САҲМИ ҲАЙДАРШО ПИРУМШОЕВ ДАР ОМӮЗИШИ ТАЪРИХИ ИШҒОЛ ВА ҲАМРОҲШАВИИ ОСИЁИ МИЁНА БА ИМПЕРИЯИ РОССИЯ ДАР НИМАИ ДУЮМИ АСРИ XIX - ИБТИДОИ АСРИ XX

Дар мақола осори профессор Ҳайдаршо Пирумшоев дар заминаи равобити тиҷоратӣ ва дипломатӣ байни Осиёи Миёна ва Россия, тағйироти фарҳангӣ ва иқтисодӣ, вазъи сиёсии минтақа дар асри XIX-ибтидои асри XX аз лиҳози таърихнигорӣ таҳлил шудааст. Таваҷҷуҳи хос ба дидгоҳҳои мафҳумии Ҳ. Пирумшоев дар мавриди масоили қобили баҳси фатҳи Осиёи Миёна аз ҷониби империяи Россия дода мешавад.

Ҳангоми арзёбии ҳамроҳшавии Осиёи Миёна ба ҳайати императории Россия дар осори профессор Ҳайдаршо Пирумшоев истилоҳи «ҳамроҳшавӣ» нисбат ба «ишғол» афзалият дорад.

Дар осори олим таваҷҷуҳ ба омӯзиши вижае ба таҳқиқи таърихи Помир дар нимаи дувуми асри XIX арзёбӣ шудааст. Муаллиф вазъияти сиёсии Помир ва таъсири дастаи марзбонии Россия ба рӯйдодҳои сиёсӣ дар ин минтақаро тасвир мекунад.

Равандҳои охирини демократии давлати Шӯравӣ, ки осори хосе дар илми таърих ба ҷо гузоштанд, ташкили давлатҳои мустақил дар харобаҳои Иттиҳоди Шӯравӣ ва солҳои пурталотум усулҳо ва методологияҳои нави дониши таърихиро тақозо мекарданд, ки то ҳадди зиёде ҳалли худро дар асарҳои доктори илмҳои таърих, профессор Ҳайдаршо Пирумшоев оид ба ҳодисаи нимаи дуюми асри XIX ва ибтидои асри XX ёфтаанд.

Калидвожаҳо: *Ҳ. Пирумшоев, тиҷорат, дипломатия, таърихнигорӣ, ҳамроҳшавӣ, ишғол, Осиёи Миёна, империяи Россия, Помир.*

H. PIRUMSHOYEV'S CONTRIBUTION TO THE STUDY OF HISTORY CONQUEST AND UNION OF CENTRAL ASIA TO THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE XIX - BEGINNING OF XX CENTURIES

The article in a historiographic vein analyzes the works of kh. Pirumshoev on trade and diplomatic relations of Central Asia with Russia, cultural and economic changes, the political situation of the region in the 19 th - early 20 th centuries. Particular attention is paid to the conceptual views of H. Pirumshoev on the controversial problems of the conquest of Central Asia by the Russian empire.

The last democratic processes of the soviet state, which left certain imprints in historical science and the restless zero years, in the wake of the formation of independent

states on the ruins of the soviet union, requiring new methods and methodology of historical knowledge, are largely found their solution in the works of H. Pirumshoev regarding the event in the second half of the XIX - early XX centuries.

Key words: *Pirumshoev KH., trade, diplomacy, historiography, conquest, Central Asia, Russian empire, Pamir.*

Сведение об авторе:

Назаров Фахриддин Алланазарович-соискатель отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ. Адрес: Республика Таджикистан, Душанбе, проспект Рудаки, 33. Телефон: (+992) 928004597. E-mail: nfakhriddin@list.ru

About the author:

Nazarov Fakhriddin Allanazarovich-an aspirant of the ancient department, medieval and modern history Institute of history, archeology and ethnography them. A. Donisha national science academy. E-mail mail: nfakhriddin@list.ru тel. (+992) 928004597. E-mail: nfakhriddin@list.ru

УДК: 091

КАШФИ АСАРИ НАВЕ АЗ АҲМАДИ ДОНИШ[10]

МЕЛИКИЁН ЭРАҶИ БАҲРОМЗОД

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши

Барои омӯзиши осори навиштории ниёгони мо, бештар аз як қарн аст, ки муҳаққиқону донишпажӯҳони ватаниву хориҷӣ дар талошанд, то онҳоро барои ҷомеаҳои илмиву оммавӣ муаррифӣ намоянд. Аммо ҳанӯз мо дақиқ намедонем, ки то куҷо ин осор таҳқиқ шудаанд ва чи миқдори дигаре ниёзманди ковишу баррасӣ ҳастанд. Агар маҷмуи теъдоди китобҳои дастнависи форсӣ-тоҷикӣ дар ҳудуди Осиёи Миёна, сарфи назар аз маҷмуаҳои шахсӣ, ба ҳисоби миёна 30 ҳазорро фаро гиранд [8-12, 9, 10], гумон меравад ниме аз онҳо ҳанӯз таҳқиқу тарҷума нашуда, мавриди истифода қарор нагирифтаанд.

Яке аз шахсиятҳое, ки ҳанӯз дастнависҳои ӯ аз гӯшаҳои китобхонаҳо ва маҷмуаҳои шахсии афроди илмдӯст пайдо мегардад, Аҳмад Махдуми Дониш (1827-1897) аст. Солҳои ахир намунаҳое аз баргахои хушнависишудаи ӯ пайдо гардиданд, ки гурӯҳеро ба фикри омӯзиши паҳлӯи ҳунарии Аҳмади Дониш, ҳамчун ҳунарманди хушнавис во дошт [2]. Ҳамчунин миёни дастнависҳои нодир «Девон»-и ин шахсият ёфт шуд, ки ҷамъе яқин ҳосил намуданд, ки ӯ ҳақиқатан дар баробари маорифпарвар, мунаҷҷим, муҳандис, мусаввир, табиб ва ғайра будан, шоири тавонманде низ будааст [3]. Инак, рисолаи хурди дигаре мансуб ба ӯ аз маҷмуаи шахсии таърихпажуҳ Темурзода Бахтовар пайдо

---

[10] Мақола дар асоси лоиҳаи «Таърих ва назарияи санъати халқи тоҷик» (барои солҳои 2021-2025), рақами қайди давлатӣ 01011TJ0454 навишта шудааст.

гардид, ки нишоне бар андешаҳои тиббӣ, ахлоқӣ, мазҳабӣ ва фалсафии ӯ аст ва шояд тавонад баёнгари давраи хоссе аз зиндагии ӯ низ бошад. Муаллифи ин мақола бо мутолиаи комили ин нусха, бо рисолаи мазкур мувоҷеҳ шуд.

Аҳмади Дониш асари худ «Канзу-р-румуз» (яъне -ганҷи розҳо)-ро номидааст, ки он матни кӯтоҳест, ки шомили даҳ фасл буда, ҳар фасл ба чанд банд ҷудо мешавад. Худи рисола дар дохили китобе қарор дорад, ки шомили рисолаву матнҳои дигари орифона монанди «Анвори ҳикмат», матнҳое роҷеъ ба тарзи салтанату фармонравоӣ, монанди «Қонуни адолат», матнҳое бо муҳтавиёти фалсафӣ, монанди «Васоёи Афлотун», матнҳои тарбиятӣ, ҳакимона ва насиҳатии унвондор, монанди «Туҳфату-л-вузаро» ва бидуни унвон ва чанде рубоиву шеър аст. Матнҳои китоб мутааллиқ ба муаллифоне монанди Аҳмад Сиддиқии Бухорӣ (Дониш), шоир ва донишманд Насируддин Муҳаққиқи Тӯсӣ ва файласуф Афлотун мебошанд, ки тақрибан тамоми матнҳо бознависӣ ё нусхабардорӣ шудаанд. Номи нусхабардороне монанди Мирзо Абдулфаттоҳи Маҳдихон ва Муллохоҷа Лаввоҳу Қолиб дар китоб сабт шудааст.

Ҳамчунин мушаххас нест, ки бархе матнҳоро чи касе бознависӣ кардааст ва марбут ба кадом муаллиф аст.

Рисолае, ки бо унвони «Канзу-р-румуз» ва муаллифи он Аҳмад ас-Сидиқӣ ал-Бухорӣ бошад, дар ҳеҷ як аз осори муосир ва асри XIX, дар ҳудуди Осиёи Миёна ёде аз чунин рисола нашуда ва ё худи он пайдо нагардида буд. Ҳамчунин номи муаллифи ин рисола, ки қатъан ишора ба Аҳмади Дониш дорад, дар он маводе, ки шомили дастхатҳову адабиёти муътабар мебошад ва ман онҳоро баррасӣ намудаам, вуҷуд надорад.

Андозаи китоби мазкур ҳудудан 10х20 см. аст, ки ин навъи андозаҳоро дар ҳунари китоборой истилоҳан «қатъи руқъӣ» (ё баёз низ) мегӯянд, ки маъмулан муҳтавои онҳо аз шеъру достон иборат буда, барои омма дар назар гирифта шудаанд. Ҷилди китоб картонӣ аст ва рӯйи он бо муқоваи қаҳваие, ки тарҳи хатча-хатчаи сиёҳ дорад, пӯшонида шудааст. Навъи баргаҳо низ пӯсткоғази (пергамент) хуқандӣ буда, бофту дуруштиашон гуногунанд.

Китоб маҷмуе аз рисолоту матнҳоеро дар бар дорад, ки сабки хатти онҳо настаълиқ буда, нақшу тасвирҳо ва тарҳҳои баргаҳо бо ҳам фарқ мекунанд. Таърихи нигориши ҳар матн бо солшумории ҳиҷрии қамарӣ буда, солҳои нигоришашон мухталиф аст. Тафовутҳо миёни коғазҳо, ҳусни хатҳо ва солҳои офаридани асарҳо баёнгарӣ он аст, ки маҷмуи матнҳо гирдоварӣ шуда, дар шакли китоб сохта шудаанд ва ин нусха мансуб ба як нафар муаллиф ва ё нусхабардор (бознавис) нест. Дар ҳеҷ ҷойи китоб мушаххасоти гирдоварандаи он ва ё соли гирдоварии китоб сабт нашудааст. Қадимтарин соле, ки дар он дарҷ шудааст, 919 ҳ. - 1513 м. буда, тозатарини он мутааллиқ ба 1345 ҳ. -1926 м. мебошад.

Аз тарафе ба сабаби он, ки дар ороиши китоб ҳунари тазҳиб, ташъир, ҷадвалкашӣ ва тасвиргарӣ тақрибан яксон ва мушобеҳи ҳам иҷро шудааст, метавон ҳадс зад, ки китоби мазкурро як нафар китобсоз гирдоварӣ карда, дар тӯли чанд моҳ ва ё соле таҳия намуда бошад. Ҳамчунин ба далели ин, ки

андозаи баргаҳои китоб ва ҷадвалкашии онҳо тақрибан дар як андоза аст, метавонад гувоҳи дигаре бар таксозанда (як нафар созанда ё муаллиф) будани он бошад.

Хушнавис Мирзо Абдулфаттоҳи Маҳдихон (ваф.1940), ки номаш дар саҳифаи аввали «Канзу-р-румуз» сабт шудааст, ҳамроҳи падари худ Маҳдихон Котиби Бухорӣ (Забёнӣ) аз гирдоварандагони осори хушнависӣ ва китобҳои муаллифони қадим ва ҳамзамони худ мебошанд. Маҳдихон худ аз шахсиятҳои сарватманде буда, дороии худро барои гирдоварии осори гузаштагон, бахусус, хушнависон харҷ кардааст. Ҳамон тавре ки М. Шарифов меорад: «Писари ӯ Абдулфаттоҳхон аз падари худ пайравӣ намуда, маҷмуаи гирдовардаи худро ба ‍таври қобили мулоҳизае такмил дод. Бояд дар назар дошт, ки аз қадимтарин осори хушнависоне монанди Миралии Ҳиравӣ, Султоналии Машҳадӣ, Миримоди Ҳасанӣ, Ёрӣ (Музаҳҳиб) ва дигарон, тавассути ӯ ва падараш Маҳдихон ҳифзу нигаҳдорӣ шудаанд» [1,34].

Бино ба далели ин, ки дар саҳифаи аввали китоби мазкур ва дар зери рубоии Аҳмади Дониш номи Абдулфаттоҳ (ҳамчун котиби он рубоӣ) ва падараш Маҳ-дихон сабт шудааст ва ҳамчунин тозатарин таърихи нигориши матни китоб мутааллиқ ба соли 1927 м. аст, метавон эҳтимоли дигаре дод, ки китоби мазкурро Абдулфаттоҳ ибни Маҳдихон дар охирҳои даҳаи 20 ё оғози 30-и асри XX гирдоварӣ ва китобат намудааст. Рубоии Аҳмади Дониш роҷеъ ба мусаввири беназир будани ӯ дар саҳифаи аввали китоб ва бо сабки настаълиқи дорои ҳуруфи бузург ва бо зикри ному тахаллусҳои ӯ чунин оварда шудааст: «Рубоӣ аз Аҳмад Махдум, уроқ, муҳандис, мунаҷҷим, мусаввир тахаллус ба Дониш.

Ин сеҳри аҷаб, к-аз қалам афтод маро,
Лутфи шаҳи аср кард устод маро.
Дар санъати тасвир назирам чун нест,
Дархур бошад, ки хони Беҳзод маро.

Машқаҳу Мирзо Абдулфаттоҳ ибни Маҳдихони Забёнӣ».

Нуктаи ҷолиби дигар ин аст, ки дар оғози рисола номи он «Канз-ур-румуз» оварда шудааст ва дар поёни рисола Аҳмади Дониш навиштааст, ки «Тамом шуд рисолаи шарифаи «Ҷомеату-р-румуз» бар дасти бандаи даргоҳ Аҳмад ас-Сидиқӣ ал-Бухорӣ 1277 ҳ.қ. (1861 м.). Яъне метавон гумони дигаре дошт, ки «Ҷомеат-ур-румуз» китоби ҷудогонае буда, «Канзу-р-румуз» шояд бахше аз он бошад. Ҳамчунин, агар ба номи ӯ таваҷҷуҳ кунем, мебинем, ки танҳо Аҳмад Сиддиқии Бухорӣ сабт шуда, тахаллусҳое монанди уроқ, муҳандис, мунаҷҷим ва ҳатто «Дониш» низ оварда нашудааст. Ин низ метавонад далеле бар дар синни ҷавонӣ навиштани рисолаи мазкур бошад, ки ҳанӯз дараҷоту унвонҳои дар боло зикршударо надошт.

Муаллифи ин мақола дар ҷараёни таҳқиқи рисолаи мазкур бо осори

шахсиятҳои таърихии дигаре, ки номи китоби худро «Канзу-р-румуз» ё «Румузи кунуз» номидаанд, мувоҷеҳ шуда онҳоро бо рисолаи Аҳмади Дониш муқоиса намуд.

«Канзу-р-румуз»-и ориф ва донишманд Ҳусейн Ғурии Ҳиравӣ машҳур ба Мирҳусейни Содот (вафот ҳудуди 1319-1339) рисолаест дар шакли назм. Муҳтавои ин рисола шомили мавзуоте монанди маърифату маънавият, ишқ, дини ислому усули он, нафс, руҳ, ақл ва ғайра аст, ки ҳар бахш ба таври нисбатан мухтасар нигориш ёфтааст ва шабоҳатҳое бо рисолаи Аҳмади Дониш дорад. Ҳамчунин муаллифи дигаре, ки асари ӯ «Румузи кунуз» унвон дорад, файласуфи илоҳиёт, фақеҳ, ориф, мунаҷҷим Ҳасан ибни Абдуллоҳ Табарии Омӯлӣ (1928-2021) аст. Рисолаи ӯ соли 1979 таҳия шудааст ва мавзуоти он дар қавоиди таксиру хавосси он, қавонини басти ҳуруфот, дар зикри истихроҷи асмои илоҳӣ ва асмои рӯҳонӣ аз аъмоли ҷафария ва ғайра. Дар он доир ба баёни илми ҷафар, ки аз ададҳову шаклҳои ҳандасӣ ва ҳарфҳо ба пурсишҳои инсонӣ посух дода мешавад, ба шакли назму наср тавзеҳоте ироа шудааст. Ин рисола тақрибан бо рисолаи «Канзу-р-румуз»-и Аҳмади Дониш қобили муқоиса нест.

Асари «Канзу-р-румуз» пас аз аввалин сафар ва бозгашти Аҳмади Дониш аз Санкт-Петербург, яъне дар соли 1861 (ки Аҳмади Дониш 33 сол дошт) таҳрир шудааст. Муҳтавиёти ин асар дар зеҳни фарди хонанда шояд симои як шахсияти мазҳабӣ ва ҳам каме хурофотиро ба вуҷуд оварад. Чунин манзара бар хилофи тасаввури аксарияти мо аст, ки Аҳмади Донишро бештар як шахсияти маорифпарвар, навфикр ва мутафаккиру шоир медонем. Чун доираи ҳарфҳову суҳбатҳое, ки роҷеъ ба ӯ мегӯянду менависанд, бештар атрофи хусусиёти мазкур будааст, ки марбут ба синҳои охири зиндагии ӯ ва давраи камолоташ аст. Аммо бояд пазируфт, ки Аҳмади Дониш бар асоси даврони мухталифи зиндагиаш тарзи тафаккураш низ гуногун буд. Фазое, ки ӯ дар он ба дунё омада буд, як фазои мазҳабӣ ва ҳамчунин хурофотӣ низ буд ва усулу қоидаҳои зиндагӣ бар асоси андешаҳои динӣ тарҳрезӣ шуда буд. Дар чунин шароит афроди ангӯштшуморе имкони раҳоӣ ёфтан аз андешаҳои маъмули якнавохти мазҳабии аксаран куҳнашударо доштанд.

Аҳмади Дониш аз синни хурдӣ ва навҷавонӣ аз тақлиду пайравии зоҳирии мавзуоти илмиву маънавӣ дурӣ карда, дунболи ботин, муқоисаи воқеияту ҳақиқат ва асли онҳо будааст. Ӯ бо вуҷуди тафаккуроти илмӣ ва фароилмӣ (фалсафа, ҳикмат, улуми ғариба ва ғ.) боварҳои устуворе нисбат ба дини ислом доштааст, ки ҳам дар «Наводиру-л-вақоеъ» ва ҳам дар «Меъёру-т-тадайюн»-и ӯ инъикос ёфтааст. Ӯ менависад: «Ва нафси ман қонеъ набудааст, ки ба алфози зоҳираи оёт ва сувар қаноат кунам... Ҳамин ки аз мактаб берун мешудам, дар маъракаи тавориххонон ҳозир мешудам ва бар он рағбате ва шавқе дар табиат доштам... Ҳикмати он ки Қуръон маҳфузи ман нашуд, баъд аз рушд маълум кардам, ки ҳақ он аст, ки Қуръон маҳфузи ман набошад, чунки бисёр ба аҳли шуруру фасод мухталит омадам аз муъмину кофир» [4, 331, 335].

Аҳмади Дониш борҳо таъкид менамояд, ки эътиқод бояд тақлидӣ набошад.

Ҳар чизе ки хондӣ ё шунидӣ ба онҳо кӯр-кӯрона бовар набояд кард, онро бояд дар тарозӯи ақл баркашид. Ӯ ҳамчун муслиҳи (ислоҳгар) исломӣ ва ҷомеашиноси борикбин ҷомеаи худро таҳлил намуда, қафомонию ҷаҳолатпарастии аҳли замонаашро сахт танқид мекунад. Ӯ мегӯяд, ки аҳли замонааш дар банди «дини тақлидӣ» сахт гирифторанд ва аз асли ислом фарсаххо дур рафтаанд. Олимон, ки масъуланд ҳақиқати дину диёнатро рупӯш мекунанд: «…аз аломати ислом ҳамин аммомаҳо бар сар аст ва аз шиори имон ҳамон азон дар манора…» [5,3].

Мо, алоқа ва ангезаи Аҳмади Донишро дар робита бо низоми сайёроту аҷроми осмонӣ ва иртиботу таъсири онҳо бар табиат, инсон ва тақдири ӯ, илмҳои ғариба, ки ҳамон ҷахонҳо ва мавҷудоти нодиданӣ ва аҷибу ғарибанд ва ғайраро дар афкори ӯ мушоҳида менамоем, ки дар рисолаи «Канзу-р-румуз», ки марбут ба давраи ҷавонии ӯ аст, то ҳудуде дида мешвад. Ҳатто дар даврае, ки ҳудуди шаст сол дошт, овозаву таънаҳои бархе куҳанандешҳои ҳамзамонаш нисбат ба ӯ, тибқи гуфтаҳои устод С. Айнӣ чунин будаанд: «Замоне, ки ба мадраса меомад, калонон мегуфтанд: Ин касбоз омад, ки имшаб дар ҳуҷра бо ҷинҳояш, бо деву париҳояш ва бо шайтонхояш суҳбат кунад ва фардо баромада гуфтаҳои онҳоро ба шогирдонаш нақл намуда, онҳоро ҳам монанди худ гумроҳ намояд. Вай мегуфтааст, ки кадом вақт гирифтани офтобро ва кадом соат гирифтани моҳро ман медонам ва метавонам, ки пешакӣ хабар диҳам. Ғайбдонку фақат Худо буд, ин бедин аз ғайб хабар доданро даъво карда худашро ба Худо шарик сохта баромадааст» [6, 173].

Донишманд ва файласуф Акбари Турсунзод дар мақолаи пурмуҳтавои худ, ки роҷеъ ба вазъи мазҳабӣ-хурофотӣ ва фазои носолими ҷомеае, ки Аҳмади Дониш дар он зиндагӣ мекард, чунин мегӯяд: «Чаҳор яки охири асри нуздаҳум ва чаҳор яки аввали асри бистумро боясти нуктаи гардише дар таърихи чандинасраи тоҷикон донист. Ин панҷоҳсола ба ин хотир ҷолиб аст, ки он замон навъи шахсияти мутафаккире шуруъ ба шаклгирӣ намуд, ки ман онро ҳамчун як инсони фарҳехтаи эътиқодманд бо худогоҳи мунаққидиву тарҷеӣ тасаввур мекунам. Вижагиҳои ба худ хосси шахсияти нави таърихӣ дар шакли нисбатан возеҳи худ, дар симои Аҳмади Дониш – саркардаи ин силсилаи ақаллияти халлоқ намоён гашт» [7]. Чунин ишораҳо роҷеъ ба шахсияти ӯ ва иттилооти осори Аҳмади Дониш дар бораи тарзи тафаккури ӯ, нишондиҳандаи шахсиятест, ки фаротар аз як инсонӣ эътиқодманди одӣ фаъолият мекарда, доираи риштаҳои донишаш бисёр вусъат доштааст.

Ҳанӯз бояд умедвор буд, ки осори дигаре мутааллиқ ба ӯро аз маҷмуаҳои шахсӣ, китобхонаҳо ва ганҷинаҳои дигаре, ки танҳо дар пайи таҳқиқу ҷустуҷӯ ва ҳамкории донишпажуҳон ба онҳо дастрасӣ пайдо мешавад, битавон ёфт.

Инак, рисолаи тарҷумашудаи ӯ тавассути муаллифи ин мақола, пешкаши хонандагон мегардад ва умед аст, агар пас аз мутолиаи он накду пешниҳодоти наве, ки ба вуҷуд меоянд, пешниҳоди муаллиф гарданд. Дар зер аксе, ки бо ҳунари тазҳибу ташъир ороиш ёфта, унвони рисола бо ҳуруфи обӣ дар он нақш бастааст, саҳифаи аввали рисола буда, акси дигар саҳифаи охири он мебошад, ки номи муаллиф ва соли китобати он сабт шудааст.

«Канзу-р-румуз»

Алҳамдулиллоҳи раббил оламин вассалоту вассалому ало хайри халқиҳи Муҳаммад ва оли аҷмаин. Аммо баъд ин рисолаест муштамал бар хулосаи аҳволи уламо ва наққодаи аъмоли ҳукамо, мутазаммин бар даҳ фасл ва ҳар фасл ба чанд хислати махсус мусаммо шуда ба «Канзу-р-румуз» ва биллоҳи тавфиқ.

Фасли аввал - Дар он ки даҳ чиз муҷиби шодиву фараҳ аст: сураи Ёсин хондан ва вузӯ сохтан ва мисвок кардан ва ғусл овардан ва бо дӯстон суҳбат доштан ва мӯйлабу дигар мӯйҳо бардоштан ва сар тарошидан ва нохун боз кардан ва ҷомаи пок пӯшидан ва намози ҷамоат гузоридан.

Фасли дувум - Дар он ки даҳ чиз парӣ (пирӣ?) орад: муҷомиат бисёр кардан ва шаб оби бисёр хурдан ва бо зани пир наздикӣ кардан ва оби тира хурдан ва дар мабраз (ҳоҷатхона) тавaққуф кардан ва дар мутаваззо (ҷойи вузӯ гирифтан) сухан гуфтан ва дар аврати худ нигоҳ кардану ба вай такя кардан ва

ғами бисёр хурдан ва аёли бисёру кафоф.

Фасли сеюм - Дар он ки даҳ чиз умр бияфзояд: садақа додан ва намози чошт (бомдод) хондан ва ёди Ҳақ субҳонаҳу ва таъоло бисёр кардан ва бар расул саллаллоҳу алайҳи ва олиҳи ва саллам салавот бисёр фиристодан ва бо ятимону фақирон раҳм кардан.

Фасли чаҳорум - Дар он ки даҳ чиз ғам таваллуд кунад: истода зерҷома пушидан ва миёни гӯсфандон гузаштан ва маҳосин (риш) ба дандон кандан ва бар остонаи дар нишастан ва ба дасти чап таом хурдан ва ба доман ё остин рӯй пок кардан ва бар пӯсти сиру пиёз гузаштан ва казолик (ҳамчунин) пӯсти тухми мурғ ва ба дасти рост истинҷо кардан (пок кардани ҷойи бавлу ғоят).

Фасли панҷум - Дар он ки даҳ чиз муҷиби бақои давлат ва тазоюди ҳашмат аст: ибодати бисёр ва тавозуъу тахаллуқи бешумор ва вафову карам бар қарор ва бедор будан дар асҳор, сахову ҷавонмардӣ билғашӣ вал-абкор, ҷидду ҷаҳд намудан дар ҳама кор, мулозимат намудани суҳбати аброр, пурҳазар будан аз аҳмақону ашрор ва доим будан ба истиғфор ва маҳфуз доштани асрор.

Фасли шашум - Дар он ки аз даҳ чиз рӯшноии чашм бияфзояд: дар мусҳаф нигаристан ва рӯйи уламо дидан ва дар рӯйи падару модар нигоҳ кардан ва бар рӯйи дӯстон мушоҳида намудан ва дар осмони соф наззора кардан ва бар сабзаву оби равон гузаштан ва мубошират ба эътидол кардан ва бар ҷавоҳиру тилло тафарруҷ (тамошо) кардан ва вузу сохтан бо оби сард ва аз ҳавои соф файз гирифтан.

Фасли ҳафтум - Дар он ки аз даҳ чиз одамӣ саҳиҳ-ул-бадан бошад: кам хурдан ва кам гуфтан ва кам хуфтан ва кам мубошират (ҳамхобагӣ) кардан ва бӯйи хуш нигоҳ доштан ва зару тилло бо худ доштан ва ҳар чанд рӯзе ба ҳаммом рафтан ва гоҳ-гоҳе касби ҳаво кардан ва сулси охири (аз се яки охир) шабро пос доштан ва бавлу ғоитро (пешобу мадфуъ) ҳабс нокардан.

Фасли ҳаштум - Дар он ки сӣ чиз фаромӯшӣ оварад: мазоҳи (шӯхӣ) бисёр ва хандаи фаровон ва Қуръон хондан ба гармоба ва нигаристан ба номаҳрам ва мубошират кардан бо зани мустаҳоза (ҳайздор) ва бе сатр нишастан дар ҳаммом ва бисёр хурдани туршӣ ва гузаштан аз миёни сутурон (чорпоён) ва дар зери по афкандани тарошаи қалам ва бавл кардан дар зери дарахтони мевадор ва сухан гуфтан ба буҳтон ва шона кардани мӯй ба шонаи дигарон ва таом хурдан аз дег ва хайва (туф) андохтан дар масҷид ва ҳиҷомат кардан бар қафо ва хӯрдани себи турш ва ақлӣ (хӯроки) нимхурдаи мӯш ва хӯрдани гашнизи тари бисёр ва истода бавл кардан дар об ё ҷойи дигар ва хӯрдани таъом дар ҷанобат ва беҳурматӣ кардан бо меҳтарон ва хондани тахтаи гӯристон ва хӯрдани таом бе ёди номи Худои таъолӣ ва нигоҳ кардан дар маслубу мақтул ва гузаштан аз миёни ду зан ва бурдани номи Ҳақ субҳонаҳу ва таъолӣ дар ҷанобат ва бавл кардан рӯй ба қибла ва хӯрдани таъом дар бозор ва хандидан дар гӯристон ва бисёрии шаб хуспидан ва оби бисёр хӯрдан дар шаб.

Фасли нуҳум - Дар он ки сӣ чиз дарвешӣ оварад: модару падарро ба ном хондан ва бараҳна бавл кардан ва резаи нон хор доштан ва дар шаб хона

руфтан ва пӯсти сиру пиёз сӯхтан ва дар пеши бузургтар аз худ роҳ рафтан ва ба коҳдевор ҳилол (чӯби борик) кардан ва даст ба сабус пок кардан ва сар аз саҷда пеш аз эмом бардоштан ва дар саҷда ором ногирифтан ва бар ҷойи бавл вузӯ сохтан ва дегу коса ношуста мондан ва савганди бисёр хурдан ва хонаи анкабут дар хона гузоштан ва нон аз гадоён буридан ва бар мардумон лаънат гуфтан ва ҷома дар бари худ духтан ва чароғ ба дам кӯштан ва ба дастори (сарбанд ё манзур порчаест, ки ҷойи дари ҳаммом мегузоштанд) ҳамом андоми худ хушк кардан ва ба зери ҷома рӯйи худ пок кардан ва дар канори худ нон хурдан ва дар мабраз хайва андохтан ва бар пой истода бавл кардан ва ба дандон нохун буридан ва дар намоз коҳилӣ кардан ва пагоҳ ба бозор рафтану бегоҳ боз омадан ва дастор ё эзори пой дар зери сар ниҳодан ва нишаста дастор печидан ва бар пой истода зерҷома пӯшидан.

Фасли даҳум - Дар он ки даҳ чиз нишони давлату саодат ва қуввати имон аст ва низ сабаби тазоюди умру баракат аст: дӯстӣ ва таъзими Ҳақ ҷалла ҷалолуҳ ва шафқат бар халқи Худои субҳонаҳ ва мутобеат бар суннати расул саллалоҳу алайҳи ва саллам ва шаб зинда доштан ва саҳар ба тоату тиловат қиём намудан ва Қуръон бисёр хондан ва дар маҷлиси уламо нишастан ва бо эшон суҳбат доштан ва бештари авқот бо вузӯ будан ва ғизои латиф ва ҷомаи пок ба кор доштан ва караму сахо варзидан ва тавозуъу таҳаллуқ намудан бо ҳама кас.

Тамом шуд рисолаи шарифаи Ҷомеату-р-румуз бар дасти бандаи даргоҳ Аҳмад ал-Сидиқӣ ал-Бухорӣ 1277 ҳ.қ. (1860 м.)

АДАБИЁТ

1.Шарифов М., Додхудоева Л. Восточная каллиграфия в собрании Академии наук республики Таджикистан. Душанбе, 2015. -388 с., 15 илл.

2.Меликиён Э. Аҳмади Дониш ва ҷойгоҳи ӯ дар рушди ҳунари хушнависӣ/Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, №3, Душанбе. 2021, с. 63-68.

3.Раҳимӣ Ф., Олимов К. Девони Аҳмади Дониш бозёфти пурарзиши адабӣ ва таърихӣ. https://anrt.tj/tj/khabar-o/1510-devoni-a-madi-donish-bozjofti-purarzishi-adab-va-ta-rikh таърихи истифода 26.05.2022.

4.Аҳмади Дониш. Наводир-ул-вақоеъ (мунтахаб). –Душанбе, «Адиб», 2020, 480 с.

5.Девонақулов А. Аҳмад Махдуми Дониш – Меъёр-ат-тадайюн. Душанбе, 2008. 252 с.

6.Айнӣ С. Ёддоштҳо (чаҳор қисм). Душанбе, 2009. -679 с.

7.Турсунзода А. Креативная личность в пучине искривленного социального пространство времени. https: //www.academia.edu /34652843/% D0% D1% 82_docx таърихи истифода 01.06.2022.

8.Муминов А.К. Государственные и частныесобрания арабографичныхрукописей в Узбекистане. Истанбул, 2020. -38 с.

9.Камолиддин Ш. С. Рукописное наследие Узбекистана. – Ташкент, 2014. – 24 с.

10.Акимушкин О.Ф. Очерки историикультуры средникевкового Ирана. Наука Москва. 1984. -256 с.

КАШФИ АСАРИ НАВЕ АЗ АҲМАДИ ДОНИШ

Аз осори ниёгон он чи ки дар дастрасии мо буда ва аз он баҳра мебарем, шояд танҳо барге аз дарахте бошад, ки мо аз он огоҳем. Ҳанӯз маълум нест, ки мо то куҷо аз ганҷинаҳои гузаштагони худ хабар дорем ва ҳанӯз кор зиёд аст. Ин мақола барои аввалин аз осори арзишманди Аҳмад Махдуми Дониш, ки «Канзу-р-румуз» унвон гирифтааст, рӯнамоӣ мекунад. Ин рисолаи хурд аз маҷмуаи шахсии таърихпажӯҳ Темурзода Бахтовар пайдо гардид, ки нишоне бар андешаҳои тиббӣ, ахлоқӣ, мазҳабӣ ва фалсафии ӯ аст ва шояд тавонад баёнгари давраи хоссе аз зиндагии ӯ низ бошад. Дар он хулосае аз суханону афкори ҳакимону донишмандони қадим оварда шудааст, ки ҳам тарзи тафаккури Аҳмади Дониши ҷавонро барои мо нишон медиҳад ва ҳам иттилооти ахлоқиву илмиеро пешкаш менамояд. Муаллифи мақола бо мутолиаи комили ин нусха, ин рисоларо пайдо намуд. Худи рисола дар дохили китобе қарор дорад, ки шомили рисолаву матнҳои дигари орифона монанди «Анвори ҳикмат», матнҳое роҷеъ ба тарзи салтанату фармонравоӣ монанди «Қонуни адолат», матнҳое бо муҳтавиёти фалсафӣ монанди «Васоёи Афлотун», матнҳои тарбиятӣ, ҳакимона ва насихатии унвондор монанди «Туҳфату-л-вузаро» ва бидуни унвон ва чанде рубоиву шеър аст. Матнҳои китоб мутааллиқ ба муаллифоне монанди Аҳмад Сиддиқии Бухорӣ (Дониш), шоир ва донишманд Насируддин Муҳаққиқи Тӯсӣ ва файласуф Афлотун мебошанд, ки тақрибан тамоми матнҳо бознависӣ ё нусхабардорӣ шудаанд.

Калидвожаҳо: дастнависҳои нодир, Канзу-р-румуз, пӯсткоғаз, ҳунари тазҳиб, Аҳмади Дониш, Абдулфаттоҳи Маҳдихон, Аҳмад ал-Сидиқӣ ал-Бухорӣ, улуми ғариба, дини тақлидӣ, аҷроми осмонӣ, кӯҳанандеш, мазҳабит-хурофотӣ.

ОТКРЫТИЕ НОВОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ АХМАДА ДОНИША

Из наследия наших предков то, что у нас есть и чем мы пользуемся, вероятно, всего лишь лист от дерева, о котором мы знаем. Пока неизвестно, насколько мы знаем сокровища наших предков, и по этому предстоит еще много работы. В данной статье впервые представлено одно из ценнейших произведений среднеазиатского деятеля Ахмада Махдума Дониша под названием «Канзу-р-румуз». Этот краткий трактат появился из личной коллекции историка Темирзода Бахтовара, что является признаком медицинских, нравственных, религиозных и философских мыслей А. Дониша, а может быть выражением особого периода его жизни. В нем обобщаются слова и мнения древних мудрецов и ученых, которые показывают нам образ мышления молодого Ахмада Дониша, а также предоставляют моральную и научную информацию. Автор этой статьи, прочитав весь экземпляр, случайно наткнулся на этот трактат. Сам трактат является частью книги, в которую входят трактаты и другие мистические тексты («Анвори хикмат»), тексты о верховенстве закона («Конуни адолат»), тексты философского содержания («Васоёи Афлотун»), тексты с титулами, без титулов, с тематикой мудрости и нравоучений («Тухфату-л-Вузаро») и и несколько рубаев и стихов. Тексты книги принадлежат таким авторам, как Ахмад Сиддики Бухари (Дониш), поэту и соавтору Насируддину Мухаккики Туси и философу Платону, почти все тексты были переписаны или скопированы.

Ключевые слова: *редкие рукописи, Канзу-р-румуз, пергамент, искусство тазхиб, Абдулфаттахи Махдихан, Ахмад ас-Сидики аль-Бухари, редкие науки, подражательная религия, небесный тела, старомодный, религиозно-суеверный.*

OPENING OF A NEW WORK BY AHMAD DONISH

From the heritage of our ancestors, what we have and what we use is probably just a leaf from the tree that we know about. It is not yet known how much we know about the treasures of our ancestors, and there is still a lot of work to be done. This article presents for the first time one of the most valuable works of the Central Asian figure Ahmad Makhdumi Donish called "Kanzu-r-rumuz". This short treatise came from the personal collection of the historian Temirzod Bakhtovar, which is a sign of his medical, moral, religious and philosophical thoughts, and may be an expression of a special period of his life. It summarizes the words and opinions of the ancient sages and scholars, which show us the way of thinking of the young Ahmadi Donisha, as well as provide moral and scientific information. The author of this article, after reading the entire copy, accidentally stumbled upon this treatise. The treatise itself is part of a book that includes treatises and other mystical texts such as "AnvoriHikmat", texts on the rule of law such as "KonuniAdolat", texts of philosophical content such as "Vasoyoi Aflotun", texts with titles, and with the themes of wisdom and moralizing such as "Tuhfat-ul-Vuzaro" and without titles, and a few rubies and poems. The texts of the book are by authors such as Ahmad Siddiqi Bukhari (Donish), the poet and co-author Nasiruddin Muhaqqiqi Tusi, and the philosopher Plato, almost all of the texts have been rewritten or copied.

Key words: *rare manuscripts, Kanzur-r-rumuz, parchment, tazkhib art, Abdulfattahi Mahdikhan, Ahmad al-Sidiki al-Bukhari, Ahmadi Donish, rare sciences, imitative religion, celestial bodies, old-fashioned, religious superstitious*

Маълумот дар бораи муаллиф:

Меликиён Эраҷи Баҳромзод – докторанти (PhD) Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон: **Тел. (+992)** 987-811-811; **почтаи эл:** erajrom@yandex.ru

Сведения об авторов:

Меликиён Эраджи Бахромзод – докторант (PhD) Института истории, археологии и этнографии им. Ахмад Дониша Национальной академии наук Таджикистана: **Тел. (+992)** 987-811-811; **эл. почта:** erajrom@yandex.ru

About the authors:

Melikiyon Eraji Bahromzod, 2 st year doctor (PhD) student of the Institute of history, archeology and ethnography named after Ahmad Donish of the National academy of sciences of Tajikistan: **Tel: (+992)** 987-811-811; **E-mail:** erajrom@yandex.ru

УДК 930.85

СЫРДАРЬЯ: РЕЧНОЙ ПУТЬ В СИСТЕМЕ КОММУНИКАЦИЙ ШЕЛКОВОГО ПУТИ[11]

РАХИМОВ Н.Т.,
Худжандский государственный университет им. академика Б.Г. Гафурова

Великий Шелковый путь (ВШП) был сложной системой коммуникаций, состоящей из отдельных, но связанных между собой участков путей и коридоров, соединявшей на протяжении более полутора тысячи лет (II-I вв. до н.э. – XVI в.) разные регионы Евразии. Фергано-Сырдарьинский коридор ВШП, пролегающий по долине р. Сырдарья, представлял собой важное звено для полноценного функционирования всей этой трансконтинентальной системы коммуникаций древности и средневековья. Именно на этом участке сомкнулись древние торговые пути из стран западной части Древнего мира и Дальнего Востока, на этом же участке явно прослеживаются всесторонние связи населения оазисов и степи, здесь пересекались векторы связей древних цивилизаций.

Фергано-Сырдарьинский коридор ВШП совпадает с долиной р. Сырдарья. Это обусловило использование энергии течения воды для транспортировки грузов и функционирования, дополнительно к сухопутной системе коммуникаций, ещё и речного пути. Речной путь по Сырдарье соединял крайние части коридора от приречных пунктов Ферганы до Шымкент-Исфиджаб-Сайрамского участка и служил соединительным звеном между степными и оазисными маршрутами ВШП.

Известно, что течение рек имеет большой потенциал динамики и поэтому энергия воды используется человеком с древнейших времён. Исторически зафиксировано, что все крупные и имеющие большую протяженность реки использовались для транспортировки и перемещения. Таковой для региона Средней Азии является р. Сырдарья (известная под названиями Яксарт, Танаис, Жемчужная река, река Йоша, Гульзариюм, река Чача, река Худжанда, Сайхун, Сырдарья), протяженностью 2212 км и пересекающая регион с юга-востока в западном, далее в северном и северо-западном направлении. Эта река с древнейших времён играла важную роль в жизни населения Средней Азии. Многие исследователи отождествляют с Сырдарьёй одну из священных рек Авесты - Ранху, почитаемую древними арийскими племенами Средней Азии

---

[11] Статья написана на основе проекта «История таджикского народа» (Археология Таджикистана от каменного века до позднего средневоковья), государственный регистратционный номер 0121TJ1212.

[16,135].

В древнейшее время Сырдарья, известная античным авторам под названиями Яксарт и Танаис, являлась границей между земледельческими оазисами и кочевой степью, между согдийцами и саками [14,11:8:8]. Однако, река не разъединяла народы и племена, обитавшие на её берегах, а соединяла их, так как по ней осуществлялись обмен и культурные связи.

Возникновение и начало функционирования ВШП (II-I вв. до н.э.) привели к укреплению международной торговли и транзитных межрегиональных торговых маршрутов в бассейне Сырдарьи. Наряду с сухопутными коммуникациями для транспортировки товаров стало использоваться русло Сырдарьи. Из верховьев реки вниз по течению сплавляли суда, плоты с товарами к городам и поселениям средней и нижней Сырдарьи. В ханьское время начала складываться трасса «по реке Йоша» (Яксарту) в Давань, Кангюй, Янцай. Хроника Шицзи сообщает, что во владении Аньси торговцы и купцы живут вдоль реки и развозят свои товары, как по воде, так и по суше [4,151].

Локальные системы экономических связей с началом функционирования ВШП переросли в межрегиональные торговые пути. Водный путь по Сырдарье и сухопутный - вдоль реки, сформировавшиеся в начале как пути внутренней торговли, стали важным звеном, соединявшим северный и южный ветки ВШП, историко-культурные области верховьяв Сырдарьи, бассейна Средней и Нижней Сырдарьи.

Результаты археологического изучения свидетельствуют, что крепости и города, стоящие близко к берегу Сырдарьи - Худжанд (I тыс. до н.э.), городища Мунчактепа (I-XII вв. н.э.) и Коштегирмон (VI-XII вв.) были крупными торговыми центрами на речном пути [8, 93-107]. Река Сырдарья, называемая в это время Гульзариюм, протекала через Фергану (Полона), Худжанское владение, Уструшану, Чач, Исфиджаб, Тарбанд (Отрар). Многие исследователи считают, что обширная область среднего и нижнего течения Сырдарьи и Западной Ферганы, представляла собой в середине 1 тыс. н.э. единый историко-культурный регион [5, 150]. Сырдарья в это время являлась важной артерией торгово-экономических связей Ферганы с джетыасарскими и приаральскими районами. О существовании этих связей свидетельствуют как археологические находки, так и письменные источники. В истории старшего дома Хань отмечена «северная» дорога из Китая через Кашгар, Фергану к кангюйцам и аланам [3, 186], то есть через Фергана-Сырдарьинский коридор.

Гораздо больше информации о средневековом речном пути Фергано-Сырдарьинского коридора Великого Шёлкового пути. Среднеазиатские города IX-X вв. были важными экономическими и торговыми центрами. С укреплением городов, увеличением числа населения и базаров намного расширяются масштабы торговли. Реконструкция караванных путей бассейна среднего течения Сырдарьи (Чача и Илака) была проведена Ю.Ф. Буряковым [5; 6,134-135]. Топография городских пунктов характеризует основные линии

караванной торговли. Результаты исследования показывают о значительном подъёме торговли присырдарьинских городов и значении торговых путей.

Это в полной мере относится и к речному пути. Наряду с наземными караванными путями в региональной торговле важную роль играли речные судоходные маршруты. В этот период река Сырдарья в письменных источниках упоминается под названиями Река Чача (Шаша), река Худжанда, Сайхун. Судоходство существовало не только на Амударье и Сырдарье, но также на Зарафшане и других среднеазиатских реках. Перечисляя реки Бухары и Самарканда, Ибн Хаукаль [11, 26] и Истахри [2] отмечают, что многие из них полноводны и по ним ходят суда.

Макдиси, Ибн Хаукаль и другие арабо-персоязычные авторы отмечали судоходность Сырдарьи в районе Худжанда и Бинакента. Согласно источникам, в Худжанд завозили зерно из разных районов Ферганы и Уструшаны на судах по реке Чач (т.е. Сырдарье). К Худжанду корабли поднимались по Сырдарье из Чача и более северных присырдарьинских районов. По этой же реке купцы из оазисов возили «зерно к гузам, когда те живут в мире» [6,162]. Из селения Тозаб, принадлежавшего гузам, товары отправляли по этой реке в другие районы.

Так, Ибн Хаукаль (X в.) сообщает, что по реке Чач (Сырдарья), являвшейся «самой большой рекой края и, которая по мере впадения в неё многочисленных притоков, берущих начало с районов проживания тюрков и мусульман, она становится ещё более полноводной, и по ней суда плавают вниз головой (буквально «сарозер») до Худжанда» [11, 26]. По словам Ибн Хаукаля, к Яныкету, распложенному в нижней части Сырдарьи, в мирное время по реке развозили продовольствие из Ферганы, Чача и Уструшаны [11, 25]. Известно и о людях, занятых на торговле по реке: так, в тексте о городских поселениях на реке Чача, в частности об Унджакете, упоминаются «лодочники, перевозящие товары по реке Шаша и Бараку» [7, 98-99].

Речной путь стал широко использоваться в IX-X вв., когда среднеазиатские купцы государства Саманидов прокладывают новые маршруты от Исфиджаба на север и северо-восток. Другой новый маршрут был проложен к булгарам на Волге и дальше на север к славянским землям и к другим народам Северной и Восточной Европы.

Таким образом, речной путь по Сырдарье в X-XII вв. играл важную роль в развитии торгово-экономических связей оазисов со степью (Дашти Кипчак). Степь снабжала земледельцев продуктами животноводства и сырьём для развития ремёсел, связанных с обработкой кож, ткачества и ковроделия. Степь являлась крупным потребителем сельскохозяйственной и ремесленной продукции - зерна и фруктов, защитного и наступательного оружия, конской упряжи и снаряжения, одежды, бытовых изделий и предметов роскоши. Так, Макдиси сообщает, что «Из Шаша вывозятся высокосортные шагреневые седла, колчаны для стрел и палатки. Кожи привозятся от тюрок и дубятся. И изары (плащи), молитвенные коврики, воротники и льняное семя, отличные

луки и плохого качества иглы. Хлопок, который вывозят к тюркам, и одежды, и шёлк, и ткани из него, и орешки и орехи» [1, 207-208].

Одним из хорошо известных свидетельств использования р.Сырдарья в качестве энергетически ценного элемента для транзита является эпизод борьбы правителя Худжанда Тимурмалика против монгольских отрядов. Как сообщают средневековые хроники (Джувайни и др.), Тимурмалик завершив оборону Худжанда, уплывает вместе со своими воинами на 12 каюках (большие лодки) вниз по Сырдарье с целью попасть в Хорезм и соединения с главными силами хорезмшаха. Весь маршрут от Худжанда до низовьев Сырдарьи монголы сопровождали лодки Тимурмалика и забрасывали их стрелами. В источниках указано, что Тимурмалик доплыл до города Дженда, где был вынужден высадиться на берег со своими воинами [9, 181-182].

В последующие века, как сама река, так и переправы на ней продолжают использоваться довольно интенсивно, о чём свидетельствуют письменные источники этого времени. Придворный хронист XV-XVI вв. Ибн Рузбехан, сопровождавший Мухаммада Шейбанихана в его походе против казахов в 1509 г., говоря о городе Сыгнаке употребил термин «бандар», означающий буквально порт-гавань [10, 117]. Таких городков-портов типа Сыгнак, по обе стороны Сырдарьи насчитывалось более трёх десятков и все они находились у реки [10, 74]. Речной путь служил для торговли не только с городами Южного Казахстана, но и с ханствами Сибири и Поволжья, куда купцы в обмен пушнины доставляли оружие и доспехи, металлическую посуду, ковры, ткани и одежду, обувь, чай, специи, сладости и т.д.

Ибн Рузбехан пишет: «Купцы владений в местности Дашти Кипчак, до пределов реки Адил (т.е. Волги)…, сделали город Сыгнак местом своих складов (в оригинале «бандари худ сохта») и привозят сюда торговые товары. Купцы областей Туркестана, Мавераннахра и с Востока до пределов Кашгара, Хотана привозят в Сыгнак товары этих стран и совершают с людьми Дашта торговые сделки и обмен» [10, 78]. Товары из земледельческих районов доставлялись населению степи не иначе как по воде, через городища Мунчактепа и Коштегирмон, куда товары поступали и складировались перед их сплавом вниз по реке. Ибн Рузбехан приводит и другой эпизод, связанный с Сырдарьёй: запасы продовольствия и одежды для 300-тысячной армии Шайбанихана чиновники его канцелярии собирались продать в восточных владениях Туркестана с тем, «чтобы нагрузить на арбы принудительно собранный хлеб и переправить его на судах через Сайхун» [10, 78].

Речной путь по Сырдарье интенсивно использовался вплоть до начала XX века, о чём немало сведений в архивных источниках. Торговля по реке становилась важным фактором развития приречных городов. Более того, в некоторых городах и приречных населённых пунктах (напр. Худжанд, Унджакет, Коштегирмон и др.) возникают кварталы, жители которых (лодочники и др.) специализировались на лодочном ремесле по переправе товаров и их транспортировке по Сырдарье. В Худжанде сформировался

особый квартал - махалла Кемачи («Паромщик»), расположенный на северной, прибрежной окраине города. Квартал Кемачи являлся местом расселения паромщиков, лодочников, лесосплавщиков (чӯбкашҳо) и др. специальностей, связанных с рекой. Согласно архивным материалам, в конце XIX в. среди жителей квартала Кемачи Худжанда были известные речники, плававшие до дельты Сырдарьи - купцы Носирбой, Азимбой, Ёкубджон ([17, 385]. К кварталу с северной прибрежной стороны прилегала речная пристань (бандар). Здесь же находились мастерские по ремонту и изготовлению лодок, плотов и паромов. Каждое лето в Худжанд приезжали купцы. Местные мастера строили для них на Сырдарье плоты и каюки, куда купцы погружали абрикосы, кишмиш, другие сухофрукты и отправляли до г. Казалинска, а оттуда переправляли в Оренбург для доставки на рынки центральной России и Сибири [15, №105]. Так, в 1907 г. из Худжанда речным путём было вывезено 159 тыс.пудов сухофруктов [12, 739]. В сам Худжанд из Намангана доставляли строевой лес, соль, пшеницу, бахчевые, руду, разные товары первой необходимости. Согласно архивным данным, в начале 70-х годов XIX в. из Намангана в Худжанд по реке было доставлено 20 тыс. круглого строевого леса для строящегося в Худжанде деревянного моста через Сырдарью [13,282].Известно, что администрация Туркестанского края организовала судоходство на Сырдарье: суда Аральской флотилии, в частности «Самарканд», осуществляли перевозки пассажиров, военного снаряжения и грузов.

Археологические находки, письменные источники и архивные материалы свидетельствуют о важной роли реки Сырдарья в жизни северо-восточной части Средней Азии. На протяжении тысячелетий река Сырдарья не только давала влагу и процветание расположенным по её берегам владениям, но и служила важной транспортной артерией, соединяющей находящиеся в верхнем и нижнем течениях областей. Сведения о водном пути и торговле по нему в письменных источниках встречаются крайне редко. Но даже по этим отрывочным сведениям можно считать, что Сырдарья сыграла важную роль в качестве культурно-коммуникационной системы, включая речные пристани, города вдоль реки, переправы и прибрежное население, втянутое в местную и международную торговлю.

Таким образом, уникальность Фергано-Сырдарьинского коридора Великого Шёлкового пути была в том, что здесь, наравне с сухопутным, функционировал и водный путь по Сырдарье. Этот путь не только соединял Фергану с городами нижней и средней Сырдарьи (Шымкент-Исфиджаб-Сайрам и др.), но и служил важным звеном в между более крупными системами сухопутных коммуникаций Степного и Оазисного путей Великого Шёлкового пути.

Рис.1. Искандар на переправе через Сырдарью. Миниатюра. Максуд ибн Осман-и Кухистани. «Таърихи Абулхайрхани» («История Абулхайрхана). Рукопись ИВ АН Узбекистана, 9989, л.66. 1540-е гг. Самарканд.

Рис.2. Чиназ. Пристань на берегу Сырдарьи. Почтовая карточка. 1904 г.

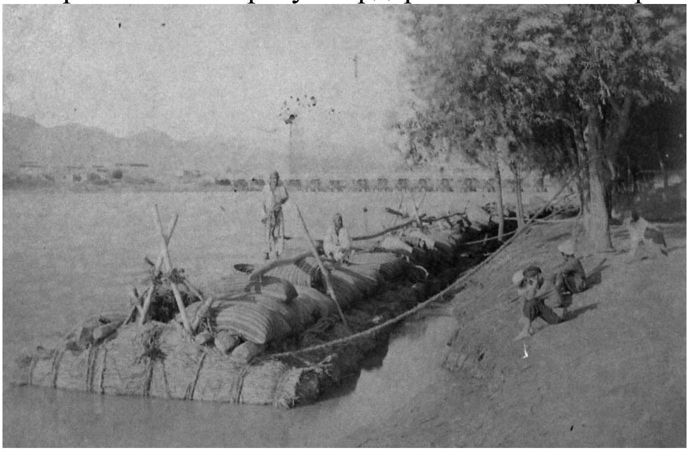

Рис. 3. Худжанд, конец XIX в. Плот на Сырдарье, гружённый товарами для отправки.

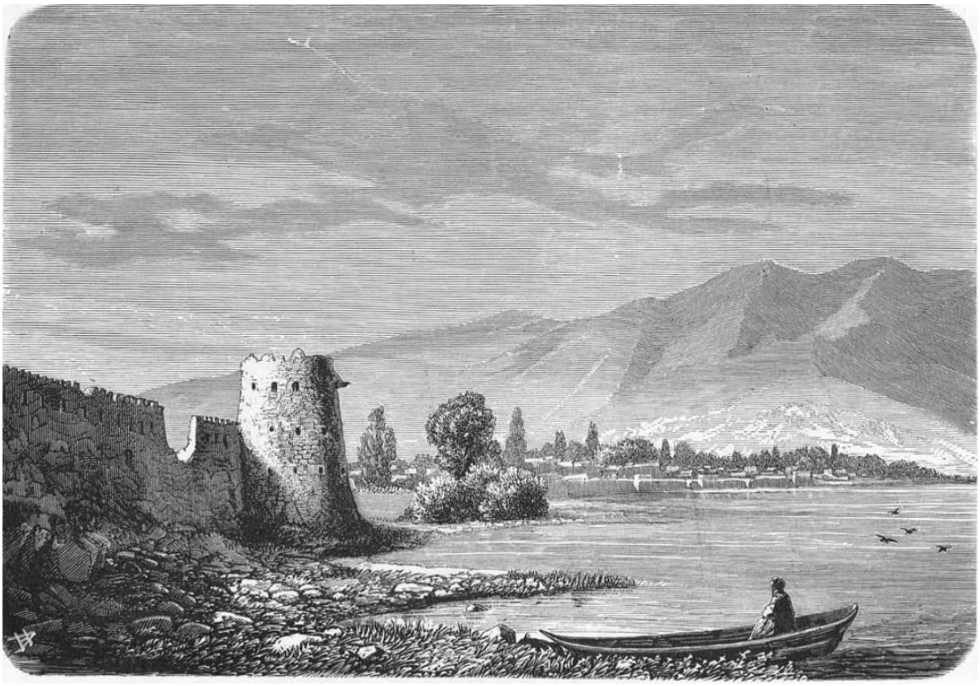

Рис.4. Худжанд. Берег Сырдарьи. Живописная Россия. Т.10. Русская Средняя Азия (Часть 2). - СПб, М., 1885.

ЛИТЕРАТУРА

1.Агеева Е.А., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана//Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, -Т.5. -Алма-Ата, 1958.

2.Ал-Истахри. Книга путей и стран//Материалы по истории киргизов и Киргизии, -М. 1973.

3.Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана//Сочинения.Т.2, ч.1. -М., 1963.

4.Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена, -М.-Л., 1950.

5.Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине 1 тыс. н.э. -М., 1982.

6.Буряков Ю.Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса (Историко-археологический очерк Чача и Илака), -Ташкент, 1975.

7.Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса, -М., 1982.

8.Буряков Ю.Ф. Торговые пути и их роль в урбанизации бассейна Яксарта//На среднеазиатских трассах Великого Шелкового пути. Очерки истории и культуры. -Ташкент, 1990, -С.82-100.

9.Гайдукевич В.Ф. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943-1944 гг//Краткие сообщения Института истории материальной культуры. -Вып.14. - М.-Л., 1947, -С.93-107.

10.Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. В 2-х томах. -Душанбе, 1989,- Т.2.

11.Ибн Рузбихан. Записки бухарского гостя, -М., 1976.

12.Ибн Хаукаль. Пути и страны. Пер. Е.К. Бетгера//Труды САГУ. -Вып.4, -Ташкент, 1957.

13.Мирбабаев А.К. Торгово-экономические связи//Худжанд. Энциклопедия, -Душанбе, 1999.

14.Мирбабаев А.К. Дахмаки Курката: раскопки и исследования. Материальная культура.

Уструшаны, -Вып.6//Древняя Уструшана: города, их локализация и хронология, -Душанбе, 2003.
15.Страбон. География/Пер. с др.-греч. Г. А. Стратановского под ред. О. О. Крюгера, общ. ред. С. Л. Утченко. -2-е изд., репр. -М.: Ладомир, 1994.- 944 с.
16.Туркестанские ведомости. -1905, -№105.
17.Ходжаева Н.Дж. Историческая география Центральной Азии в доисламский период,- Душанбе, 2017.
18.Худжанд. Энциклопедия, -Душанбе, 1999.

СЫРДАРЬЯ: РЕЧНОЙ ПУТЬ В СИСТЕМЕ КОММУНИКАЦИЙ ШЕЛКОВОГО ПУТИ

По долине реки Сырдарья пролегал один из коридоров Шелкового пути. Потенциал и течение реки также использовались для транспортировки товаров. Данные археологических и письменных источников свидетельствуют о процветании в древности и средние века торговли по речному пути. Сырдарья служила важной артерией, соединявшей оазисы и степь. Города на берегу реки были крупными торговыми центрами. Расположенные вблизи реки города (Ахсикат, Худжанд, Мунчактепа, Коштегирмон и др.) имели пристани для лодок и плотов, их население было вовлечено в торговую деятельность. В конце XIX по Сырдарье плавали суда Аральской флотилии Российской империи.

Сырдарья сыграла для региона важную роль в качестве культурно-коммуника-ционной системы. Речной путь по Сырдарье соединял крайние части коридора от приречных пунктов Ферганы до Исфиджаба и служил соединительным звеном между степными и оазисными маршрутами Шелкового пути.

Ключевые слова: *Шёлковый путь, транспортные коридоры, Фергана-Сырдарьинский коридор, речной путь, древность и средние века, транспортировка по воде, Ахсикат, Худжанд, речные пороги, оазисы и степь.*

СИРДАРЁ: РОҲИ ОБӢ ДАР НИЗОМИ ИРТИБОТИИ РОҲИ АБРЕШИМ

Қад-қади водии Сирдарё яке аз долонҳои Роҳи абрешим мегузашт. Имконият ва ҷараёни оби дарё барои боркашонӣ низ истифода мешуд. Маълумоти маъхазҳои бостоншиносӣ ва хаттӣ аз рушди тиҷорат дар даврони қадим ва асрҳои миёна қад-қади роҳи обӣ шаҳодат медиҳанд. Сирдарё ҳамчун шарёни муҳимме хизмат мекард, ки воҳаҳо ва даштҳоро бо ҳам мепайваст. Шаҳрҳои соҳили дарё марказҳои калони тиҷорат маҳсуб меёфтанд. Шаҳрҳое, ки дар наздикии дарё воқеъ буданд (Ахсикат, Хуҷанд, Мунҷактеппа, Коштегирмон ва ҳоказо) барои киштиҳо ва қайиқҳо бандарҳо дошта, аҳолии онҳо ба тиҷорат машғул буданд. Дар охири асри XIX киштиҳои флоти Арали империяи Россия дар Сирдарё шино мекарданд.

Сирдарё ҳамчун сохтори фарҳангию иртиботӣ барои минтақа нақши муҳим дошт. Роҳи обӣ қад-қади Сирдарё қисматҳои канории долонро аз Фарғона то Исфиҷоб ба ҳам мепайваст ва дар байни роҳҳои даштӣ ва воҳаи Роҳи абрешим ҳамчун ҳалқаи пайвасткунанда хидмат мекард.

Калидвожаҳо: Роҳи абрешим, долонҳои нақлиётӣ, долони Фарғона-Сирдарё, роҳи дарёӣ, давраи қадим ва асрҳои миёна, ҳамлу нақл тавассути об, Ахсикат, Хуҷанд, дарёҳо, воҳаҳо ва даштҳо.

SYRDARYA: RIVER ROUTE IN THE SILK ROAD COMMUNICATION SYSTEM

One of the corridors of the Silk Road ran along the valley of the Syrdarya River. The potential and flow of the river were also used to transport goods. Data from archaeological and written sources testify to the prosperity in antiquity and the Middle Ages of trade along the river route. The Syr Darya served as an important artery connecting the oases and the steppe. The cities along the river were major trading centers. The cities located near the river (Aksikat, Khujand, Munchaktepa, Koshtegirirmon, etc.) had piers for boats and rafts, their population was involved in trading activities. At the end of the 19th century, ships of the Aral Flotilla of the Russian Empire sailed along the Syrdarya.

The Syr Darya has played an important role for the region as a cultural and communication system. The river route along the Syrdarya connected the extreme parts of the corridor from the riverine points of Fergana to Isfidjab and served as a connecting link between the steppe and oasis routes of the Silk Road.

Key words: *Silk Road, transport corridors, Fergana-Syrdarya corridor, river route, Antiquity, Middle Ages, water transportation , Akhsikat, Khujand, river rapids, oases, steppe.*

Сведения об авторе:

Рахимов Набижон Турдиалиевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Отечества и археологии Худжандского государственного университета имени академика Б.Гафурова. Адрес: Худжанд, Таджикистан, тел. (+992) 92 730 5194. E-mail: nabir@mail.ru

Маълумот дар бораи муаллиф:

Раҳимов Набиҷон Турдиалиевич – доктори илмҳои таърих, профессор, Донишгоҳи давлатии Хуҷанд ба номи академик Бобоҷон Ғафуров. Суроға: шаҳри Хуҷанд, Ҷумҳурии Тоҷикистон. Телефон: (+992) 92 730 5194. E-mail: nabir@mail.ru

Information about author:

Rahimov Nabijon Turdialievich – doctor of History, professor, Depart.of Fatherland History and Archaelogy of the Khujand State University aafter name of academician B.Gafurov. Address: Khujand, Tajikistan, tel. (+992) 92 730 5194. E-mail: nabir@mail.ru

УДК 902.7 (575.3)

АНТИЧНАЯ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ТЕРРАКОТА ДОЛИНЫ ВАХША И НИЗОВЬЕВ КОФАРНИХОНА

САЙФУЛЛОЕВА Ш. И.,
Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша

Согласно выводам историков и искусствоведов, в Центральной Азии античность и раннее средневековье были периодом, возможно, наивысшего расцвета древней культуры и искусства. Такое заключение основано на изучении большого числа археологических материалов, в том числе представляющих различные области художественного творчества. Наряду со скульптурой и художественной резьбой, в регионе процветали монументальная живопись, искусство изготовления глиняных статуэток, другие области изобразительной деятельности. С этой точки зрения, изучение и культурологический анализ искусства того периода представляет значительный научный интерес. Это важно и в том аспекте, что способствует пониманию мировоззрения наших древних предков, вопросов идеологии и культов, господствовавших в античном обществе.

Терракотовые фигурки и плакетки распространились в IV-III вв. до н.э., под непосредственным влиянием эллинистической культуры. Образы почитавшихся богов и богинь греческого и местного пантеонов получили наглядное воплощение в различных произведениях изобразительного искусства, включая монументальную и мелкую пластику, в частности коропластику (терракотовые статуэтки). В Центральной Азии они были распространены вплоть до установления господства ислама.

Произведения коропластики имеют большую научную ценность. Художественный анализ сохранившихся артефактов позволяет дополнить полученные на основе материалов письменных источников знания о традициях и ритуалах, образах почитавшихся богов и богинь, других культовых персонажей.

Образцы антропоморфных статуэток найдены во многих районах Таджикистана. Рассмотрим некоторые образцы, обнаруженные в пределах Вахшской долины и низовьев Кофарнихона.

Калаи Кофарнихон. Обнаруженные здесь терракоты изображают мужчин и женщин, в том числе музыкантов, есть персонажи стоящие и сидящие. Отдельные образцы сохранились фрагментарно.

Калаи Кофарнихон-1. Стоящий мужчина со сведенными вместе руками. Из одежды на нем кафтан до колен и длинная рубаха. Волосы расчесаны назад

и охвачены налобной повязкой. У висков концы волос опускаются из-под повязки и обрамляют лицо. Кисти согнутых рук сходятся на уровне живота. Края верхней и нижней одежды отторочены широкой полосой. Нижняя одежда достигает земли и имеет обильные вертикальные складки. Полуборта и рукава кафтана покрыты горизонтальными складками.

Калаи Кофарнихон-2. Статуэтка мужчины во весь рост, в набедренной повязке и полусогнутыми ногами. Заслуживает внимания шишка на голове. Такие же шишки видны у левой груди и под пуповиной.

Калаи Кофарнихон-3. Фрагмент статуэтки изображает нижнюю часть фигуры стоящего мужчины с разведенными ногами. Длинняя одежда образует широкие косые складки [3,33]. Иконографически поза напоминает изображения кушанских персонажей. Окрашена в темно-коричневый цвет.

Калаи Кофарнихон-4. Статуэтка изображает мужчину с повязкой на голове и согнутой правой рукой. Участок ниже пояса отбит. По прическе близка образцу КК-1.

Калаи Кофарнихон-5. Фрагментированная статуэтка предлагает образ молодого мужчины с длинными волосами. Сохранилась верхняя часть до пояса. В правой согнутой руке - сосуд, поднятый до уровня груди [3, 30]. Волосы полукольцом обрамляют лицо. Глаза округлые, дуги бровей сходятся на переносице.

Калаи Кофарнихон-6. Музыкант с лютней. Мужчина играет на трехструнной лютне в положении сидя. Голова, руки и ноги отломаны. Терракотовая статуэтка окрашена красным ангобом, датируется III-IV вв. Она получена лепкой, окрашена красным ангобом. Размеры - 10,2 х 3,4 х 3,7 см [2, 219].

Калаи Кофарнихон-7. Сидящий мужчина. У статуэтки отломаны руки и передняя часть головы. Терракота получена лепкой, окрашена коричневым ангобом. Размеры - 10 х 2,9 х 2,2 см [2,14]. Представленная поза характерна для статуэток, изображающих музыкантов.

Калаи Кофарнихон-8. Статуэтка с отбитой головкой, показывает мужчину, сидящего на троне. Он облачен в длинную одежду, в левой руке держит сосуд, в правой - пучок барсома [3,33]. Колени разведены. Изображению присуща определенная монументальность.

Калаи Кофарнихон-9. Нижняя часть статуэтки, изображающей сидящего человека в длинной одежде. Терракота оттиснута на штампе, покрашена желтым ангобом. В руках имеются предметы неясных очертаний. Не исключено, что произведение является копией терракоты, изображающей мужчину, сидящего на троне. В таком случае предметы на руках - это сосуд и пучок барсома.

Калаи Кофарнихон-10. Неокрашенная терракота показывает фигуру женщины в полный рост, которая облачена в длинную опоясанную одежду, с головы спускается накидка, достигающая земли. Правая согнутая рука держит сосуд, какой-то предмет неясной формы имеется и на левой руке.

Калаи Кофарнихон-11. Матрица предназначена для штамповки женщины в полный рост, у которой в правой руке сосуд, в левой - прутья, вероятно, барсома. Головной убор выделен вертикальными линиями, какое-то изображение имеется и на подоле.

Калаи Кофарнихон-12. Женский персонаж в одежде, показанный в полный рост, голова отбита. Верхняя одежда до колен, платье достигает земли. Оба элемента одежды широкие, образуют густые вертикальные складки, их края оформлены широкими полосками. В области талии складки верхней одежды сломлены, ниже этой линии полуборта сходятся. Разрез ворота платья - горизонтальный, от него до груди идет вертикальный разрез. Согласно этнографическим данным, такое платье было характерно для женщин, имеющих грудных детей.

Калаи Кофарнихон-13. Терракота изображает стоящую женщину, голова отбита. Статуэтка оттиснута на матрице, без ангоба. Имеет верхнюю одежду, подол которой достигает участка ниже бедер и длинное платье с вертикальными складками [3,16]. На кафтане видны горизонтальные складки.

Калаи Кофарнихон-14. Фрагмент статуэтки изображает часть женской фигурки от плеча до талии. Верхняя одежда, возможно накидка, спускается с плеча, образуя густые вертикальные складки. Правая рука приподнята к груди и держит предмет, похожий на плод. Кисть левой руки выглядывает из-под накидки и прижата к животу. Ткань рукава нижней одежды оформлена продольными рядами кружочков [3, 15].

Теппаи Шах. Среди находок из этого городища скульптура из глины и алебастра, терракотовые и каменные статуэтки, украшения, предметы туалета, монеты, посуда и пр. Антропоморфные статуэтки раскрашены и позолочены .

Теппаи Шах-1. Женская терракотовая статуэтка из Теппаи Шах имеет вид рельефа на пластинке. С обратной стороны пластинка выпуклая, ее нижняя часть выступает вперед и сужена. На лицевой стороне изображена обнаженная женщина. Голова статуэтки отбита. Она представлена строго фронтально, руки опущены, ладони обращены к зрителю. Хорошо выполнена моделировка фигуры. В узкой талии, очень широких бедрах, выпуклых грудях и животе отражены смелость и искусность художника. Моделировка ног произведена хуже. Слегка расставленные ноги, нет ощущения наличия колен, создается впечатление непропорциональности в длине бедер (укорочены), невозможно определить вид обуви. Шею украшают два ожерелья из бус, причем более длинное проходит между грудями. На плечевой части рук изображены браслеты. Такие украшения имеются и на запястьях, а также на ногах выше ступней. На бедрах низко привязан пояс, от которого свешивается листок, прикрывающий лобок. Статуэтка выполнена из красной глины, лицевая сторона и частично изнанка пластинки покрашена красно-коричневым ангобом. Она штампована в форме без дополнительной подработки. Общая высота статуэтки - 9 см, ширина на уровне плеч - 4 см, на уровне бедер - 5 см, на уровне ног - 2,3 см, максимальная толщина (живот) - 1,7 см, высота рельефа

- 0,6-0,9 см [7, 146, 209].

Теппаи Шах-2. Головка терракотовой статуэтки, изображающей женщину. На голове - высокий головной убор – тиара. Вытянутый и мягкий овал лица, нет ощущения выпуклости лица. Крупные черты лица, глаза приострены к внешней стороне. Брови крутые, есть разрушение внизу носа. Маленький рот, большой подбородок, массивный и мягко-округлый. В основание тиары есть горизонтальная полоса, слабо выделенная рельефно, верхняя часть сужена и оформлена радиально-вертикальными линиями. По бокам головной убор опускается до уровня ушей. Головка из красной глины и хорошо оттиснута в форме, с лицевой стороны и частично с обратной покрыта ангобом [7, 146-147, 226].

Теппаи Шах-3. Головка терракотовой статуэтки, изображающей женщину. Широкое лицо, высокий и широкий лоб, очень широкие округлые глаза, кончик носа оттянут вперед, есть ощущение курносости. Очень маленький рот, массивный подбородок, прическа или головной убор охватывает лицо сверху и по бокам, причем под ушами заходит вперед. Глина серая [7,147].

Теппаи Шах-4. Головка, оттиснутая в форме, которая была предназначена в качестве налепа к ручке или верхней части сосуда. В технике глубокого рельефа изображено широкое и округлое лицо улыбающегося персонажа. Слабоизогнутые брови сходятся на переносице. К правой ноздре, возможно, подвешена серьга. Волосы над лбом зачесаны назад, на них надет венец - гладкий ободок, поверх которого имеются два трапецеивидных зубца. От ободка опускаются два плоских наушника. Шею украшает ожерелье. Головка окрашена коричневым ангобом [7, 159].

Теппаи Шах-5. Нижняя часть терракотовой статуэтки сидящего персонажа. Представляет собой пластину, оштампованную глубоким рельефом. Возможно, левая рука была положена на колено. Колени широко расставлены, ноги опираются на выступ. Длина верхней одежды достигает земли. Складки на одежде между ногами идут косо. Длинная одежда достигала ступней. Из-под верхней одежды выступают складки нижней одежды. Лицевая сторона статуэтки окрашена оранжево-красной краской [7,147, 240].

Теппаи Шах-6. Статуэтка стоящего обнаженного мужчины. Опущенные руки прижаты к бедрам. Ладонь правой руки обращена к зрителю. В передаче головы чувствуется влияние буддийско-индийской иконографии. Гладкие пряди волос забраны наверх и на макушке собраны в узел. В ушах видны серьги. Плечи показаны широкими, талия узкой, ноги тонкими. Шею украшают гривна и ожерелье, запястья - браслеты. Подчеркнутые генеталии указывают на мужской пол персонажа. Статуэтка целиком покрыта черным ангобом [7, 150].

Тахти Сангин. На этом эллинистическом городище сохранилась лишь одна терракотовая статуэтка.

Тахти Сангин-1. Фигурка изображает мужчину, окутанного в гиматий. Головка отбита. Обнаруживший ее, И. Р. Пичикян описание и трактовку

статуэтки не представил [9, 238-254, 247-248].

Хазрати Амир. Из этой крепости в низовьях р. Кофарнихон (Кабодианский район) происходит одна терракота.

Хазрати Амир - 1. Терракотовая пластина кушанского периода из этой крепости, в целом, повторяет изображение обнаженной женщины, найденной в Теппаи Шах (ТШ-1). В образце из Теппаи Шах отбита головка, в фигурке же из Хазрати Амира отбит участок, изображающая часть тела ниже колен [6, 189-200, 194].

Халкаджар. Четыре терракотовые статуэтки кушанского времени найдены на городище Халкаджар, расположенного в долине Вахша (в 1,5 км к северо-западу от к. Сарбанд р-на А. Джоми). Одна из них изображает женщину, другие - мужчин, причем две мужские статуэтки оттиснуты на одном и том же штампе.

Халкаджар - 1. Фигура стоящей женщины в длинной одежде, лицо которой проработано довольно детально. Вытянутое лицо, широкие миндаловидные глаза, крупный тонкий нос, толстые губы, округлый подбородок. На щеках на уровне рта налеплены два кружочка. Высокий и массивный головной убор, образующий поверх лба две горизонтальные полосы, от которых вверх и в стороны расходятся линии, изобрающие складки. По бокам от головного убора опускаются до плеч подвески. Возможно, это – серьги или височные подвески. Оттиск туловища нечеткий. На груди показано двойное ожерелье или горловина одежды. Правая рука, возможно, согнута в локте и ладонью прижата к правому плечу. Не вполне ясно положение левой руки, кисть которой, возможно, прижата к животу или талии. Платье широкое и длинное, подол доходит до щиколоток, платье на участке от талии вниз образует многочисленные складки. Прямоугольное основание статуэтки совершенно не подработано. Ее обратная сторона подкруглая и подрезана ножом. Глина розовая, ангоб не сохранился. Размеры статуэтки: длина 10, 2 см, ширина 2,8 см, толщина 2,3 см. А. В. Седов отмечает, что прямых аналогий в кушанских статуэтках с учетом положения рук не обнаруживается [8, 297-309]. однако экземпляр такой статуэтки сохранился также в Сайёде (см. далее).

Халкаджар - 2 и Халкаджар - 3. Две мужские статуэтки оттиснуты на одном и том же штампе. У обеих фигурок головки отбиты. Мужчина одет в длинную, до колен, верхнюю одежду, перехваченную поясом. На шее – ожерелье с центральным квадратным элементом, хотя возможно, это – прорезь ворота. Длинные рукава образуют богатые складки. Тип кафтана – распашной или глухой, не проясняется. Кисть, согнутой в локте, правой руки лежит на животе. Ладонь вытянутой левой руки прижата к бедру. Широкие штанины забраны у щиколоток и образуют обильные складки. Широкими являются и мягкие сапоги персонажа. Ступни ног разведены в сторону – характерная черта кушанских анптропоморфных изображений. Изображение пластинчатой формы (с фоном), пластина трапецеивидной формы, с расширением книзу. Размеры статуэтки: длина без головки 8,8 см, ширина 3,7 см (у плеч), толщина

2,4 см. Тыльная сторона закруглена и подрезана ножом. Глина красная, покрыта красно-коричневым ангобом. Иконографически статуэтка имеет большое сходство с каменной статуей Канишки из Матхуры (Индия). Отличия заключаются в отсутствии меча на правой руке и одеяние.

Халкаджар - 4. Третья мужская статуэтка, скорее всего, отражает тот же образ. Она представляет собой более массивную пластинку, изображение на которой представлено в глубоком рельефе. Сохранилась лишь нижняя часть изображения – от пояса вниз. Кафтан и штаны имеют те же особенности. На талии – набоный пояс, который показан цепочкой из соединенных между собой пяти колец. Терракота из светлой глины, покрыта красным ангобом. Фрагменты подобных терракот сохранились в Халчаяне [8, 297-309].

Сайёд. Четыре из пяти найденных в Сайёде статуэток изображают женщин, причем все они представлены в стоячем положении.

Сайёд-1. Правая рука изображенного женского персонажа (Д. Довуди считает его мужчиной) прижата к груди, кисть левой руки находится у живота и опирается на какой-то длинный предмет, доходящий до ступни ноги. Длинное платье образует обильные складки. Ступни ног закрыты под подолом платья. Густые волосы на голове спускаются с двух сторон лица на плечи. На голове персонажа корона, инкрустированная драгоценными камнями. Шею украшают два ожерелья. Лицо округлое, нос узкий и с горбинкой, рот маленкий, брови дугообразные, глаза узкие миндалевидные. На лбу и щеках видны три родинки [4, 47-48].

Сайёд-2. Изображенная женщина двумя руками приподнимает к груди какой-то предмет неясной формы и вида. На шее – два ожерелья. Небольшое выпуклое лицо, миндалевидные глаза, прямые брови, кончики которых приподнимаются вверх. Высокий головной убор, видимо келаф.

Сайёд-3. У этой статуэтки отломана головка. Женщина наряжена в длинное платье, по двум краям которой идут вертикальные зигзагообразные линии. Кисть правой руки женщины ласкательно положена на голову ребенка, стоящего перед ней. Левая рука героини прижата к груди, которые показаны небольшими выпуклыми окружностями с точкой посередине. Представленная иконография присуща богине Анахите [4,48]. Аналогичная терракота, опять же с отбитой верхней частью, обнаружена на городище Чимкурган (район Шахринав) [1, 225]. Следовательно, при кушанах существовал канонизированный образ богини с ребенком, распространившийся в долинах Вахша и Гиссара и, скорее всего, по всей Северной Бактрии [4, 47-50].

Сайёд-4. Изображение богини, видимо, обнаженной, сохранилось фрагментарно, без головки и рук. Терракота плоская. Груди показаны небольшими круглыми выпуклостями. Между грудями – перекрещивающиеся ленты. Талия охвачена шнуром. На участке бедер рельефом выделен аркообразный рисунок из двух полос, между полосами показаны фигуры овальной формы. Возможно, это изображение полосы ткани [4, 122].

Сайёд-5. Антропоморфная статуэтка из Сайёда изображает мужчину в

островерхом головном уборе. Обломанная у локтя левая рука протянута вперед. Правая рука и ноги полностью отбиты. Поза персонажа дает основание полагать, что героем произведения является всадник [4, 115, 122]. Терракоты, изображающие всадника, сохранились также в Саксонохуре, Халкаджаре, Кампиртеппе, Ак-кургане, Халчаяне, Тали Барзу и многих других бактрийских памятниках [10, 97-102]. Г.А. Пугаченкова интерпретирует такой тип как образ обобщенного бога – покровителя степного всадничества.

Кейкобадшах

Кейкобадшах-1. Статуэтка изображает сидящую на постаменте женщину, ноги которой согнуты в коленях. Она одета в глухую рубаху с глубоким горизонтальным разрезом ворота. Верхней одеждой служит халат, напоминающий кафтан кушанского типа. Правая пола халата перекрывает левую, начиная с области талии и далее ее треугольный край доходит до левой границы контура тела. Левая рука полусогнута в локте и ее кисть лежит на животе, под правой полой халата. Левая рука также согнута на локте и приподнята к груди. Этой рукой женщина держит сосуд в форме стакана (кубок). На голове персонажа шарф или платок, концы которой охватывая с двух сторон контуры лица огибают плечи и свисают вниз по бокам фигуры. Лицо округлое, в реалистической манере показаны глаза, брови, нос и рот [5, 329].

Место неизвестно-1. К случайным находкам из Вахшской долины имеет отношение женская статуэтка (в источнике точное место находки не указано). Она оттиснута штампом по хорошей глине и покрыта светлым ангобом. Женский персонаж стоит во весь рост, правая рука приподнята и прижата к груди, левая – в полусогнутом положении и кисть находится на уровне живота. Головка статуэтки отбита. Женщина одета в длинную широкую одежду с многочисленными складками, на шее – ожерелье или венок из побега с листьями [10, 97-102].

Как видим, в Вахшской долине есть много обломков антропоморфных статуэток, восстановить тип которых на основе сохранившихся деталей невозможно.

Изучение показало наличие следующих образов, представленных на статуэтках из Вахшской долины и низовьев Кофарнихона: обнаженная богиня; богиня с короной и прижатой к груди правой рукой; богиня с ребенком; сидящая богиня с кубком в руке; мужчина в эллинистической одежде; кушанский правитель; всадник; музыкант с лютней и др.

Широкое типологическое разнообразие терракотовых фигурок и плакеток связано, как с технологическими причинами (например, деформацией или искажением размеров и форм при переходе от матриц к патрицам и наоборот), так и с трансформациями образов, связанных с синтезом культур, сменой идеологии и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1.Атаханов Т.М. Археологическая карта Таджикистана. Гиссарская долина (Гиссарский, Шахринавский и Турсунзадевский районы). –Душанбе, 2015. –332 с.
2.Бобомуллоев С. Древнейшая и древняя история Гиссара. –Душанбе, 2015. –206 с.
3.Бобомуллоев С. Калаи Кафирниган (Каталог находок 2007-2013) / С. Бобомуллоев, Х. Тошитака. -Душанбе, 2013. -74 с.
4.Довуди Д. Кушанское городище Сайёд/Д. Довуди, А. Шарифзода (тадж.). –Душанбе: ЭР-граф, 2017, 2019. –Кн. 1. –112 с.; Кн. 2. –220 с.
5.Дьяконов М.М. Древняя Бактрия // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. -М.: Гос. изд-во культурно-просветительской литературы, 1954. -С. 305-334.
6.Зеймаль Т.И. Раскопки замка Хазрати Амир в 1983 г//АРТ. –Вып. 22 (1983 г.). – Душанбе: Дониш, 1991. -С. 189-200.
7.Литвинский Б. А. Тепаи-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии/Б.А. Литвинский, А.В. Седов. –М.: Наука, 1983. –240 с.
8.Седов А.В. Работы на Халкаджаре в 1981 г// АРТ. –Вып. 21 (1981 г.). –Душанбе: Дониш, 1988. – С. 297-309.
9.Пичикян И.Р. Раскопки Тахти-Сангина в 1982 г//АРТ. –Вып.22 (82). –Душанбе: Дониш, 1990. –С. 238-254. –С. 247-248.
10.Тихонов Р.В. Случайные находки терракотовых статуэток из Таджикистана// ЗИИМК. – Вып. 23. –СПб.: ИИМК РАН, 2020. -С. 97-102.

АНТИЧНАЯ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ТЕРРАКОТА ДОЛИНЫ ВАХША И НИЗОВЬЕВ КОФАРНИХОНА

В статье рассматриваются античные и раннесредневековые терракоты, найденные археологами в долине Вахше и нижнем течении реки Кофарнихон. Проведенный анализ и сопоставление находок дало представление о технике получения статуэток, элементах стилизации в изображениях, принципах иконографии в искусстве того периода. Кроме того, в статье затронут вопрос об отражении в искусстве коропластики элементов эллинистической, буддийской и зороастрийской культур в их взаимовлиянии, а также трансформация культовых образов в условиях местных традиций.

Исследование выявило широкое типологическое разнообразие терракотовых фигурок, что связано как с технологическими причинами (например, деформацией или искажением размеров и форм при переходе от матриц к патрицам и наоборот), так и с трансформациями образов под влиянием синтеза культур, смены идеологии и т.д.

На представленных материалах автор подчеркивает, что изучение терракоты имеет большую научную ценность, так как анализ сохранившихся художественных произведений даёт знания о традициях и ритуалах, образах почитавшихся богов и богинь, других культовых персонажей.

Ключевые слова: *Средняя Азия, Таджикистан, Вахш, Кофарнихон, античность, религия, культура, изобразительное искусство, терракота, коропластика.*

ҲАЙКАЛЧАҲОИ ГИЛИИ ҚАДИМӢ ВА АСРИМИЁНАГӢ ДАР ВОДИИ ВАХШ ВА ПОЁНОБИ КОФАРНИҲОН

Дар мақола, дар бораи терракотаҳои қадимӣ ва давраи ибтидои асрҳои миёна, ки бостоншиносон аз водии Вахш ва поёноби дарёи Кофарниҳон ёфтаанд, сухан меравад. Таҳлил ва муқоисаи бозёфтҳо имконият фароҳам овард, ки дар бораи тарзҳои ба даст овардани ҳайкалчаҳо, унсурҳои ба услубдорӣ дар тасвир ва қоидаҳои муқаддаснигорӣ дар санъати он давра тасаввурот пайдо кунем. Илова бар ин, дар

мақола ба масъалаи дар санъати ҳайкалчасозӣ таҷассум ёфтани унсурҳои фарҳангҳои эллинистӣ, буддоӣ ва зардуштӣ дар таъсири мутақобилаи онҳо, инчунин табдили симоҳои муқаддас дар заминаи анъанаҳои маҳаллӣ дахл карда мешавад.

Муаллиф дар асоси маводи пешниҳодшуда таъкид мекунад, ки омӯзиши терракота аҳаммияти бузурги илмӣ дорад, зеро таҳлили осори бадеии боқимонда дар бораи расму ойинҳо, тасвирҳои худою олиҳаҳо ва дигар қаҳрамонҳои муқаддас маълумот медиҳад.

Тадқиқоти мазкур гуногунрангии васеи типологии ҳайкалчаҳои терракотаро ошкор кард, ки бо сабабҳои технологӣ (масалан, деформатсия ё таҳрифи ҳаҷмҳо ва шаклҳо ҳангоми гузариш аз матритсаҳо ба патрисаҳо ва баръакс) ва бо табдили тасвирҳо дар зери таъсири синтези маданиятҳо, тағйири идеология ва ғайра алоқамонданд.

Калидвожаҳо: *Осиёи Миёна, Тоҷикистон, Вахш, Кофарниҳон, антиқа, дин, фарҳанг, санъати тасвирӣ, терракота, ҳайкалча.*

ANTIQUE AND EARLY MEDIEVAL TERRACOTTAS FOUND OF THE VAKHSH VALLEY AND THE LOWER KOFARNIKHON

The article deals with ancient and early medieval terracottas found by archaeologists in the Vakhsh valley and the lower reaches of the Kofarnikhon River. The analysis and comparison of the finds gave an idea of the technique of obtaining statuettes, the elements of stylization in images, and the principles of iconography in the art of that period. In addition, the article touches upon the issue of the reflection in the art of coroplasty of elements of the Hellenistic, Buddhist and Zoroastrian cultures in their mutual influence, as well as the transformation of cult images in the context of local traditions.

The study revealed a wide typological diversity of terracotta figurines, which is associated both with technological reasons (for example, deformation or distortion of sizes and shapes when moving from matrices to patricians and vice versa), and with transformations of images under the influence of the synthesis of cultures, change of ideology, etc.

Based on the presented materials, the author emphasizes that the study of terracotta is of great scientific value, since the analysis of surviving works of art provides knowledge about traditions and rituals, images of revered gods and goddesses, and other cult characters.

Key words: *Central Asia, Tajikistan, Vakhsh, Kofarnihon, antiquity, religion, culture, fihe arts, terracotta, coroplasty.*

Сведения об авторе:

Сайфуллоева Шахноза Изатуллоевна - Институт истории археологии и этнографии им. А. Дониша. Телефон: (+992 37) 985843505. E-mail: saifulloeva86@mail.ru.

Маълумот дар бораи муаллиф:

Сайфуллоева Шаҳноза Изатуллоевна-унвонҷӯйи Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи А. Дониш. Телефон: (+992) 985843505. E-mail: saifulloeva86@mail.ru.

Information about the author:

Saifulloeva Shakhnoza Izatulloevna - A. Donish Institute of the History of Archeology and Ethnography. Phone: (+992 37) 985843505. E-mail: saifulloeva86 @mail.ru.

УДК 902.6 (575.3)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОБРАБОТКА МЕТАЛЛА В ТОХАРИСТАНЕ И СОГДЕ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

СОХИБНАЗАРОВ М. Д.,
Технологический университет Таджикистана

Материалы археологической науки подтверждают развитое состояние отрасли по обработке металла для эпохи раннего средневековья. В изготовлении разнообразных изделий находило применение железо. Среди таких предметов в числе находок преобладают предметы вооружения (наконечники стрел, наконечник копья, кинжалы, мечи, панцырные пластины, чешуйчатые шлемы) и домашний инвентарь (ножи, гвозди, дверные цепочки, скобы, принадлежности конской сбруи, серпы, топоры, лопаты, наковальни и др.). Бронза использовалась в изготовлении бубенчиков, замков и ключей, игл, разнообразных украшений, зеркал, пряжек для ремней, курильниц, светильников и пр.

Художественной обработке подвергались бронза и драгоценные материалы (золото, серебро), которые превращались мастерами в предметы торевтики, ювелирные изделия, медальоны с портретами аристократических особ, металлические статуэтки и др.

Тахористан. В одной из могил некрополя Лахш II в долине Рашта вместе с костяком похороненного мужчины находились меч с обоюдоострыми сторонами, серебряная чаша и золотая брошь, инкрустированная красным сердоликом. Брошь лежала у груди мужчины, следовательно, ею были сведены вместе полуборта верхней одежды [4, 110-117].

Серебряная чаша с позолотой для этой тохаристанской территории Таджикистана остается единственным предметом торевтики. Диаметр горловины сосуда - 24 см, высота – 6 см, диаметр ножки – 6 см, высота ножки– 0,8 см. На донце чаши с внутренней стороны по центру позолоченного круга выгравировано изображения двух фруктовых деревьев. Между ними на золотистом холме на берегу озера или речки в окружении кувшинок или золотистых тюльпанов шагает полуобнаженная женщина. На ее плечи наброшен легкий шарф (обработан позолотой). По обоим краям шарфа имеются по три кисточки. Руки и ноги женщины украшают золотые браслеты, на шее ожерелье. Бедра охватывает золотой пояс. С плеч свешиваются две короткие косички со срезанными кончиками волос. Изображение деревьев стилизовано. Фруктами являются гроздья винограда, хотя листья не виноградные. Другой бесподобный признак заключается в том, что в декоре

других домусульманских находок предметов торевтики иранского мира (сасанидских, согдийских и пр.) данная сцена больше не встречается [18, 188-190]. В.С. Соловьев видит в представленном образе олицетворение фигуры прекрасной якшини, чье изображение помогало мастерам легко и дорого продать свой товар [12, 331].

Из мавзолея святого Бурха в долине Рашта происходит двухярусная железная курильница (или светильник), оформленная фигурками четырех животных одного и того же вида. Археолог Ю. Якубов идентифицирует их в качестве горных баранов и отмечает, что иконографические особенности указывают на доисламское происхождение предмета [17, 299]. Вместе с тем, если учесть связь между образом святого Бурха и культом горного козла, можно полагать, что зооморфные изображения соответствуют фигуркам не баранов, а горных козлов [5, 181-189].

Интересной является бронзовая уховертка из городища Ширкент (Турсунзадевский район), ручка которой отлита в виде фигурки якшини (высота фигурки 3,4 см, общая высота предмета 5,7 см). Дух природы изображен в виде женщины, обнаженной до пояса. По ее позе создается впечатление, что она находится в движении. Через правое плечо якшины переброшен шарф, концы которого она держит в своих руках. На макушке головы фигурки имелось отверстие для продевания нитки, значит, уховерку носили как подвеску [12, 331].

В составе клада VII - начала VIII вв. из селения Хоит в долине Рашта фигурируют золотая подвеска в виде статуэтки женщины, индикация с портретом византийского императора, подвесочка в виде маленкого шарика и часть бронзового зеркала. Зеркало интересно тем, что имеет не круглую, а квадратную форму, однако декорировано обычным для таких предметов узором - изображения птиц, зверей на растительном фоне (гроздья винограда). Золотая подвеска изображает женщину в складчатой одежде с длинными рукавами, талию охватывает пояс. Груди были обозначены инкрустацией, на местах утраченных цветных камней остались углубления. Волосы собраны на затылке шарообразным пучком. Этот шар оснащен петлей для продевания нити. Нижняя часть фигурки - ноги и край подола отломаны.Цветными камнями также были инкрустированы головной убор и серьги. Лицо женщины устремлено на предмет, который она держит в приподнятой левой руке. Данный предмет имеет растительный вид, его украшали цветные камешки. Правая рука опущена и прижата к телу. Статуэтке, особенно при просмотре со спины, присущи пластичность, стройность фигуры, изящный изгиб талии, красивый поворот головы и шеи. Е.К. Тревер, попытавшаяся идентифицировать представленный персонаж, связывает иконографию статуэтки с образом богини Анахиты с ее ипостасями [14, 130-146].

Согд. В VII-VIII веках на территории многих стран Европы и Востока распространилось влияние сначала сасанидского, а затем сменившего его арабского искусства, особенно в области торевтики, узорного ткачества,

художественного камня. Высокое качество и глубокое содержание художественных произведений сасанидских и арабских мастеров признавали даже в Древней Руси, Франции, Китае. Однако названия «сасанидское искусство» и «арабское искусство» были присвоены двум эпохам истории всего Ближнего и Среднего Востока (периоды могущественной империи Сасанидов и Арабского халифата) условно. В действительности, оба эти искусства возникли, прославились благодаря деятельности мастеров из разных районов, они являются достижением всех народов, которые были объединены в рамках государства Сасанидов и Арабского халифата.

Сасанидский металл-это золотые, серебряные и бронзовые предметы, которые изготовлялись и в Иране, и в подконтрольной Сасанидам районах Центральной Азии, и на Кавказе. Отдельные так называемые сасанидские художественные предметы на самом деле являются произведениями согдийских и хорезмийских мастеров.

С другой стороны, художественный металл не принимает тесные рамки замкнутых в себе отдельных художественных школ. Не случайно, среди ремесленников мастеров по золоту считали наиболее бродячим сообществом. Соответственно, некоторые формы металлических сосудов, их отдельные декоративные темы и изобразительные сцены также были странствующими, скитальческими, они возникали и в Иране, и на Кавказе, и например, в Согде.Большая близость проявляется особенно в изображениях на культово-мифологическую тематику, основу которых составляют древневосточные и античные образы. Они были в обращении среди всех народов, которые наследовали восточно-эллинистическую культуру, в том числе на христианском Востоке, Руси, в Византии. Местные особенности проявлялись преимущественно в светских сюжетах: в изображении царской семьи, сценах народных ритуалов и праздников, в темах на основе народных легенд и сказок.

Благодаря усилиям археологов и искусствоведов стало известно, что в Согде искусство художественной обработки металла в ту пору достигло очень высокой степени развития. До наших дней сохранились многочисленные образцы согдийской торевтики с очаровательными узорами, хотя эти предметы были найдены за пределами указанного региона (преимущественно в России). В декоре этих изделий, наряду с растительно-геометрическими узорами, встречается также немало композиций, отражающих разные сцены жизненного характера.

Согдийский, и в более широком смысле сасанидский, металл имел целый ряд любимых тем и мотивов. Это, прежде всего, изображения царя, по большей части нереалистичные и преувеличенные. В них схожесть изображения с реальным образом условная. Нередко он грозно сидит в обществе своих близких, иногда высокомерно и беспечно, в часы отдыха полулежа, наслаждаясь жизнью, иногда верхом на лошади ранит зверя, не теряя при этом спокойствие и хладнокровие, что является признаком отваги.

Художникам по металлу нравилось изображать сцены охоты. При этом

они могли нарушить принятые идеалы в представлении богатых персонажей-охотников, развивая сюжеты, особенно в изображении жищных зверей. Одним из лучших произведений восточного серебра VI-VII веков является роспись «Согдийский охотник». В декор этого блюда из фондов Государственного Эрмитажа имеется много схожести со сценой битвы сасанидского царя Шапура II со львами, представленной на иранском блюде IV века. Всадники мчат своих коней галопом и, обращаясь назад, стреляют из лука. Кроме того, следует отметить близость этих двух иллюстраций с варахшинской сценой битвы всадника с хищниками.

К числу согдийских предметов V-VIII веков относится серебряное блюдо с изображением осады крепости - сцена, весьма распространенная в «Шахнаме». В этом артефакте фигуры всадников и обороняющихся показаны наивнее и грубее, чем на классическом иранском металле. Зато в передаче образов проявляются более реалистичные пламенность и жизненность. Ведь в искусстве Сасанидского Ирана в образах героев было принято допускать преувеличения, чем достигался баланс изобразительного произведения.

Глубоко выраженная местная особенность также присуща свадебной сцене, представленной на позолоченном серебряном блюде. Своим особым местным колоритом отличается и другое серебряное блюдо, хранящееся также в Эрмитаже. На его наклонной поверхности изображена сцена битвы двух пеших богатырей в доспехах. Они расположились друг против друга, бросив на землю свои секиры и щиты. Их тяжелое снаряжение показано прекрасно, с подчеркиванием мельчайших деталей. Кольчуги имеют форму длинных кафтанов, из под которых просматриваются горизонтально расположенные металлические кольца. Головные убора конической формы, их острые концы приподняты, шеи воинов защищают наплечные панциры. Художник изображает типичную для своего времени сцену и не подается эмоциям. Историки того времени также спокойно расказывают про обычаи проведения в Самарканде и Фергане соревнований и единоборств по случаю празднования Нового года (Навруза).

С современной точки зрения, искусство VI-VIII веков не знало бытовых сцен. Возможно, художник той эпохи своим творческим стилем считал батальную тематику, к которой относятся сцены осады крепостей и единоборства. Он обращал внимание на мельчайшие детали в изображении героя произведения: особенности костюма, тонкости вооружения, черты, указывающие на его положение и статус. В согдийской торевтике также показываются дворцовые обычаи и ритуалы, но и в этом случае ярко выражен местный идеал рыцарства.

Культура Согда позаимствовала некоторые формы в искусстве Ирана и, в свою очередь, обогатила его свойственными себе чертами. Как пример можно указать на серебряные сосуды с кольцеобразными ручками. Ручками для них служат пластины с рельефными уизображениями. Серия таких предметов хранится в Государственном Эрмитаже. По форме они близки тюркской и

согдийской керамике, а также металлическим предметам древних хакасов с берегов Енисея.

Согдийскими могут быть и серебряные блюда с изображением четырехрукого божества. В его двух приподнятых руках показаны символы молодой Луны и Солнца, а в двух других, опущенных, руках находятся скипетр и кубок. На двух сосудах это божество показано сидящим, подобно тому, как показаны правители в пенджикентской живописи.

В рассматриваемом контексте также привлекают внимание группа серебряных кувшинчиков, обнаруженных в России, в декоре которых представлены танцовщицы, расположившиеся под арками. Искусствоведы неоднократно указывали на вероятность согдийского происхождения этих предметов. По пространственности и пластике рисунка указанные предметы имеют много общего с другими произведениями согдийского художественного ремесла того времени.

Имеются основания считать кувшин из Эрмитажа, украшенного изображением крылатого верблюда, произведением согдийских торевтов. Так, в росписи восточного зала Варахши показан трон правителя Бухары в виде фигуры крылатого верблюда. Заметка в китайской хронике «Бейши» подтверждает, что бухархудат сидел на золотом троне в виде верблюда [15,109]. Эта заметка согласуется и с сообщением А. Фирдавси в «Шахнаме» [9,420-422]. В Самарканде недалеко от канала Даргом сохранился фрагмент бронзовой статуэтки верблюда в виде ноги длиной 107 см. Очевидно, статуэтка была изготовлена в натуральный размер этого животного [11,95-102]. Фрагмент керамики с изображением крылатого верблюда обнаружен на цитадели Пенджикентского городища [6,14]. Эти находки и сообщения практически доказывают согдийскую сущность тематики крылатого верблюда.

На серебряном блюде из Сибири показан сидящий на троне царь. Под его изображением можно увидеть фигуры двух лежащих львов, защищающих правителя. Их головы повернуты в противоположные стороны. С двух сторон аристократические слуги передают царю какие-то предметы.

С верой в существование загробного мира связана тема декора серебряного блюда из Урала. Среди больших листьев акканта показаны две собаки, смотрящие в противоположные стороны. Они охраняют подвешенный к куполу ящичек - оссуарий зороастрийцев, украшенный символами Солнца и Луны. Изображение священных для зороастрийцев животных также является признаком того, что в декоре представлен религиозный ритуал погребения. Отдельные признаки указывают на согдийское происхождение этого предмета. Так, в Согде сохранились многочисленные образцы оссуариев. С другой стороны, согдийские оссуарии, подобно хорезмийским, в отличие от персидских, являлись декорированными. В их украшении помимо антропоморфных образов, растительного и геометрического узора, встречаются и солярные симводы

В период включения региона в состав Арабского халифата

распространились своеобразные бронзовые статуэтки, изображающие уродливых. Фигурка из Музея истории АН Узбекистана изображает одноногого мужчину в шлеме, у которого одна рука отрезана. У мужчины один глаз выбит, а посередине грудной клетки видны два крупных отверстия разного диаметра. Другая бронзовая статуэтка показывает фигуру хромого мужчины без одежды. У него только одно ухо и уродливые руки. Такая же фигурка найдена во время строительных работ на Южно-Ферганском канале. Представленный хромой персонаж имеет только одно ухо, он сидит на волке и держит впереди себя младенца. Такие статуэтки обнаружены в широких географических пределах, включающих на севере Казахстан и южные районы России.

В Пенджикенте, в местечке Чубистан близ озера Аловиддин, которое в то время входило в состав паргарского Буттамана, найдена бронзовая статуэтка согдийского царя, сидящего на коне. Отдельные ее части отлиты самостоятельно и затем соединены между собой. Размеры статуэтки: высота 37 см, длина 24 см, вес 2,54 г. Изящно выполнено изображение коня, где подчеркнуты даже сплетенные волосы на гриве. Царь показан в образе высокого молодого мужчины с мощными предплечьями. У него на руках булава с шестью ребрами. Оба запястья украшают браслеты, на шее гривна. Зрачки глаз были обозначены драгоценными камнями (не сохранились). Корона на голове царя имеет вид трилистника, с двух его сторон к ней подвешены кольца. К верхней части короны прикреплена фигурка птицы, которая удерживает в клюве колечко. По обеим щекам мужчины до уровня скул спускаются сплетенные косички. Его уши украшали большие серьги с подвесками, инкрустированными лазуритом (одна из серег утеряна) [10, 86-88].

Бронзовая статуэтка из Калаи Нофин (бассейн реки Магиан в верховьях Зеравшана) изображает женщину, скрестившую руки на груди [13,106-107].

В одном из Пенджикентских храмов (объект II) обнаружены два экземпляра округлой формы тонкостенного серебряного медальона (один из них фрагментированный). Всю лицевую поверхность медальона занимает чеканный мужской портрет в профиль. Мужчина средних лет, без бороды и усов, с треугольным разрезом горловины одежды. Его голову венчает диадема, украшенная декоративной лентой с развевающими концами. Очевидно, это изображение какого-то вельможи, возможно правителя [8, 233-234].

Заметное место в согдийской торевтике занимает изображение реальных и мифических животных. Некоторые находки железных изделий из городища Каратепа на Нурпайе изображают фантастические существа (змеи с головой козла или барана). Эти предметы имеют длину 14 - 15 см и изготовлены из витой проволоки толщиной 1-1,2 см. Их изнаночная сторона сплюснута. Можно полагать, что они служили частьями конского снаряжения [7, 52-53].

В Согде, как и сопредельных странах, в виде фигуры животного, нередко фантастического, делали также опоры престола. Об этом известно по ряду источников: настенной живописи Варахши, Пенджикента, Бунджиката, эпосу

«Шахнаме» и др. В устройстве этого важного символа власти находил применение и художественный металл. Золотисто-розовый цвет ножек трона, изображенного на одной из пенджикентских росписей, указывает, что они отлиты из золота или бронзы. Эти ножки имеют вид крылатых баранов. Мощные рога, завернутые назад, содержат возрастные бугры. В росписи двух частных домов (помещения 2 и 13 объекта XXIV) изображена чета богов, сидящими на тронах с опорами в виде животных: для мужского бога это верблюд, для его супруги - горный баран. Кроме того, они держат в своих руках фигурки соответствующих животных [16,151].

Бирюзовый трон в виде фигуры барана упомянут в «Шахнаме»: его подарил Кайкавус богатырю Рустаму.

Выше отмечалось, что трон правителя Бухарского Согда - бухархудата опирался на фигуры крылатых верблюдов. Трон правителя Уструшаны изображал фигуру золотистого коня. В одном из росписей Калаи Кахкаха показана скамья, ножки которой напоминают фигуры собак [9, 420-422].

Опора трона, на которых сидит четырехрукая богиня Анахита, в росписи пенджикентского храма II показана в виде фигур крылатых львов, которые смотрят в разные стороны [16,149-150].

Из ряда памятников этого периода, в том числе Пенджикента, Сарводы (Айнинский район). Наукета (в долине Ферганы), происходят бронзовые бубенчики разного вида, которые возможно, служили подвесками на одежде или в конском снаряжении. Некоторые из них сферообразные, имеют колечки для подвешивания и один или два разреза. Для воспроизведения звука служил размещенный внутри бубенчика металлический шарик.

Другой вид бубенчиков получали соединением вместе двух миниатюрных бронзовых «рюмок». Для их соединения служили колечки, выступающие на уровне венчика. Если внутри такого предмета разместить металлический шарик, он превратиться в своеобразный бубенчик. Хотя нельзя также исключить возможность использования таких предметов в качестве амулетов. Поверхность некоторых» рюмочек» содержит растительный узор [1, 36-39; 2, 36-38].

Бронзовые и железные бубенчики из Сарводы вместе с ювелирными изделиями, зеркалами и другими предметами лежали в ящике, который был спрятан в пещере вместе с деревянным идолом. Если эта статуя действительно изображает бога Митры, тогда вещи в сундуке могли быть жертвенными предметами. В таком случае, для последователей учения зороастризма бубенчики имели культовое значение.

Бубенчик составляет основу узора в орнаментированных бляхах сердцевидной формы, которые найдены на указанных городищах, а также в Сукулуке (в Ферганской долине). Фигуру бубенчика обрамляет гибкая ветка или лоза с гроздьями винограда [19, 39-45].

Это означает, что в раннем средневековье согдийцы, как и жители Ферганы, верили в свойство бубенчиков отгонять злые духи.

Один из вариантов применения бубенцов показан в живописи зала № 8 объекта II. На одном из сохранившихся фрагментов сохранились фигуры четырех сидящих людей, один из которых - обнаженная женщина, возможно танцовщица. На ее груди перекрещиваются две перевязи, перекинутые через плечи. Одна из перевязей увешена большим числом расположившихся в один ряд бубенцов. Еще один бубенец, но уже большего размера, подвешен к ожерелью, которое украшает шею женщины. Среди пенджикентских находок такие, сферической формы, бубенцы встречаются часто [3, 91-92].

Таким образом, в материальной культуре Тохаристана и, особенно, Согда эпохи раннего средневековья художественный металл занимал важное место. Тематика декора этих предметов, в целом, соответствовал направлениям, свойственным оформлению произведений других областей изобразительного и декоративно-прикладного искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1.Байпаков К.М. Бубенцы, полубубенец и амулеты-«самоварчики» из коллекции средневекового города Невакет//К.М. Байпаков, Г.А. Терновая//Археология и история Центральной Азии. –Самарканд, 2004. -С. 36-39.

2.Беленицкий А.М. Археологические работы в Пенджикенте//Краткие сообщения Института истории материальной культуры России. –Вып. 55. –М.: Изд-во АН СССР, 1954. -С. 31-47.

3.Беленицкий А.М. Раскопки на городище древнего Пянджикента (в 1953 г.)// Краткие сообщения Института истории материальной культуры. –Вып. 60. –М.: Изд-во АН СССР, 1955. - С. 80-96.

4.Каландарова О.И. Золотая брошь с сердоликом из Ляхша II//Проблемы археологии и истории Таджикистана. К 80-летию со дня рождения академика АН РТ Ю. Я. Якубова. - Душанбе: Дониш, 2017. - С. 110-117.

5.Кисляков Н.А. Бурх-горный козел (Древний культ в Таджикистане)//Н. А. Кисляков//Советская этнография. -1934. -№ 1-2. -С. 181-189.

6.Курбанов Ш.Ф. Раскопки объекта XXVI в 2013 г.//Ш. Ф. Курбанов, П. Б. Лурье// Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. -Вып. 17. -СПб., 2014. -С. 4-16.

7.Манылов Ю. П. Археологические исследования городища Каратепе на Нарпае/Ю. П. Манылов//История материальной культуры Узбекистана. –Вып. 21. –Ташкент: Фан, 1987. - С. 45-55.

8.Маршак Б. И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1986 г./Б.И. Маршак, А.М. Беленицкий, В.И. Распопова//Археологические работы в Таджикистане. –Вып. 26 (1986 г.). –Душанбе – Худжанд, 2005. –С. 224-270.

9.Негматов Н.Н. Находки скульптурных головок и других изделий из Исфаринской долины/Н.Н. Негматов, А.К. Мирбабаев//Археологические работы в Таджикистане. – Вып. 19 (1979 г.). –Душанбе: Дониш, 1986. –С. 413-431.

10.Раззоқов А. Бозёфти муҷассамаи шоҳи суғдӣ/А. Раззоқов//Муаррих. -№3-4(8), 2016. – Душанбе, 2016. -С. 86-88.

11.Ремпель Л. И. Фрагмент бронзовой статуи верблюда из Самарканда и крылатый верблюд Варахши (к вопросу о природе согдийского искусства)/Л.И. Ремпель//Средняя Азия в древности и средневековье (История и культура). -М.: Наука, 1977. -С. 95-102.

12.Соловьев В. С. Раскопки на поселении Ширкент в 1984 г./В.С. Соловьев// Археологические работы в Таджикистане. –Вып. 24 (1984). –Душанбе: Дониш, 1993. –С. 326-334.

13.Ставиский Б.Я. Работы Магианской группы в 1959 г./Б. Я. Ставиский// Археологические работы в Таджикистане. -Вып. 7. -Душанбе, 1961. -С. 106-107.

14.Тревер К.В. Золотая статуэтка из селения Хаит (Таджикистан) (к вопросу о Кушанском

пантеоне) /К.В. Тревер//Культура и искусство античного мира и Востока. Т. 2. - Л.-М.: Искусство, 1958. -С. 130-146.
15.Шишкин В.А. Варахша. Опыт исторического исследования/В.А. Шишкин. -М., 1963. -250 с.
16. В.Г. Шкода, Б.И. Маршак и живопись Пенджикента (Метод исследователя)/В.Г. Шкода//Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. На основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Б.И. Маршака. - СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2013. –С. 147-158.
17.Якубов Ю. Археологические памятники древнего Рашта и Дарваза (работы 1982 г.) / Ю. Якубов//Археологические работы в Таджикистане. –Вып. 22 (1982). –Душанбе: Дониш, 1990. – С. 291-300.
18.Якубов Ю. Археологические памятники Ляхша (исследование 1978 г.)/Ю. Якубов //Археологические работы в Таджикистане. –Вып.18 (1978). –Душанбе: Дониш, 1984. -С. 178-193.
19.Якубов Ю. Религия древнего Согда//Ю. Якубов. -Душанбе: Дониш, 1996. -251 с.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОБРАБОТКА МЕТАЛЛА В ТОХАРИСТАНЕ И СОГДЕ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Статья посвящена разработке вопроса об использовании металла в производстве художественных изделий в период накануне арабского завоевания Бактрии - Тохаристана и Согда. Отмечается, что металл занимал важное место как материал для изготовления изделий изобразительного и декоративно-прикладного искусства.

Приводятся систематизированные сведения об археологических находках предметов художественного металла в каждом из регионов. Описанию подлежат посуда, курильница, предметы украшения и гигиены, статуэтки людей, фугурки животных, бубенцы. География находок предметов торевтики, в частности согдийских, далеко выходит за пределы рассматриваемых территорий, что обусловлено в развитым состоянием культурно-торговых связей. На конкретных материалах автор дает собственную трактовку согдийского происхождения ряда изделий художественного металла, сохранившихся на территории Российской Федерации или хранящихся в российских музеях.

Выполненный художественный анализ этих изделий показывает, что тематика их декора, в целом, соответствовала тем направлениям, которые господствовали и в других областях изобразительного и декоративно-прикладного искусства.

На основе проанализированного материала автор подчеркивает развитое состояние художественного металла в Тохаристане и, особенно, Согде эпохи раннего средневековья.

Ключевые слова: *Центральная Азия, таджики, материальная культура, ремесло, художественный металл, статуэтка, бубенец, роспись, гравировка.*

КОРКАРДИ БАДЕИИ ФИЛИЗ ДАР ТАХОРИСТОН ВА СУҒДИ ДАВРАИ АСРҲОИ МИЁНАИ БАРМАҲАЛ

Мақола ба масъалаи истифодабарии филиз дар истеҳсоли маснуоти бадеӣ, дар арафаи аз ҷониби арабҳо истило шудани Бохтар - Тахористон ва Суғд бахшида шудааст. Зикр карда мешавад, ки он замон филиз ҳамчун мавод дар тайёркунии маҳсулоти санъати тасвирӣ ва ороиши амалӣ мақоми муҳимро ишғол мекард.

Оид ба бозёфтҳои бостоншиносии ашёҳои филизи бадеӣ дар ҳар кадом минтақа маълумоти муназзам оварда мешавад. Маводи тафсиргаштаро зарфҳо, миҷмар, зеварҳо, ашёҳои маишӣ, ҳайкалчаҳои одамону ҳайвонот ва зангӯлачаҳо ташкил мекунанд. Ҷуғрофияи бозёфти ашёҳои торевтикаи суғдӣ сарзамини хеле дур аз минтақаро низ фаро мегирад, ки сабаби он тараққиёти робитаҳои фарҳангӣ-тиҷоратӣ мебошад. Муаллиф оид ба суғдӣ будани як қатор ашёҳои филизи бадеӣ, ки дар сарзамини Федератсияи Россия ёфт шуданд ё дар осорхонаҳои ин

кишвар маҳфузанд, нуқтаи назари худро бо овардани мисолҳои мушаххас пешниҳод мекунад.

Таҳлили бадеии чунин маснуот нишон медиҳад, ки мавзуи ороиши онҳо, дар умум, ба самтҳое, ки дар дигар соҳаҳои санъати тасвирӣ ва ороиши амалӣ низ ҳукмрон буданд, мувофиқат мекунад.

Дар заминаи маводи таҳлилшуда муаллиф вазъи мутараққии филизи бадеӣ дар Тахористон ва махсусан дар Суғди давраи асрҳои миёнаи бармаҳалро таъкил мекунад.

Калидвожаҳо: *Осиёи Марказӣ, тоҷикон, фарҳанги моддӣ, ҳунармандӣ, филизи бадеӣ, ҳайкалча, зангӯла, мусаввара, ҳаккокӣ.*

ARTISTIC METALWORKING IN TOKHARISTAN AND SOGD OF THE EARLY MIDDLE AGES

The article is devoted to the development of the issue of the use of metal in the production of artistic products in the period before the Arab conquest of Bactria - Tokharistan and Sogd. It is noted that metal occupied an important place as a material for the manufacture of fine and decorative arts. Systematized information about archaeological finds of objects of artistic metal in each of the regions is given. Dishes, incense burners, jewelry and hygiene items, figurines of people and animals, bells are subject to description.

The geography of finds of objects of Toreutics, in particular Sogdian, goes far beyond the boundaries of the territories under consideration, which is due to the developed state of cultural and trade relations. Based on specific materials, the author gives his own interpretation of the Sogdian origin of a number of artistic metal products preserved on the territory of the Russian Federation or stored in Russian museums. The performed artistic analysis of these editions shows that the theme of their decor, in general, corresponded to those trends that prevailed in other areas of fine and decorative arts. Based on the analyzed material, the author emphasizes the developed state of artistic metal in Tokharistan and, especially, Sogd of the early Middle Ages.

Key words: *Central Asia, Tajiks, material culture, craft, artistic metal, figurine, tambourine, painting, engraving.*

Сведения об авторе:

Сохибназаров Мирзоназар Давлятович-кандидат исторических наук, зав. кафедрой история костюма и искусство моды Технологического университета Таджикистана, тел. 927792043. E-mail: mirzonazar.1970@mail.ru

Information about the author:

Sohibnazarov Mirzonazar Davlyatovich-Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Costume History and Fashion Art of the Technological University of Tajikistan, tel. 927792043. E-mail: mirzonazar.1970@mail.ru

УДК 930.23

САҲМИ Б.И. МАРШАК ДАР ТАҲҚИҚ, ТАҶДИД ВА ТАҲЛИЛИ БАДЕИИ ДЕВОРНИГОРАҲОИ ПАНҶАКЕНТИ ҚАДИМ

КАРИМОВА Г. Б.,

Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Борис Илич Маршак 9 июли соли 1933 дар шаҳри Лугаи вилояти Ленинградӣ (ҳоло Санкт-Петербург) Федератсияи Россия дар оилаи нависандагон М. Илйин ва Е. Сегал ба дунё омадааст. Ӯ набераи нависандаи маъруф Самуил Яковлевич Маршак мебошад. Давраи кӯдакии ӯ дар ватани

хурдаш гузашт, сипас оилаашон ба Осиёи Миёна муҳоҷират намуд. Баъди хатми мактаби миёна ба шуъбаи таърихи Донишгоҳи давлатии Маскав дохил шуда, онро соли 1956 хатм намуд. Соли 1954 ӯро ба сифати донишҷӯйи таҷрибаомӯз барои ҳафриёти шаҳркадаи Панҷа-кенти қадим равон карданд. Баъд аз ин ҳамасола Б.И. Маршак дар ҳайати Экспедитсияи бостоншиносии Панҷакент иштирок мекард. Танҳо соли 1956 истисно буд, чунки дастпарвари донишгоҳи номбурда, дар ҳозиршавиҳои ҳарбӣ ширкат дошт.

Баъд аз гирифтани диплом дар бораи маълумоти олӣ Б.И. Маршакро ба Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии Академияи илмҳои ҶШС Тоҷикистон ба кор қабул карданд. Тайи солҳои 1958-1961 дар аспирантураи Эрмитажи давлатӣ таҳсил кард ва баъди хатми таҳсил дар шуъбаи Шарқи ин осорхонаи маъруф ба ҳайси сарходими илмӣ ба кор қабул карда шуд. Аз соли 1978 ӯро роҳбари шуъбаи Осиёи Миёна ва Қафқози Эрмитажи давлатӣ таъйин намуданд.

Соли 1959 нахустин мақолаҳои ӯ дар Тоҷикистон рӯйи чопро диданд, соли 1965 бошад аввалин мақолааш дар заминаи деворнигораҳои ин шаҳркада нашр гардид [6]. Оғоз аз соли 1977 ӯ муаллифи ҳатмии маҷаллаи «Таҳқиқотҳои бостоншиносӣ дар Тоҷикистон» гардида, ҳамроҳи А.М. Беленитский, В.И. Распопова ва В.Г. Шкода дар бораи ҳафриёти ёдгории дар сатҳи ҷаҳон маъруфгардида-Панҷакенти қадим ҳисоботи ҳарсола ба нашр мерасонид [1, 559].

Б.И. Маршак аз соли 1978 вазифаи сарвари Экспедитсияи бостоншиносии Панҷакентро ба зимма дошт. Дар муқоиса бо дигар олимони маъруф, ки қаблан фаъолияти ин экспедитсияро роҳбарӣ мекарданд ва аслан шарқшинос буданд (А.Ю. Якубовский, М.М. Дяконов, А.М. Беленитский), Б.И. Маршак бостоншиноси касбӣ буд. Ӯ раванди ташкили ҳафриёти Панҷакенти қадимро ба чаҳорчӯбаи илмӣ-ҳирфагӣ даровард ва бо назардошти ин заҳматҳояш ҳамчун муаллифи методикаи ҳафриёти ин шаҳри давраи асрҳои миёнаи бармаҳал пазируфта шуд [7, 25-26].

Аз нигоҳи ҷуғрофӣ таҳқиқоти ӯ сарзамини фарохро аз Рум то Чин дарбар мегиранд, хронологияи тадқиқот аз давраи антиқа сар карда то замони муғулҳоро фаро мегирад. Дар солҳои охири ҳаёт ӯ ба мавзуи «Суғдиёни берун аз Ватан» рӯ овард, ки онро дар заминаи мақбараҳои суғдии ҳудуди Чин ба роҳ монда буд.

Дар монографияи ӯ таҳти унвони «Достонҳо, афсонаҳо ва масалҳо дар санъати Суғдиён», ки соли 2002 дар Ню-Йорк ба забони англисӣ нашр гардид, саҳнаҳои адабии қадимӣ ва асримиёнагии сайёр дар деворнигораҳои Панҷакент таҳлил карда шудаанд [12].

Мавзуъҳои асотирӣ ва достонӣ, ки дар деворнигораҳои панҷакентӣ таҷассум ёфтанд, аз ҷониби ӯ хеле чуқур омӯхта таҳлил гардидаанд. Тафсирҳои ӯ вобаста ба сужаҳои алоҳида комилан нав буданд. Ӯ метавонист дар такя ба пораи хурди мусаввара мавзуи асари яклухтро пеши назар оварад ва соатҳо мафтунона оид ба ин саҳна андеша ронад [2, 251].

Асарҳои зиёди худро Б.И. Маршак дар ҳаммуаллифӣ бо устодаш А.М. Беленитский, ҳамсараш В.И. Распопова ва дигар ҳамкорону шогирдон таълиф намудааст. Ҳамзамон дар ин асарҳо возеҳ мушоҳида карда мешавад, ки ин муҳаққиқ донишманди барҷастаи мавзуъҳо ва вижагии услуби санъати тасвирии суғдӣ буд. Мавзуъҳои деворнигораҳои Панҷакенти бостониро ӯ асоснок ва бофазилат тафсир менамуд. Б.И. Маршак қобилияти хуби рассомӣ низ дошт ва чандин пораҳои мусавварaи девориро шахсан нусхабардорӣ карда, дар таҷдиди мавзуи ин асарҳо саҳми муносиби худро гузоштааст [7, 25-26].

Б.И. Маршак вобаста ба таърихи фарҳанг ва санъати Шарқ дониши хуб дошт, вале худро ҳаргиз шарқшинос намешуморид, ҳарчанд метавонист. Мехост, ки ӯро ба сифати мутахассиси бостоншинос қабул кунанд ва ҳамчун бостоншиноси ҳақиқӣ фаъолият мекард – шахсан ҳафриёт мебурду мекофт, расм мекашид, таҳқиқ мекард. Чунин мешуморид, ки дар боғи ҳайвонот мушоҳида кардани рафтор ва тарзи исти ҳайвонҳо мусоидат мекунад, ки моҳияти тасвирҳои қадими зооморфӣ дуруст дарк карда шаванд.

Б.И. Маршак дар самти таҷдиди деворнигораҳо фаъолияти пурсамар кардааст. Масалан, асоснoктарин варианти таҷдиди ҳамбастагии дар девори ғарбии манзили 3-юми хонаи шахсии объекти XXVI тасвиршуда (бо иштироки мутрибони таблнавоз, раққосони пӯсти буз пӯшида ва дигар қаҳрамонон) маҳз аз ҷониби ӯ пешниҳод шудааст. Дар натиҷаи муҳокимаи якчанд вариантҳо ӯ хулоса баровард, ки аз байни онҳо танҳо ду вариант қобили қабул буда метавонад. Сипас, якеи онро Б.И. Маршак ҳамчун варианти ниҳоӣ қабул карда, онро хеле нуктасанҷона ва дар ҷузъиёт эзоҳ дод. Ӯ баён намуд, ки деворнигораи мазкур ба мавзуи яке аз идҳо, аниқтараш, иди тақвимӣ бахшида шуда, мазмуни саҳнаҳои алоҳидаи он бо тасаввуроти зардуштӣ ва маросимҳои динӣ алоқаманд мебошад [11, 154-155].

Б.И. Маршак дар заминаи осори Панҷакенти қадим ба мавзуи ҷаҳонбинии ҷомеаи суғдӣ рӯ меорад, мекӯшад, то дар мисолҳои мушахас фарқияти онро аз фарҳанг ва равияҳои динии кишварҳои ҳамсоя муайян намояд. Ин тадқиқоти ӯ мавзӯи мақолаи «Санъати Суғд»-ро ташкил кард, ки соли 1987 ба тасвиб расид. Муҳаққиқ ҳамчун олими санъатшинос баромад намуда, кулли деворнигораҳои панҷакентиро ба се сатҳ (мартаба) тақсим мекунад. Санъати Суғд, ки арзу тӯли ин кишварро аз замони қадим роҳҳои тиҷоратии байналмилалӣ бурида мегузаранд, ба таъсири фарҳангии гуногун дучор гардида, дар он падидаҳои санъати эронӣ, ҳиндӣ, туркӣ ва ғайра ба мушоҳида мерасанд.

Яке аз вижагиҳои санъати суғд аз он иборат аст, ки оилаҳо ё қавмҳои алоҳида худои ҳомии худро доштанд ва маҳз ӯро парастиш мекарданд. Онҳо дар мусавварaҳо симои худои ҳомиро бо миқёси калон тасвир карда, ба парастиши ин муқаддасоти оилавиашон садоқати бепоён зоҳир мекарданд. Тасвири худоҳо сатҳи якуми мусавварaи суғдиро ташкил мекунад. Мавҷудият ва сершумории парастишҳои хусусӣ дар бораи вуҷуд надоштани дини давлатӣ дарак медиҳад. Ин падида бархилофи фарҳанги Сосониён мебошад, чунки дар ҷомеаи сосонӣ дини зардуштӣ ҳукмронӣ мекард ва қоидаю муқаррароти ин

динро ба ҳукми қонун дароварда буданд. Аз назари коҳинони давлати Сосониён суғдиён мебоист аҳли бидъат (ба мисли кофирҳо) ба шумор раванд.

Аз нигоҳи Б.И. Маршак, сатҳи дуюми деворнигораҳои Панҷакенти қадим тасвирҳое мебошанд, ки лаҳзаҳо аз достонҳои қаҳрамонӣ, саҳнаҳои зиёфат ва шикорро нишон медиҳанд ва тарзи ҳаёти наҷибонаро тарғиб мекунанд. Вале қаҳрамонҳои мазкур на танҳо ҳокимон ва ашрофон мебошанд. Онҳо бештар намояндагони омма мебошанд. Либоси шоҳ ва наздикони ӯ аз либоси аҳли ҷомеа қариб фарқ намекунад. Ва дар ин падида боз ҳам фарқияти қатъии санъати суғдӣ ва сосонӣ ба мушоҳида мерасад.

Қаҳрамони мусавварaи Сосониён шоҳаншоҳ мебошад, ки ӯро ба сатҳи худо баровардаанд. Мавзуи мусавварaи сосонӣ ба осонӣ дарк карда мешавад. Шоҳаншоҳ новобаста аз хусусияти набард (бо аскарони аҷнабӣ, дарандаҳо ҳайвонҳои тахаюлӣ) ҳатман ғолиб мебарояд. Аммо натиҷаи набард дар деворнигораи суғдӣ номуайян аст. Мусаввара мавзуи достонро қадам ба қадам мекушояд, аз ин рӯ, онро бомулоҳиза хондан мебояд. Қаҳрамон метавонад зафар ёбад, вале аз ҳаёт маҳрум шуданаш ҳам истисно нест. Б.И. Маршак қайд кардааст, ки ҳарчанд баъзе мусавварaҳои Шаҳристон аз назари шавқангезӣ ва гуногунии амалҳо, инчунин мумтозии рассом нисбат ба намунаҳои панҷакентӣ болотар меистанд, вале дар онҳо ҷӯшу хурӯши қаҳрамонӣ пасттар ифода шудааст.

Сатҳи сеюми деворнигораҳои Панҷакент, менависад Б.И. Маршак, танҳо хоси ҳамин шаҳркада мебошад. Сухан дар бораи аркаҳо ва лавҳаҳое меравад, ки ҳошияҳои нақшинро иваз карда, мавзуи масалу афсонаҳоро таҷассум мекунанд, даводави ҳайвонҳо, мутрибон ва раққосонро тасвир мекунанд.

Аз рӯйи чунин мушоҳидаҳо муҳаққиқ хулоса мебарорад, ки мусавварaҳои сатҳи якум одамро меомӯзад, ки ба кадом тариқ мақбулу писанди худояш шавад, деворнигораҳои сатҳи дуюм ӯро ба олиҳимматӣ ва ҷавонмардӣ даъват мекунанд ва ниҳоят, мусавварaҳои сатҳи сеюм хурсандибахш буда меомӯзанд, ки чӣ тавр дар ҳаёти ҳамарӯза кас муваффақ бошад [4, 233-248].

Б.И. Маршак масъалаи барои ҷаҳониён муаррифӣ намудани санъати Суғдро вазифаи хеле муҳим мешуморид. Тавассути лексияҳои дар Россия, Англия, Олмон, Испания, Италия, Фаронса, Маҷористон, Швейтсария, Қувайт, Чин ва ИМА доиркардааш ӯ кӯшиш ба харҷ додааст, ки дар маводи бозёфтҳои панҷакентӣ дастовардҳои фарҳанги қадими Тоҷикистонро тарғиб намуда оммавӣ гардонад. Дар раванди ташкили намоишҳои «Осори қадими Тоҷикистон», ки дар Эрмитажи давлатӣ баргузор карда мешуданд, Б.И. Маршак ба сифати яке аз муаллифҳои доимӣ баромад мекард [2, 251-252].

Б.И. Маршак зиёда аз 200 асари илмӣ, аз ҷумла, якчанд монография, интишор кардааст. Якчанд мақолаҳои илмии ӯ бевосита ба деворнигораҳои Панҷакент бахшида шудаанд [4, 5,6].

Заҳматҳои олим бо орденҳои «Дӯстӣ» (1999) ва «Нишони Фахрӣ» (соли 2004) қадр карда шудаанд. Ӯро узви ифтихории Пажӯҳишгоҳи бостоншиносии Амрико, Ҷамъияти Шоҳонаи Осиёии Шоҳигарии Муттаҳид (Британияи Кабир),

узви вобастаи Пажӯҳишгоҳи италиёии Африқо ва Шарқ, узви хориҷии Академияи катибаҳо ва забоншиносии латифи Фаронса интихоб кардаанд. Профессори донишгоҳҳои Вена, Рим, Пенсилвания, Йел (ИМА). Ба унвони фахрии «Ходими шоистаи илми Ҷумҳурии Тоҷикистон» низ сарфароз гардидааст. Барандаи ҷоизаҳои академик Р. Гиршмани Академияи илмҳои Фаронса, Пажӯҳишгоҳи Смитсон (ИМА) ва Фирдавсии (Лондон, 2003) низ маҳсуб меёбад.

Б.И. Маршак 28 июли соли 2006 дар шаҳри Панҷакент аз дунё чашм пӯшид. Рамзист, ки оромгоҳи ӯ дар шаҳре ҷойгир аст, ки ба омӯзиши таърихи он 50 сол, яъне тамоми умри эҷодии худро, бахшидааст. Ҳамсари олим, муаррихи бостоншинос В.И. Распопова қайд кардааст, ки ҷасади ӯро дар назди девори истеҳкоми шаҳркадаи Панҷакенти қадим ба хок супориданд. Ҳарчанд Б.И. Маршак мехост, ки ҷасади ӯро ба оташ диҳанду хокистарашро ба дарёи Нева пошанд. Аммо, ин тавр нашуд.

Дар Эрмитажи давлатӣ истеъдоди илмии Б.И. Маршак ва заҳматҳои ӯро дар таҳқиқи нигораҳои ин осорхона, ки марбут ба таърихи Суғд мебошанд, қадр мекарданд. Соли 2008, яъне баъди 2 соли вафоти олим, маъмурияти Эрмитаж бахшида ба хотираи ӯ таҳти унвони «Суғдиён дар ватан ва диёри бегона» конфронси илмӣ баргузор намуд. Соли 2013 аз рӯйи маводи конфронси мазкур монографияи дастаҷамъӣ бо номи «Суғдиён, пешгузаштагон, ҳамзамонон ва меросбарони онҳо» рӯйи чопро дид. Дар сарсухани ин китоб Б.И. Маршак ҳамчун «яке аз мутахассисони барҷаста дар соҳаи фарҳанги Суғдиён ва дар умум, тамоми Осиёи Миёна» муаррифӣ карда шудааст [10].

Баррасии ҳаёти илмии Б.И. Маршак ҷудо аз фаъолияти ҳамсари меҳрубонаш В.И. Распопова аз рӯйи адолат нест. Онҳо дар давоми солҳои дароз дар ҳафриёти Панҷакенти қадим ҳамроҳ иштирок кардаанд ва дар омода намудани ҳисоботи ҷории экспедитсияҳои бостоншиносӣ саҳм мегирифтанд. Ғайр аз ин, бо ҳам чандин мақола ба чоп расониданд, ки баъзеашон ба таҳлилу тафсири мусавварахои монументалӣ бахшида шудаанд. «Тасвири суғдии Бобои Деҳқон» [5] ва «Ҷанг аз назари рассомони суғдӣ» [3] аз ҷумлаи ҳамин гуна асарҳо мебошанд.

Ҳамзамон В.И. Распопова тариқи махсус сохти истиқоматгоҳҳо, шаклу намудҳои маснуоти филизӣ, шишагӣ ва дигар масоили марбут ба фарҳанги моддии ҷомеаи суғдии ҳамон давраро омӯхтааст. Ду мақолаи дар алоҳидагӣ таҳиякардаи ин муҳаққиқ ба омӯзиши ёдгориҳои мусаввирии шаҳркадаи мазкур асос ёфта, дар заминаи ин асарҳо намуд ва таркиби камарбандҳо [9], инчунин сохти зинҳои асп [8] таҳқиқ карда шудаанд.

Ҳамин тариқ, Борис Илич Маршак то охири умри бобаракати худ дар Панҷакенти бостонӣ таҳқиқот бурда, методикаи муназзами ҳафриёти ин шаҳркадаро таҳия кард ва дар заминаи осори ин ёдгории таърихӣ мактаби бадеии Суғдро берун аз Тоҷикистон дар сатҳи баланд тарғиб намуд. Ба шарофати донишу заковатмандии ӯ дар раванди омӯзиши ҷаҳонбинии ҷомеаи суғдӣ ва тафсири мавзуи деворнигораҳо қадами ҷиддӣ ба пеш гузошта шуд.

АДАБИЁТ

1.Беленицкий А.М. Новые раскопки в Пенджикенте/А.М. Беленицкий, Б.И. Маршак, В.И. Распопова, А.И. Исаков//Археологические открытия 1976 г. –М., 1977. -С. 559.
2.Каримова Г. Р. Борис Ильич Маршак//Археологические работы в Таджикистане. – Вып. 31. – Душанбе, 2007. – С. 248-257.
3.Маршак Б.И. Война глазами согдийских художников / Б.И. Маршак, В.И. Распопова //Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. - СПб., 1998. -С. 278-281.
4.Маршак Б.И. Искусство Согда/Б.И. Маршак//Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. -М., 1987. -С. 233-248.
5.Маршак Б. И. Согдийское изображение Деда-Земледельца/Б.И. Маршак, В.И. Распопова//Вопросы древней истории Южной Сибири. -Абакан, 1985. -С. 108-116.
6.Маршак Б.И. Язык пенджикентской живописи /Б.И. Маршак//Тезисы докладов сессии, посвященной истории живописи стран Азии. –Л., 1965.
7.Начальнику Пенджикентской экспедиции Б.И. Маршаку – семьдесят лет//АРТ. – Вып. 29. – Душанбе, 2004. –С. 25-26.
8.Распопова В.И. Вьючное седло в живописи Пенджикента VIII в/В. И. Распопова// ЗИИМК. -СПб.: ИИМК, 2015. -№11. -С. 125-138.
9.Распопова В.И. Поясной набор Согда VII-VIII вв/В.И. Распопова//СА. -1965. -№ 4. -С. 79-91.
10.Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. На основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Б. И. Маршака. - СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2013. – 504 с.
11.Шкода В.Г. Б.И. Маршак и живопись Пенджикента (Метод исследователя) / В. Г. Шкода//Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. На основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Б. И. Маршака. - СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2013. – С. 147-158.
12.Marshak B. I. Legends, Tales, and Fables in the Art of Sogdiana. -New York. 2012.

САҲМИ Б.И. МАРШАК ДАР ОМӮЗИШИ ДЕВОРНИГОРАҲОИ ПАНҶАКЕНТИ ҚАДИМ

Мақолаи мазкур ба фаъолияти илмии бостоншиноси барҷастае бахшида шудааст, ки тамоми умри бобаракати худро ба омӯзиши шаҳркадаи Панҷакенти қадим бахшидааст. Б.И. Маршак солҳои зиёд сарварии Экспедитсия бостоншиносии Панҷакентро сарварӣ карда, барои таъмини ҳафриёти муназзами ин шаҳркада методикаи хоси бостоншиносиро таҳия кард. Ҳамзамон дар заминаи осори ин ёдгории таърихӣ мактаби бадеии Суғдро барои ҷаҳониён тарғиб мекард.

Ӯ махсусан дар самти омӯзиш ва тафсири ёдгориҳои бадеӣ, аз ҷумла, мусавварaҳои деворӣ, хизмати шоиста кардааст. Дар самти тафсири деворнигораҳо тобонтарин паҳлӯи фаъолияти Б.И. Маршакро омӯзиши мавзуъ, таҳқиқи муқаддаснигорӣ, таҷдид ва ошкоркунии рамз ташкил карданд. Ба шарофати донишу заковатмандии ӯ дар раванди омӯзиши дин ва ҷаҳонбинии ҷомеаи суғдӣ қадами ҷиддӣ ба пеш гузошта шуд. Муаллиф хулоса мекунад, ки олими номбурда дар таҳқиқ, таҳлил ва тарғиби дастовардҳои барҷастаи санъати тасвирии Панҷакенти қадим хизматҳои бузург кардааст.

Калидвожаҳо: *асрҳои миёнаи бармаҳал, бостоншиносӣ, Тоҷикистон, ёдгории таърихӣ, Панҷакенти қадим, ҳафриёт, санъати тасвирӣ, мусавварaи деворӣ, таҷдид, тафсири асар.*

ВКЛАД Б. И. МАРШАКА В ИЗУЧЕНИЕ НАСТЕННЫХ РОСПИСЕЙ ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА

Данная статья посвящена научной деятельности выдающегося археолога, который всю свою плодотворную жизнь посвятил изучению городища древнего Пенджикента. Б. И. Маршак в течение многих лет руководил Пенджикентской археологической экспедицией и с целью обеспечения системности раскопок разработал собственную методику археологического изучения этого памятника. Одновременно на основе пенджикентских артефактов он активно популяризировал художественную школу раннесредневекового Согда.

Особенно значителен его вклад в изучение и интерпретацию художественных памятников, в том числе настенных росписей. В вопросе толкования смысла росписей наиболее яркой сторона деятельности Б.И. Маршака проявилась в изучении сюжетов, исследовании иконографии, реконструкции произведений и выявлении в них символики. Благодаря его глубоким знаниям и одаренности был сделан значительный шаг в деле изучения религии и мировоззрения согдийского общества. Автор приходит к выводу, что указанный ученый внес большой вклад в исследование, анализ и популяризацию выдающихся достижений изобразительного искусства древнего Пенджикента.

Ключевые слова: *раннее средневековье, археология, Таджикистан, исторический памятник, древний Пенджикент, раскопки, изобразительное искусство, настенная роспись, реконструкция сюжета, интерпретация произведения.*

B.I. MARSHAK'S CONTRIBUTION TO THE STUDY OF WALL PAINTINGS IN ANCIENT PENJIKENT

This article is devoted to the scientific activity of an outstanding archaeologist who devoted his entire fruitful life to the study of the ancient settlement of Penjikent. B.I. Marshak led the Penjikent archaeological expedition for many years and in order to ensure systematic excavations developed his own methodology for the archaeological study of this monument. At the same time, on the basis of the Penjikent artifacts, he actively popularized the art school of the early medieval Sogd. His contribution to the study and interpretation of artistic monuments, including wall paintings, is particularly significant. In the matter of interpreting the meaning of murals, the most striking aspect of B. I. Marshak's activity manifested itself in the study of plots, the study of iconography, the reconstruction of works and the identification of symbolism in them. Thanks to his deep knowledge and talent, a significant step was taken in the study of religion and the worldview of Sogdian society. The author comes to the conclusion that this scientist has made a great contribution to the study, analysis and popularization of outstanding achievements of the fine arts of ancient Penjikent.

Key words: *archeology, historical monument, interpretation of the work, early middle ages, research article.*

Сведения об авторе:

Каримова Ганджина Бахтиёровна-соискатель Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша НАНТ. Тел. 918 81 72 50, 2217260. E-mail: gancinkarimova@gmail.com

Information about the author:

Karimova Ganjina Bakhtierovna - candidate of the A. Donish Institute of history, archeology and Ethnography of the NANT. Tel. 918817250, 2217260. E-mail: gancinkarimova@gmail.com

УДК 9 (575.3) (092)

НАМОИШГОҲ ҲАМЧУН ШАКЛИ МУАРРИФИИ ЁДГОРИҲОИ ТАЪРИХӢ ВА АСАРҲОИ САНЪАТИ ТАСВИРӢ

ЮСУПОВА Ш. А.,
Донишгоҳи технологии Тоҷикистон

Намоиши бадеӣ аз ҷолибтарин падидаҳои фарҳанги муосир мебошад. Намоиши бадеӣ маҷмуи дуруст ташкилшудаи унсурҳои ғоявӣ, маънавӣ, эстетикӣ ва моддӣ буда, дар қаламрави худ чандин зуҳуроти мубрами санъат ва фарҳангро сарҷамъ мекунад ва дар ташаккулёбӣ ва рушди арзишҳои умумибашарии ҷамъиятӣ иштирок мекунад. Ба сифати воситаи ифоданоки асосӣ аз объектҳои муаррифишаванда ҳамчун тарзи аз ҳама самараноки интиқоли иттилоот истифода намуда, намоиш ба спектри хеле васеъи мафҳумҳо ва эҳсосот дар соҳаҳои гуногуни соҳаи башардӯстонаи дониш мурочиат мекунад.

Падидаҳои нахустини фаъолияти намоишӣ дар фаҳмиши муосири он ҳанӯз дар давраи қадим зуҳур кардаанд. Ин амал барои барои расидан ба натиҷаи зарурӣ ин ё он шакли намоиши аёнии арзишҳои асосии ҷамъиятӣ - ғояҳои давлатӣ ва динӣ ба ғайр аз ин, муносибатҳои тиҷоратӣ роҳандозӣ карда мешуд. Бо ин мақсад объектҳои санъат ҷалб карда мешаванд ва барои ин принсипҳои мубрамкунии онҳо ташаккул меёбанд.

Намоиши бадеӣ таърихи қадими мавҷудият ва рушд дорад. Ин таърих аз коллексияҳое оғоз меёбад, ки ба шахсони соҳиби ҳокимияти дунявӣ ё маънавӣ буданд ва ё маблағҳои пулии зиёд доштанд.

Дар Россия осорхонаҳо дар охирҳои асри XIX–ибтидои асри XX пайдо шуданд (Галереяи Третяков ва Осорхонаи давлатии санъати тасвирӣ дар Москва, Эрмитажи давлатӣ, Осорхонаи давлатии Россия ва Осорхонаи антропология ва мардумшиносии ба номи Пётри Кабир дар Санкт-Петербург). Дар Тоҷикистон нахустин осорхонаҳо дар нимаи аввали асри XX ба фаъолият пардохтанд.

Объектҳои санъат, ки коллексияҳои осорхонаҳои мазкурро ташкил мекунанд, сифатҳои эстетикии худро бо ёрии хориқаи намоиш мубрам менамоянд, ки он дар назди тамошобин дар намуди фазои махсуси бадеӣ зуҳур мекунад. Намоиш мутобиқи ташкилоти дохилии ба худ хос, ки ба таъсири муҳити меъмории осорхона, объектҳои намоишӣ, барандаҳои онҳо ва ғояи консептуалӣ тобеъ ҳастанд, вуҷуд дорад.

Дар муддати мавҷудияташ намоиши бадеӣ шаклҳои муаррификуниро ба таври назаррас дигар кард ва васеъ намуд. Ҳанӯз чанде пеш сифати намоишҳои осорхонавӣ ба воситаи мувофиқаташон ба накшаҳои илмии анъанавӣ муайян

карда мешуд.Ин нақшаҳо ба ашёҳо ва коллексияҳои осорхонавӣ нигаронида шуда буданд. Ҳоло бошад, осорхона навгонӣ ва асолати шарҳи маҷмааро ҳамчун нишонаи арзишӣ мешуморад. Намоишҳои, ки ташкил карда мешаванд, ҳам натиҷаи омӯзиши илмӣ мебошанд ва ҳам натиҷаи ҷустуҷӯи эҷодии фардӣ [4, 139].

Нақши намоиш бадеӣ дар рӯзҳои мо аз сабаби пайдоиши чунин самти башардӯстӣ чун «тамаддуни фароғат» ба таври назаррас меафзояд. Ба ин самт дар консепсияҳои ҷамъияти баъдисаноатӣ нақши махсус дода мешавад. Фароғатро ҳамчун фазои рушд ва худтатбиқнамоии эҷодии шахсият ба қалам додаанд. Бо назардошти ин вазъият, мо метавонем бо итминони комил тарҳрезии намоиширо ҳамчун яке аз муҳимтарин ташкилдиҳандаҳои фазои иҷтимоии баъдисаноатӣ қабул намоем. Ва ба сифати яке низомҳои робитавии муассиртарини ин фазо намоиши осорхонавӣ баромад мекунад [7].

Намоишҳои осорхонавӣ барои муаррифии таъриху фарҳанги Тоҷикистон ва дар умум, миллати тоҷик аҳаммияти хеле калон доранд. Тоҷикон аз ҷумлаи қадимтарин мардумон мебошанд ва таърихи бойи онҳо ҳодисаҳои фаровони диққатҷалбкунандаро дарбар мегирад. Дар давоми ҳазорсолаҳои сипаришуда ин миллат дар фазои фарҳангии динҳои гуногун вуҷуд дошт ва дорад: парастишҳои протозардуштӣ, зардуштӣ, буддоӣ, эллинистӣ, исломӣ. Дар ин бобат осори бостоншиносии сершумор, ки дар маъхазҳои Осорхонаи миллии Тоҷикистон, Осорхонаи миллии бостонии Тоҷикистон маҳфузанд ва ба намоиш гузошта мешаванд.

Муассиси Осорхонаи миллии бостонии Тоҷикистон Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон мебошад. Ин осорхона аз соли 2001 инҷониб фаъолият менамояд. Ҳарчанд таърихи он ҳамагӣ 20 солро ташкил мекунад, маводи намоишии осорхона аз ҷониби бостоншиносон дар давоми 60 сол ҷамъоварӣ карда шудааст.

Осорхона иморати дуошёнаро мемонад, ки дар маркази шаҳри Душанбе ҷойгир шудааст. Хазинаи он асосан аз ҳисоби экспедитсияҳои ҳамасолаи Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ ва ҳафриёти муштараки байналмилалӣ бо иштироки олимони Федератсияи Россия ва дигар давлатҳои хориҷӣ ғанӣ мешавад.

Маҷмуи ашёҳои намоишӣ зиёда аз 5000 номгӯйро дарбар мегиранд: маҳсулоти сафолӣ, осори коркарди бадеии санг, устухон, шиша, фулузот, ҳайкалҳои сангию ҳайкалчаҳои терракота, зеварҳо, асарҳои санъати тасвирӣ ва ороишӣ-амалӣ. Маводи бостоншиносии қиматбаҳо аз қабили сиккаҳои тиллоӣ, нуқрагӣ ва ҳоказо дар гӯшаи «Хазинаи ашёҳои нодир» нигаҳдорӣ карда мешавад.

Бозёфтҳо ба давраҳои гуногуни таърихӣ муносибат доранд, сар карда аз замони қадимтарин то асрҳои миёна. Қадимтарини онҳо (аз Кулдара) қариб 1 млн сол дорад.

Дар бораи давраҳои энеолит-асри биринҷӣ маводи шаҳркадаи Саразм

маълумот медиҳад. Ин ёдгории панҷакентӣ ба Феҳристи «Мероси умумиҷаҳонӣ»-и ЮНЕСКО ворид карда шудааст. Дар Саразм сафолпораҳои мунаққаш, ҳайкалчаҳои терракота, зарфҳо ва асбобҳои сангӣ, муҳраю шаба, овеза ва дигар ашёҳо боқӣ мондаанд, ки аз мармар, стеатит, лоҷувард, ақиқ, фирӯза санги сулаймонӣ, шишаи вулқонӣ тайёр шудаанд. Филизи бадеии Саразм ашёҳои тиллоӣ, нуқрагӣ, қӯрғошимӣ, биринҷӣ ва мисиро дарбар гирифта, ин ашёҳо таъиноти гуногун доранд. Дар байни онҳо шаббаҳо ва муҳраҳои тиллоӣ, косагули нигинаш фирӯзагӣ, дастмонаҳои тасмаашон васеъ ҷолибанд. Дар Саразм осори моддии ҳунарҳои ресандагӣ, бофандагӣ,ҷуроббофӣ, намадмолӣ, рангдиҳии ресмон ва матоъ низ ошкор гардидааст [3, 124-125].

Замони эллинистии сарзамини моро маводи нодири бостоншиносӣ аз маъбади Вахши шаҳркадаи Тахти Сангин (ноҳияи Қубодиён) муаррифӣ мекунад. Дар байни ин мавод қисми болои ҳайкалчаи Искандари Мақдунӣ, ғилофи ороишаш зооморфӣ барои ханҷар, лавҳачаҳо бо тасвири саҳнаи шикор ва дигар ашёҳои санъати бадеӣ мавҷуданд. Як қисми ин осор аз устухон бо маҳорати воло иҷро карда шудааст. Баъзе асарҳои санъати тасвирӣ хусусияти динӣ ва асотирӣ доранд. Мутахассисон ин бозёфтҳоро намунаҳои шоҳкориҳои ҷаҳонӣ мешуморанд. Боиси тазаккур аст, ки маводи маъбади Вахш дар омезиши ду фарҳанг – юнонӣ ва маҳаллӣ эҷод карда шудааст [9].

Дар осорхона намунаҳо аз мусавварахои девории шаҳркадаи Панҷакенти Қадим ба намоиш гузошта шуда, ба ин тариқа санъати тасвирии Суғди асрҳои миёнаи бармаҳал (V-VIII) ба ганҷинаи тиллоии тамаддуни ҷаҳонӣ ворид карда шудаанд. Нафистарин тасвири ин маҷмуа - «Бонуи уднавоз» чандин маротиба дар осорхонаҳои маъруфи ҷаҳон ба намоиш пешниҳод карда шудаанд. Саҳнаҳо аз достонҳои «Шоҳнома»-и безаволи Ҳаким Абулқосими Фирдавсӣ тамошобинонро мафтун мекунанд. Осори санъати аз Панҷакенти қадим ёфташуда хеле сершумор ва гуногун аст: муҷассамаҳо ва лавҳаҳои чӯбӣ, сағонаҳо, ҳайкалчаҳои терракота, ашёҳои филизи бадеӣ, зарфҳои сафолӣ ва ғайра. Бо инобати ин шаҳркадаи мазкур барои тамоми ҳудуди Осиёи Миёна ҳамчун ёдгории бостоншиносии намунавӣ қабул карда шудааст.

Мусавварахои деворӣ дар шаҳркадаҳои Аҷинатеппа, Кофирқалъа, Қалъаи Кофарниҳон, Қалъаи Шодмон, Бунҷикат, Ҳулбук, Сайёд кашфшуда арзиши баланди илмӣ доранд. Мусавварахои деворӣ Аҷинатеппа дар омезиши санъатҳои ҳиндӣ ва бохтарӣ-тахористонӣ эҷод шудаанд. Деворнигораҳо роҳравҳои дайри буддоиро оро медоданд. Пораҳои ёфташуда симоҳои Буддо ва нафарони ҳадякунандаро тасвир мекунанд. Дар байни ин расмҳо махсусан саҳнаҳои хутба гуфтани Буддо ва саҳнаи пешкашкунии қурбонӣ ҷолибанд [9, 47-53].

Дар маъбади буддоии Қалъаи Кофарниҳон бо мусаввара деворҳои роҳравҳо ва сатҳи гунбазро пӯшонида буданд. Дар яке аз деворҳо порае аз мусавварaи дузинагӣ боқӣ мондааст. Дар зинаи боло буддои нишаста дар байни ду нафар тасвир шудааст, зинаи поёнии мусаввара маросими пешкаши

қурбониҳоро нишон медиҳад [9, 47-53].

Дар сатҳи деворҳои толорҳои маросимӣ, ҳуҷраҳо ва роҳравҳои қасри Бунҷикат даҳҳо метри мураббаъ саҳнаҳои мусаввирӣ боқӣ мондаанд. Дар байни деворнигораҳои арзиши бадеияшон махсусан баланд саҳнаҳои зерин шоистаи зикранд: олиҳаҳои адар дастҳояшон рамзҳои офтобу моҳ, ки ба шерҳои оташин савор шудаанд, иблисони сесара; аскарон - иблисон; задухӯрди аскарони пиёда, аспсаворон ва фойтунҳо; аскар - табиби ҳайвонот; мутрибони ҳарбӣ; бонуи уднавоз; қадамзании парандаҳо ва ҳайвонот, модагургро макидани тифлон [5, 183-202].

Бояд қайд кард, ки деворнигораҳои антропоморфӣ ва ороишии Ҳулбук ва Сайёд, ки ба асрҳои IX-XI муносибат доранд, аз нуқтаи назари идомаёбии анъанаҳои мусаввирии тоисломии Тоҷикистони Ҷанубӣ аҳаммияти махсус доранд [2, 202-210].

Муҷассамаи «Буддо дар вазъи нирвана» нодиртарин намунаи санъати бостонӣ мебошад, ки 12,7 м дарозӣ дорад. Маҳз ҳамин асар миқдори зиёди парастандагони дини буддоиро аз кишварҳои гуногуни ҷаҳон ба Тоҷикистон ҷалб мекунад. Ин муҷассамаи аз лой сохташуда аз маъбади Аҷинатеппа ёфт гардидааст [8].

Дар даромадгоҳи осорхона меҳмононро муҷассамаҳои биринҷии барзаговҳо ва бузҳои кӯҳӣ, ки аз деҳаи Дараи ноҳияи Ваҳдат ёфт шудаанд, пешвоз мегиранд. Дар арафаи истилои араб ин муҷассамаҳо тахти ҳокимеро оро медод, ки қасри ӯ дар Қалъаи Шодмон ҷойгир шуда буд [1, 91-93].

Осори кандакорӣ дар чӯб, ки аз қасри афшинҳо дар Қаҳқаҳа (ноҳияи Шаҳристон) ёфт шуданд, бо маҳорати воло иҷро гардидааст. Дар аркаю лавҳаҳо ҳамбастагиҳои сужавӣ ба назар мерасанд, ки иштирокчиёнашон одамон, ҳайвоноту парандаҳо, нимзан-нимпарандаҳо мебошанд. Дар лавҳае маросими роҳравии шерҳо кандакорӣ шудааст. Ороиши манзили асосии Қалъаи Қаҳқаҳа аз ҳисоби чӯби бадеӣ ва мусаввара дар як вақт иҷро шудааст. Дар онҳо ваҳдати мавзуъҳои тасвирӣ дида мешавад. Яъне, рассом ва устои кандакор дар мувофиқаи байни ҳамдигар эҷод кардаанд. Аз ҷониби дигар, чӯби бадеии Шаҳристон шабеҳи осори кандакорӣ дар чӯби Панҷакенти қадим мебошад [6, 205-217].

Ҳамарӯза тамошобинони сершумор аз осорхона дидан мекунанд. Дар қатори онҳо сайёҳон, мактаббачагону донишҷӯйён ва дигар шаҳрвандони ҳавасмандро метавон дид. Ҳайати кормандони осорхона тамошои умумӣ ва мавзуиро ба роҳ мондаанд. Маводи осорхона вобаста ба ин ё он мавзуъ дар намоишгоҳҳои байналмилалӣ низ муаррифӣ карда мешавад.

Тамошо ва омӯзиши ашёҳои таърихии Осорхонаи миллии бостонии Тоҷикистон, ки ба сифати шоҳасарҳои таъриху фарҳанги ҷаҳонӣ пазируфта шудаанд, касро мафтун карда, аз таърихи қадими тоҷикон огоҳ мекунанд.

Ҳамин тариқ, дар шароити муосири фарҳангӣ таваҷҷуҳи ҷамъиятӣ нисбати намоишҳои таърихӣ ва бадеӣ ҳамчун шакли мубодилаи байналмилалии фарҳангӣ, дастрасӣ ба ғояҳои башардӯстонаи абадӣ, вохӯрӣ бо шоҳасарҳои

санъати ҷаҳонӣ ё таҷрибаҳои эҷодии ҳунармандони навкор кам намегардад.

АДАБИЁТ

1.Атаханов Т. Царский трон правителя Шумана//Мероси ниёгон. -Вып. 1. -Душанбе, 1992. -С. 91-93.
2.Гулямова Э. Раскопки городища Сайёд в 1980 г//Арх. раб. в Тадж. –Вып. 20 (1980). – Душанбе: Дониш, 1987. –С. 202-210.
3.Исаков А. И. Исследование Саразмского отряда в 1984 г//Археологические работы в Таджикистане. – Вып. 24 (1984 г.). –Душанбе: Дониш, 1993. –С. 117-130.
4.Исаков А. И. Исследование Саразмского отряда в 1984 г//Археологические работы в Таджикистане. – Вып. 24 (1984 г.). –Душанбе: Дониш, 1993. –С. 117-130. -С. 124-125.
5. Мастеница Е. Н. Новые тенденции развития музея и музейной деятельности// Триумф музея? -СПб., 2005.
6.Негматов Н. Н. О живописи дворца афшинов Уструшаны (Предварительное сообщение)//Советская археология. -М., 1973. -№ 3. -С. 183-202.
7.Негматов Н., Зеймаль Т. И. Уструшанский замок в Шахристане//Советская археология. -М., 1959. -№ 2. -С. 205-217.
8. Осорхонаи миллии бостонии Тоҷикистон. Саҳифаи асосии суроғаи электронии муассиса.
9. Пчелянская Т. М. Музеи и музейные экспозиции в новом спектре сетевых коммуникаций.
10.Шедевры древнего искусства и культуры Таджикистана. Материалы Южно-Таджикистанской археологической экспедиции. Каталог выставки /Ред. Б.А. Литвинский. -М.: Советский художник, 1983. -80 с. -С. 21-30.

НАМОИШГОҲ ҲАМЧУН ШАКЛИ МУАРРИФИИ ЁДГОРИҲОИ ТАЪРИХӢ ВА АСАРҲОИ САНЪАТИ ТАСВИРӢ

Дар мақола аҳаммияти намоишҳои мақсаднок дар раванди ба ҷомеа пешниҳод кардани асарҳои таърихӣ ва муосир баён карда шудааст. Ташкили ин гуна чорабиниҳо дар осорхонаҳои ватанӣ ва берун аз кишвар имкон фароҳам меорад, ки шаҳрвандон ва хориҷиён аз саҳифаҳои пурифтихор ва фоҷиавии таърих ва фарҳанги миллат ва таҳаввулоти ҷаҳонбинии он воқиф шаванд.

Муаллиф вобаста ба баъзе ёдгориҳои таърихии дар ҷаҳон маъруфи кишвар, аз ҷумла, Саразм, Панҷакенти қадим, Аҷинатеппа, Қалъаи Кофарниҳон, қасри Бунҷикат ва ғайра маълумоти кӯтоҳ оварда, нодиртарин асарҳои бадеии ҳангоми ҳафриёти онҳо ёфтшуда номбар кардааст.

Дар мақола ба ғайр аз маводи назариявӣ, вобаста ба фаъолияти Осорхонаи миллии бостонии Тоҷикистон маълумоти амалӣ оварда мешавад. Тафсири кӯтоҳи баъзе ашёҳои осорхона нишон медиҳад, ки хазинаи он хеле бой ва нодир буда, арзиши калони илмӣ дорад. Ин осор барои иҷрои тадқиқоти таърихӣ, фарҳангшиносӣ, санъатшиносӣ ва ғайра сарчашмаи қиматбаҳо ба шумор меравад. Осорхона инчунин дар тарбияи маънавии насли навраси тоҷикон, дар онҳо ташаккул додани ғояҳои худшиносӣ ва меҳанпарастӣ саҳми арзанда мегузорад.

Калидвожаҳо: *намоишгоҳ, бостоншиносӣ, санъати тасвирӣ, муаррифии асар, Тоҷикистон, Осорхонаи миллии бостонӣ, парастишҳо, мероси умумиҷаҳонӣ.*

ВЫСТАВКА, КАК ФОРМА ПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ И ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

В статье раскрывается роль целевых выставок в презентации обществу исторических и современных произведений. Проведение таких мероприятий в отечественных музеях и за пределами страны способствует тому, что наши соотечественники и жители зарубежья узнают о славных и трагических страницах истории народа, его культуры, эволюции мировоззрения.

Автор дает краткую характеристику некоторых всемирно известных исторических памятников Таджикистана, в том числе Саразма, древнего Пенджикента, Аджинатеппе, Калаи Кофарнихон, дворца в Бунджикате, и упоминает о найденных во время раскопок наиболее уникальных художественных произведених.

Помимо материалов теоретического характера, в статье приводятся сведения о деятельности Национального музей древностей Таджикистана. Краткое описание некоторых артефактов музея показывает, что его богатая и уникальная сокровищница имеет большую научную ценность. Эти произведения служат ценным источником для выполнения исторических, культурологических, искусствоведческих и других исследований. Кроме того, музей вносит достойный вклад в дело воспитания подрастающего поколения, формирования в нем идеи самопознания и любви к отчизне.

Ключевые слова: *выставка, археология, изобразительное искусство, презентация произведения, Таджикистан, Национальный музей древностей, верование, всемирное наследие.*

EXHIBITION AS A FORM OF PRESENTATION OF HISTORICAL MONUMENTS AND WORKS OF FINE ART

The article reveals the role of targeted exhibitions in the presentation of historical and contemporary works to society. Holding such events in domestic museums and outside the country contributes to the fact that our compatriots and residents of abroad become aware of the glorious and tragic pages of the history of the people, their culture, the evolution of the worldview. The author gives a brief description of some of the world-famous historical monuments of Tajikistan, including Sarazm, ancient Penjikent, Ajinatepe, Kalai Kofarnihon, Bunjikat Palace, and mentions the most unique works of art found during excavations in them.

In addition to theoretical materials, the article provides information about the activities of the National Museum of Antiquities of Tajikistan. A brief description of some of the museum's artifacts shows that its rich and unique treasury has great scientific value. These works serve as a valuable source for historical, cultural, art history and other research. In addition, the museum makes a worthy contribution to the education of the younger generation, the formation of the idea of self-knowledge and love for the motherland in it.

Key words: *exhibition, archeology, fine art, presentation of the work, Tajikistan, National Museum of Antiquities, belief, world Heritage.*

Сведения об авторе:

Юсупова Шахноза Азизбековна – ассистент кафедры дизайна костюма и искусства моды Технологического университета Таджикистана (734061, г. Душанбе, ул. Н. Карабаева, 63/3. Тел.: 2340654).

Information about the author:
Yusupova Shakhnoza Azizbekovna-assistant of the Department of costume design and fashion art Of the technological University of Tajikistan (734061, Dushanbe, Ph. D. Karabaeva, 63/3. Tel: 2340654).

УДК: 78 (575.3) (092)

ГУЛЧЕҲРА СОДИҚОВА ВА АНЪАНАИ ИҶРОИИ МУСИҚИИ МАРДУМӢ[12]

АМРОЕВ У. М.,
Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Санъати мусиқии мардуми тоҷик бо суннату русуми вижа ва бунёду неруи фарогираш аз дер боз машҳури олам аст. Ибтидои рушд ва нумӯи ҳунари мусиқии тоҷикро дар замони бостон ва садаҳои миёна бояд ҷуст. Санъати сарояндагӣ марбут ба «Фалак» дар таърихи фарҳанги мардуми тоҷик ҷое вижа дорад. Ин ибора дар фарҳанги мардуми тоҷик маъно ва мафҳуми гунонгунро аз қабили «гунбади осмон», «кайҳон», «дунё» ва «гетӣ»-ро ифода мекунад [5,6].

Фалак яке аз жанрҳои машҳури овозхониву сознавозии қадимаи мардуми тоҷик буда, роҳи пайдоишу инкишоф ва тағйиру такомули тӯлониро тай намудааст. Аз нуқтаи назари академик Бартелс Е. Э. (1890-1957) «Мафҳуми фалак – (чархи фалак) бисёр қадима буда, аз зардуштиён реша мегирад» [2,543].

Фалакхониву фалакнавозӣ асосан дар байни мардуми қисмати шарқу ҷануби Тоҷикистон: Дарвозу Рашт, Хатлону Бадахшон ва дар қисме аз сарзамини Чину Афғонистон арзи вуҷуд дошта, маъмулу машҳур аст [11,18].

Дар суннати мусиқии тоҷик «Фалаки даштӣ» ва «Фалаки роғӣ» басо ҳам маъруф аст. Фалаки даштӣ жанри фалаки якқисма буда, бо тарзи озод, бидуни қолабзарб ва асбоби мусиқӣ хонда шуда ва таърихи хеле қадимаи худро дорад. Вобаста ба таърихи ин жанри фалак доктори илмҳои санъатшиносӣ Аслиддин Низомов чунин ибрози андеша намуда: «Фалаки даштӣ, ки то имрӯз дар Тоҷикистон маъмул аст, шояд таърихи зиёда аз дувоздаҳҳазорсола дорад ва давоми ҳамон суннатҳои яккахонии қадим ба шумор меравад» [4,39].

Содиқова Гулчеҳра аз аввалин занони кӯҳистонист, ки бо шеваи овозхонии мардумӣ (фалаки даштӣ) кори ҳунарию пуровоза шуда аст. Саҳми ин бонуи ҳунар дар рушди санъати мусиқии мардумӣ хеле ҳам назаррас мебошад. Ӯ баробари фалаксароёни дорои сабки хоси иҷроӣ будан, инчунин давомдиҳандаи мактаби анъанавии сарояндагони ин жанри мусиқии мардумӣ

[12] Мақола дар асоси лоиҳаи «Таърих ва назарияи санъати халқи тоҷик» (барои солҳои 2021-2025), рақами қайди давлатӣ 01011TJ0454 навишта шудааст.

Одина Ҳошимов (1937-1993), Ҳошим Қосимов (1886-1964) ва Бобохалил Одинаев (1878-1968) ба шумор меравад.

Ҳангоми мактабхонӣ ба дастаи ҳаваскорони мактаби ба номи «Коммунизм»-и ноҳия шомил шуда, бештари вақташро он ҷо ба тамринҳо сипарӣ карда, дар озмунҳои ноҳиявӣ ширкат варзида, фалаксарой мекард. Аз ҷумла, соли 1957 дар озмуни ҷумҳуриявии эҷодиёти мардумӣ ширкат намуда, барандаи озмун мегардад ва фаъолияти ҳунарии ӯ аз ин солҳо ибтидо мегирад [6,51].

Гулчеҳра Содиқова соли 1960 ба Театри халқии ноҳияи Ленин (ҳоло ноҳияи Рӯдакӣ) ба кор омада, муддати се сол дар театри мазкур фаъолият намуда [1], сипас соли 1962 ба Театри халқии ноҳияи Москва (ҳоло ноҳияи Мир Сайид Алии Ҳамадонӣ) ба кор омада, ҳунари сарояндагии худро дар назди устодони фалаксаро Ҳофизони халқии Тоҷикистон Одина Ҳошимов, Ҳошим Қосимов ва инчунин Бобохалил Одинаев такмил бахшида, аз мактаби ин ҳунармандони мардумӣ сабақ меомӯзад.

Он солҳо роҳбари бадеии театрро Одина Ҳошимов ба зимма дошта, бо падараш Ҳошими Қосим, Бобохалили Одина, бародараш Абдулхайр, навозандагону сарояндагони хушсалиқа Дӯстӣ Орзуев, Гулчеҳра Содиқова ва дигарон маҳфили бадеии муназзам таъсис менамояд. Барномаҳои ҳунарии театри халқӣ бештар суруду оҳангҳои халқиро фаро мегирифт [12, 60].

Гулчеҳра Содиқова фаъолияти ҳунариашро то соли 1968 дар театри халқии ноҳия идома дода, ҳамон сол бо даъвати директори Театри вилоятии мусиқӣ-драмавии шаҳри Кӯлоб, Корманди хизматнишондодаи маданияти ҶШС Тоҷикистон Қурбон Зардаков (1929-1993) ба кор меояд. Дар театр ӯ бо ҳунармандони соҳибкасб Ҳунарманди халқии Тоҷикистон Убайдулло Раҷабов (1941-2021), Раҳмондӯсти Қурбониён (1944-2020), Сурайё Қосимова, Ҳунарпешаи шоистаи Тоҷикистон Саъдулло Каримов (1918-1990) ва дигарон ҳамқадаму ҳаммаром гашта, ҷиҳати баланд бардоштани фаъолияти эҷодии театр кӯшишҳо ба харҷ медиҳад. Мавсуф дар назди театр дастаи духтарони дуторнавозро иборат аз 15 нафар ташкил медиҳад. Соли 1969 саркоргардони театр Мирзо Шаропов таъйин мегардад. Номбурда ду гурӯҳи сайёр, яке драмавӣ дигаре мусиқӣ таъсис медиҳад. Бо гурӯҳи мусиқӣ барномаҳои рангини консертӣ омода месозанд, ки дар ин барномаҳо Гулчеҳра Содиқова, Дӯстӣ Орзуев, Неъматуллоҳ Тиллоев (1930-2022), Зебӣ Бегаҳмадова (1952-2009), Сурайё Қосимова ва ҳамчунин дастаҳои духтарони думбуранавоз, таблакнавоз ва лабчангнавоз шомил буданд [9,12]. Г. Содиқова бо ин дастаи мазкур қариб, ки ба тамоми шаҳру ноҳияҳои кишвар сафарҳои ҳунарӣ анҷом дода, ба мардум хизмати маънавӣ расониданд.

Соли 1979 Г. Содиқова ҳамроҳи Д. Орзуев аввалин ансамбли оилавиро бо номи «Орзу» дар назди шуъбаи фарҳанги шаҳри Кӯлоб таъсис медиҳанд. Дар муҳлати кӯтоҳ бо роҳбарии Д. Орзуев ҳайати ансамбл аз ҳисоби оила мукаммалу пешрафт менамояд ва дар вилоят шуҳратёр мегардад [10,24].

Гулчеҳра Содиқова дар санъати иҷрои сабки хоси худро дошта, сурудҳояш

эҳёгари анъанаҳои қадими мусиқии халқӣ буда, бо оҳанги нав эҷод гардидаву садо медиҳанд. Мувофиқати комили мазмуни шеъру оҳанг, дарки хуби тарҳу вазн, усулу савт, нолаю ороишҳои оҳангӣ бозгӯйи ҳунари ин бонуи санъаткор аст.

Воқеан мавсуф қувваи ҳофизаи баланд дошта, ашъори шоирони зиёдеро аз ёд медонад. Дар баробари сурудани таронаҳои мардумӣ, инчунин аз эҷодиёти классикони адабиёти форсу тоҷик, аз қабили Саъдии Шерозӣ, Мавлоно Ҷалолуддини Балхӣ, Ҳофизи Шерозӣ, Абдурраҳмони Ҷомӣ, Бадриддини Ҳилолӣ, Камоли Хуҷандӣ, Соиб, Сайидо, Бедил, Шоҳин ва суханварони муосир Мирзо Турсунзода, Боқӣ Раҳимзода, Лоиқ Шералӣ ва дигарон суруду таронаҳо месарояд.

Ӯ хостори дар мардум завқи шеърдонию шеърфаҳмиро парваридан буда ва барномааш саршор аз мавзӯоти ишқу муҳаббат, зебоӣ, ҳаёт, дӯстӣ, панду ахлоқ, ҷавонӣ, сулҳ, Ватан, меҳнат ва ғайраро мебошанд. Бастакорони машҳури кишварамон Хайрулло Абдулло (1930-2008), Фаттоҳ Одина (1938-2010), Анвари Барот (1937-2019), Шарифи Бедак, Абдусаломи Раҳим, инчунин шавҳараш Достӣ Орзуев (1932-1984) ва фарзандаш Орзу Орзуев ва дигарон барояш оҳангҳо эҷод кардаанд.

Сурудаҳои ӯ, аз ҷумла, «Ғам махур», «Юсуфи гумгашта», «Маро маҳҷур медорӣ», «Сӯзи дил», «Ёрам чу қадаҳ ба даст гирад», «Магар ҳеҷ», «Насиҳати падар», «Духтари тоҷик», «Тоҷикистон», «Ба Ватан», «Ширин аст», «Навои ишқ», «Куртат гули гулинай» байни мардум маъруфанд [13, 53].

Комёбии эҷодии Гулчеҳра Содиқоваҳамчун сарояндаи хушовоз, дар эҳёи мусиқии мардумӣ «Фалак» назаррас аст. Ӯ бо сурудҳои фалакӣ ба кишварҳои Осиёву Аврупо Ҳиндустон, Фаронса, Олмон, Ҳолланд, Шветсария, Федератсияи Русия ва Туркманистон ва ғайра сафарҳои ҳунарӣ анҷом додааст [3,79]. Инчунин номбурда иштирокчии фестивалу озмунҳои ҷумҳуриявию байналхалқӣ: Озмуни ҷумҳуриявии театрҳои халқӣ (1963), «Дурдонаҳо» (1986), Фестивали умумииттифоқии театрҳои халқии мусиқӣ (1967), Конгресси байналхалқии мусиқӣ (1971), Конгресси байналхалқии «Оилаи санъаткор» (1978), Намоишгоҳи комёбиҳои хоҷагии халқ (ВДНХ) дар шаҳри Москва (1979), Фестивали эҷодиёти халқӣ дар Ҷумҳурии Олмон (1987), Лауреати Конгресси байналхалқӣ дар шаҳри Москва ва Фестивали эҷодиёти халқ дар Олмон буда, ҳамзамон барандаи ва ҷоизаи ифтихорӣ маҳсуб меёбад [15, 461].

Хизматҳои бисёрсолаву пурсамари эҷодию иҷроии Гулчеҳра Содиқова бо медали «Барои меҳнати шоён», ордени «Дӯстии халқҳо» (1970), унвонҳои «Ҳунарпешаи шоистаи Тоҷикистон (1980)», «Ҳофизи халқии Тоҷикистон (1990)», барандаи Ҷоизаи давлатии ба номи Абуабдуллоҳи Рӯдакӣ (2008)» [14], Ҷоизаи сулҳи «Симурғ» (2015) ва ифтихорномаҳои давлатӣ сарфароз шудааст.

Санъати иҷроии Гулчеҳра Содиқова мавриди тавсифи донандагони мусиқӣ, ходимони санъат шуда ва композитор Хайрулло Абдуллоев чунин гуфтааст: «Овози софу тозаи Гулчеҳра, думбранавозии нозуку нолааш дар санъати фалаксароӣ саҳифаи тозаест. Агар мо маънавиёти ниёгонамонро

тавассути ин гуна устодони асил ба наслҳои имрӯза фаҳмонида надиҳем, минбаъд ҳеҷ кас дар ҳифз ва пойдор мондани он кафолат нахоҳад дод. Пас хато намекунем, агар Гулчеҳра Содиқоваро яке аз ситораҳои ҳунари суннатии тоҷик ном барем» [3,80].

Актёр ва режиссёри театр Убайдулло Раҷабов ҳам дар идомаи нукоти болоӣ ишора намуда: «Вақте, ки садои апаи Гулчеҳраро мешунавам, хаёл мекунам, ки осмон дар зери овои ӯ гирд мегардад, ахтарон ба ваҷд омада ба садояш гӯш медиҳанд. Зуҳраи чанги панҷа ба чанг мезанаду бо ӯ ҳамнаво мегардад. Дар зери садои мусиқии фалак оламе ниҳон аст, ки танҳо садои фалакгир метавонад асрори онро ба мо бикушояд ва садои апаи Гулчеҳра чунин қудратро дорост. Ӯ бо сози фалак ба кӯи дилҳо роҳ ёфтааст. Бемуҳобот апаи Гулчеҳра гулест дар чамани миллат ва саҳнаи ҳунари тоҷик, ки ҳеҷ гоҳ хазонро нахоҳад дид» [8,9].

Устоди мусиқӣ, Артисти халқии Иттиҳоди Шӯравӣ Ҷӯрабек Муродов дар иртибот ба сабки хоси иҷроии Гулчеҳра Содиқова чунин гуфта: «Дар миёни занҳои ҳунарманд симои Гулчеҳраи Содиқ бароям ҳамеша муборак ва ғарқи нур менамояд. Баробари ба саҳна баромадан қадамзании маҳинаш, нигоҳи пурмеҳру чеҳраи рӯшанаш, мавҷи докаи сафед ва ҷилваи либоси миллиаш садои дили моро тақвият мебахшад, ин аст модари ҳунарманди тоҷик» [8, 8].

Ба андешаи драматург Нур Табаров маҳорати иҷроӣ, шахсияти Гулчеҳра Содиқова дигаргунатар аст: инсонест басо нексиришт, ки дилаш аз меҳр саршор аст. Зоҳиран як шахсест камгапу фурӯтан, вале ҳине, ки думбра ба даст мегираду нохун мезанад, гӯё ӯ созро маҳз ба он хотир ба наво меорад, ки соз вайро ба хониш оварад. Гулчеҳра, гули сари сабади фарҳанги мардуми тоҷик аст [8,7].

Актёр ва режиссёри театр Толиб Бобоев бошад дар санъати иҷрои ин зани таронсаро нукоти дигареро иброз дошта: воқеъан фикр мекунам, ки дар ҷумҳурии мо маҳбубтарин зани ҳунарманд апаи Гулчеҳра ба ҳисоб мераванд. Зеро ҳар дафъае, ки он кас дар саҳна ҳунарнамоӣ мекунанд, ҳатман як тобиши нав, гардиши тозае дар хондани авҷ ё фуроварди сурудаш ҳис карда мешавад. Оре, чунин аламноку пуртаъсир ва ҷаззобу гуворо сароидани ин ҳунарпешаи нотакрор ҳосили дарки ғаму шодии мардум, заҳмати бисёрсолаи ӯ дар роҳи омӯзишу эҷоди оҳангу сурудҳои халқист [7, 94].

Аз нуктаҳои ишоранамудаи устодони санъат метавон чунин хулоса кард, ки Гулчеҳра Содиқова дар санъати иҷроии муосири тоҷик, жанри эҷодиёти шеърию мусиқии фалаксароӣ шахсияти камназир аст. Воқеан, корномаи ин зани некном мактаби зиндагиест, ки саршор аз меҳру вафо ва садоқату матонат аст. Фаъолияти ҳунарӣ ва рӯзгори ин зани ҳунарманд намунаи ибрат барои насли нави занон буда, шоистаи пайравист.

АДАБИЁТ

1.Абдуқодири Раҳим. Ман ин тулӯъро муборакбод мегӯям//Ҷумҳурият 12 апрели 2008.
2.Бартелс Е. Э. История. Персидско – таджикской поззии. М. 1960. Т.1, С.543.
3.Қурбони Қурбониён. «Фалак» ва системаи лаҳнии он. Рисолаи таҳқиқӣ ва таълимӣ (бо забони

тоҷикӣ), Душанбе, 2006. 258 с.
4.Низомов А. Таърих ва назарияи «Шашмақом», Душанбе, 2006. С.39.
5.Саъдулло Каримов. «Фалак». Китоби дарсии амалӣ. Китоби 1. –Душанбе, 2019. 400 с.
6.Сипеҳри Ҳасанзод. Парастуҳои саҳна, Кӯлоб, 1992. 96 с.
7.Толиби ҳунар. (Маҷмуаи мақола, мусоҳибаҳо, шеърҳо ва хотирот аз ҳаёт ва фаъолияти Толиб Бобоев), -Душанбе, 2018, 472 с.
8.Файз Ашӯр. Гулчеҳраи дуторӣ (маҷмуаи дастаҷамъии шеъру мақолаҳо). –Душанбе, 2014. 64 с.
9.Файз Ашӯр, Мунаввара Аминова. Даргоҳи ҳунар. Душанбе, 2008. 24 с.
10.Фалак. Албоми мусаввир (бо забони тоҷикӣ, русӣ, англисӣ), -Душанбе, -2004. 48 с.
11.Фаттоҳ Одина. Гулчине аз гулзори Фалак. Душанбе, -2004. 95 с.
12.Ш. Шарифов. Сипоҳсолори суруду мусиқии тоҷик//Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон (маҷаллаи илмӣ), №3/7. Қисми II, –Душанбе, 2017. –С. 59-64.
13.Ҳафизов Абдурауф. Нуктае аз таърихи Кӯлоб ва соҳибунвонҳои соҳаи фарҳанги он. Душанбе, 2018.130 с.
14.Электронный ресурс. -Режим доступа: https://sputnik.tj. com.Gulchehra Sodigova- Modar. 31.10.2009.
15.Энсиклопедияи Кӯлоб, Душанбе, -2006. 636 с.

ГУЛЧЕҲРА СОДИҚОВА ВА АНЪАНАИ ИҶРОИИ МУСИҚИИ МАРДУМӢ

Гулчеҳра Содиқова аз зумраи ҳунармандонест, ки умри пурбаракаташро ба иҷро ва тарғиби мероси мусиқии мардумӣ сарф намуда, сабки овозхонӣ (фалаки даштӣ)-ро пеша кардааст. Саҳми ӯ дар тарғибу ғанӣ гардонидани санъати суннатии мусиқии мардумӣ мондагор аст. Ӯ яке аз сарояндагони муваффақи жанри мусиқии мардумӣ фалак буда, идомадиҳандаи сабки устодони зиндаёд Одина Ҳошимов (1937-1993), Ҳошим Қосимов (1886-1964) ва Бобохалил Одинаев (1878-1968) мебошад.

Самараи дурандешиии ин зани ҳунарманд буд, ки санъати иҷроияш рушд ёфту обрӯю эътибораш рӯз аз рӯз миёни мардум меафзуд.

Комёбии эҷодии Гулчеҳра Содиқова ҳамчун сарояндазан, дар эҳёи мусиқии мардумӣ «Фалак» назаррас аст. Ӯ бо сурудҳои фалакӣ ба кишварҳои Осиёву Аврупо Ҳиндустон, Фаронса, Олмон, Ҳолланд, Шветсария, Федератсияи Россия ва Туркманистон ва ғайра сафарҳои ҳунарӣ анҷом додааст.

Гулчеҳра Содиқова дар санъати иҷроӣ сабки хоси худро дошта, сурудҳояш эҳёгари анъанаҳои қадими мусиқии халқӣ буда, бо оҳанги нав эҷод гардидаву садо медиҳанд. Мувофиқати комили мазмуни шеъру оҳанг, дарки хуби тарҳу услуб, усулу савт, нолаю ороишҳои оҳангӣ бозгӯйи ҳунари ин бонуи санъаткор аст.

Дар мақола доир ба фаъолияти эҷодии ин бонуи ҳунар, яке аз эҳёкунандагони анъанаҳои қадими мусиқии халқӣ, фалаксарои маъруфи халқи тоҷик мухтасар хотирнишон шудааст.

Калидвожаҳо: *санъати сароядагӣ, ромишгари мумтоз, театри халқӣ, ансамбли оилавӣ, фестивал- озмун, ҳунарпеша, оҳанг, мусиқии фалак, дастаи ҳаваскорон.*

ГУЛЬЧЕХРА СОДИКОВА И ТРАДИЦИИ ИСПОЛНЕНИЯ НАРОДНОЙ МУЗЫКИ

Гульчехра Содикова – одна из тех, кто посвятила свою жизнь исполнению и популяризации наследия народной музыки, разработав свой стиль пения (степной фалак). Её вклад в популяризацию и обогащение традиционного искусства народной музыки непреходящ. Она является одной из самых успешных исполнителей в жанре народной музыки, продолжая стиль ныне ушедщих мастеров Одины Хошимова (1937-1993), Хашима Косимова (1886-1964) и Бобохалила Одинаева (1878-1968).

Результатом предусмотрительности этой ремесленницы стало то, что ее исполнительское искусство развивалось, а ее репутация росла день ото дня.

Творческий успех Гульчехры Содиковой, как певицы значителен в возрождении народной

музыки «Фалак». Выступала в Азии, Европе, Индии, Франции, Германии, Нидерландах, Швейцарии, Российской Федерации, Туркменистане и других странах.

Гульчехра Содикова обладает уникальным стилем в исполнительском искусстве, а ее песни возрождают древние традиции народной музыки, созданные и исполненные на новую мелодию. Совершенная гармония содержания поэзии и мелодии, хорошее понимание стиля и звучания, заунывных мелодий и орнаментов составляют суть её искусства.

В статье кратко упоминается о творческой деятельности этой дамы искусства, одного из возрожденцев древних традиций народной музыки, известного философа таджикского народа.

Ключевые слова: *искусство пения, умелый музыкант, народный театр, семейный ансамбль, фестивал-конкурс, артист, мелодия, музыка фалак, музыкант, самодеятельный коллектив.*

GULCHEHRA SODIQOVA AND THE TRADITION OF PERFORMING FOLK MUSIC

Gulchehra Sodikova is one of those who devoted her life to the performance and popularization of the heritage of folk music, developed a singing style (steppe falak). His contribution to the popularization and enrichment of the traditional art of folk music is timeless. He is one of the most successful performers in the folk music genre, continuing the style of the living masters Odina Khoshimov (1937-1993), Khashim Kosimov (1886-1964) and Bobokhalil Odinaev (1878-1968).

The result of this craftswoman's foresight was that her performing arts developed and her reputation grew day by day.

The creative success of Gulchekhra Sodikova as a singer is significant in the revival of folk music "Falak". He has performed in Asia, Europe, India, France, Germany, the Netherlands, Switzerland, the Russian Federation, Turkmenistan and other countries.

Gulchehra Sodikova has a unique style in the performing arts, and her songs revive the ancient traditions of folk music, created and performed to a new melody. The perfect harmony of the content of poetry and melody, a good understanding of style, style and sound, mournful melodies and ornaments are the essence of this artist's art.

The article briefly mentions the creative activity of this lady of art, one of the revivalists of the ancient traditions of folk music, a famous philosopher of the Tajik people.

Key words: *singing, folk theaters, family ensemble, festival-competition, craftsman, song, falak music, amateur group, artistic activity.*

Сведения об авторе:

Амроев Умедджон Мамадхонович – соискатель Института истории, археологии и этнографии имена А. Дониша НАНТ. Адрес:734025, Республика Таджикистан, город Душанбе, проспект Рудакӣ, 33. Телефон: (+992) 918 12 53 49. E-mail: umed-08@mail.ru

Information about the authors:

Amroev Umedjon Mamadkhonovich – applicant of the Institute of history, archeology and ethnography by named A. Donish of NAST. Address:734025, Republic Tajikistan, Dushanbe city, Rudaki Avenue, 33. Tel: (+992) 918 12 53 49.E-mail: umed-08@mail.ru

БА ТАВАҶҶУҲИ МУАЛЛИФОН

Маҷаллаи «Муаррих» нашрияи илмӣ-назариявии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон буда, маводи соҳаи илмҳои таърихро дар бар мегирад ва тибқи «Қо-нун дар бораи матбуот ва воситаҳои ахбори омма» ба нашр омода мешавад.

ҲАДАФҲОИ МАҶАЛЛАИ ИЛМИИ ТАҚРИЗШАВАНДАИ «МУАРРИХ»

-инъикоси саривақтии натиҷаҳои фаъолияти тадқиқотии олимони Ҷумҳурии Тоҷикистон, ҳамчунин олимони мамолики хориҷии наздику дур, аз рӯйи соҳаҳои зерини илм: таърихшиносӣ, бостоншиносӣ, мардумшиносӣ, сиккашиносӣ, таъ-рихи илм ва техника, таърихи муносибатҳои байналмиллалӣ ва сиёсати хориҷӣ, таърихи санъат, фарҳанг, фалсафа.

-инкишофи ҳамкории байналхалқӣ дар соҳаҳои таърихшиносӣ, бостонши-носӣ ва мардумшиносӣ;

-ба муҳаққиқон фароҳам сохтани имкони нашри натиҷаҳои ҷустуҷӯйҳои илмӣ;

-инъикоси масоили мубрам ва самтҳои ояндадори илмҳои таърихшиносӣ;

-ҷустуҷӯйи донишҳои нав барои рушди иҷтимоии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва минтақаҳои он;

-тарғиби дастовардҳои фаъолияти илмию тадқиқотии олимони институт, ҳамчунин олимони донишгоҳҳои дигар ва муассисаҳои соҳаи илму маорифи Ҷумҳурии Тоҷикистон.

ШАРТҲОИ НАШРИ МАҚОЛА ДАР МАҶАЛЛАИ «МУАРРИХ»

-ҳайати таҳририяи маҷалла мақолаҳои илмӣ, тақризҳо, тавзеҳҳои илмии қаб-лан дар нашрияҳои чопию электронӣ нашрнашударо барои баррасию нашр қабул мекунад, ки ғояҳои илмӣ, натиҷаю дастовардҳои тадқиқоти бунёдии назарию амалиро оид ба соҳаҳои дониш дар илми таърихшиносӣ дар бар гиранд;

-қарор дар бораи нашр ё радди нашр дар асоси муҳиммият, навоварӣ ва аҳаммияти илмии маводи пешниҳодгардида қабул карда мешавад;

-муаллифон (ҳаммуаллифон) масъулияти саҳеҳии иттилооти илмии пешниҳодгардида ва ҳамаи маълумотеро, ки мақола, тавзеҳ ва тақризҳо дар бар меги-ранд, ба зимма доранд;

-ҳамаи маводи ба идораи маҷалла ворид гардида ҳатман дар сомонаи antiplagiat.ru мавриди тафтиш қарор мегиранд, сипас ҳайати таҳрир муаллифон (ҳаммуаллифон)-ро дар бораи натиҷаи арзёбии дастнавис ва ба тақризи минбаъда қабул шудани мавод ё радди пешниҳоди он ба тақриз огоҳ мекунад;

-ҳамаи мақола, тавзеҳ ва тақризҳои ба идора омада дар сурати ҷавоби мусбат баъди тафтиш дар сомонаи antiplagiat.ru ба мақсади арзёбии онҳо аз ҷониби мутахассисони пешбари соҳаҳои дахлдори илм ба тақризи дохилӣ ирсол мегарданд;

-мақолаҳои ба тақризи дохилӣ пешкашшуда бояд пурра тибқи талаботе, ки дар сомонаи маҷалла: http:istorik.tarena.tj зикр гардидаанд, таҳия карда шаванд;

-агар дар тақриз оид ба ислоҳу такмили мақола тавсияҳо пешниҳод шуда бошанд, ба муаллиф эроду мулоҳизаҳои муқарриз (бе сабти ному насаби ӯ) барои такмилу ислоҳи мавод ирсол мешавад;

-муаллиф маводи такмилдодаро ба идораи маҷалла мефиристад ва идора он-ро

якҷоя бо ҷавоби муаллиф тибқи ҳар моддаи эродҳо ба тақризи такрорӣ мефи-ристад;

-ҳайати таҳририя ба таҳрири мақола бидуни тағйир додани муҳтавои илмии он ҳақ дорад. Хатоҳои имлоию техникӣ ва услубиро мусаҳҳеҳ бидуни мувофиқа бо муаллиф (ҳаммуаллифон) ислоҳ мекунад. Дар мавридҳои зарурӣ ислоҳҳо бо муаллиф (ҳаммуаллифон) мувофиқа карда мешаванд;

-нусхаи барои такмил ба муаллиф (ҳаммуаллифон) фиристода бояд дар муҳ-лати муқаррааргардида, баъди ворид сохтани ислоҳу тағйирот дар намудҳои элек-тронӣ ва чопӣ бояд ба идора баргардонда шавад;

-мақолаҳое, ки ба чоп қабул нашудаанд, ба муаллиф (ҳаммуаллифон) баргар-донда намешаванд. Дар мавриди радди чопи мавод идораи маҷалла ба муаллиф (ҳаммуаллифон) раддияи асоснок ирсол мекунад;

-тибқи дархости шӯроҳои коршиносии КОА назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон идораи маҷалла ба онҳо тақризҳоро пешниҳод мекунад.

ТАЛАБОТ БА ТАҲИЯИ МАҚОЛАҲО (ТАВЗЕҲҲО, ТАҚРИЗҲО), КИ БА МАҶАЛЛАИ ИЛМИЮ НАЗАРИЯВИИ «МУАРРИХ» -И ИНСТИТУТИ ТАЪРИХ, БОСТОНШИНОСӢ ВА МАРДУМШИНОСИИ БА НОМИ АҲМАДИ ДОНИШИ АКАДЕМИЯИ МИЛЛИИ ИЛМҲОИ ТОҶИКИСТОН БАРОИ ЧОП ИРСОЛ МЕГАРДАНД:

1. Барои ҷойгир кардан дар маҷалла мақола, тақриз ва тавзеҳҳои илмӣ тибқи ихтисосҳои илмии **07.00.02**-таърихи Ватанӣ; **07.00.03**-таърихи умумӣ (мувофиқи давра); **07.00.06**-бостоншиносӣ; **07.00.07**-мардумшиносӣ, этнология ва симоши-носӣ; **07.00.09**-таърихнигорӣ, маъхазшиносӣ ва усулҳои таҳқиқоти таърихӣ; **07. 00. 10**-таърихи илм ва техника; **07.00.15**-таърихи муносибатҳои байналмилалӣ ва сиёсати хориҷӣ, ки қаблан дар ҳеҷ ҷой чоп нашудаанд, қабул мегарданд.

2. Муаллифон ба идораи маҷалла ҳатман бояд ҳуҷҷатҳои зеринро пешниҳод кунанд:

-матни мақола ба забонҳои русӣ ва англисӣ (ба таври имконият бо тарҷумаи русӣ) ё забони тоҷикӣ, ки дар мактуби роҳнамо бо имзои ректор (ноиби ректор) ё роҳбари муассиса ва ё ин ки ташкилот ба шакли чопии он муаллиф (ҳаммуал-лифон) имзо гузоштаанд;

-тақризи доктор ё номзади илм, ки онро мудири шуъбаи кадрҳои ҷойи кори муқарриз муҳр ва имзо гузоштааст;

-маълумотнома аз ҷойи таҳсил (барои аспирантҳою магистрантҳо);

-шакли чопии ҳуҷҷатҳо ба идора ба суроғаи зерин ирсол мешавад: 734025, шаҳри Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33, Институти таърих, бостоншиносӣ ва мар-думшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, бинои асосӣ, ошёнаи 1, ҳуҷраи 21, тел.:(+992) 221-37-42.

-шакли электронии мақоларо ба почтаҳои электронии manzura_h@mail.ru, (агар мавод ба забони русӣ бошад) ва (агар мавод ба забони тоҷикӣ бошад) ба **mukhbirjon.kendzhaev@mail.ru** ирсол намоед. Телефон барои маълумот: (+992 37) 221-37-42; суроғаи сомонаи маҷалла: **http:istorik.tarena.tj**

ТИБҚИ ТАЛАБОТИ КОА НАЗДИ ПРЕЗИДЕНТИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН МАҚОЛА БОЯД УНСУРҲОИ ЗЕРИНРО ДАР БАР ГИРАД:

-индекси УДК (дар аввали мақола дар шакли сатри алоҳида, дар тарафи чап гузошта мешавад);

-индекси ББК (дар аввали мақола дар шакли сатри алоҳида, дар тарафи чап гузошта мешавад);

-ному насаби пурраи муаллиф (ҳаммуаллифон) ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ;

-унвони илмӣ, дараҷаи илмии муаллиф (ҳаммуаллифон), ном ва рамзи ихтисоси илмӣ (тибқи номгӯй), ки тадқиқот тибқи он сурат мегирад, ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ;

-аспирантон, унвонҷӯён, омӯзгорон, докторантҳо номи муассисаи илмиро (магистрантҳо-самти тайёриро) ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷикию русию анг-лисӣ зикр мекунанд;

-зикри мансаб, ҷойи кор, шаҳру мамлакат ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷи-кию русию англисӣ;

-e-mail ва телефони робитавии муаллиф ва ё ҳаммуаллифон барои тамос;

-номи мақола бо забонҳои тоҷикию русию англисӣ бо ҳарфҳои калон, ҳуруфи Times New Roman 14 ё Times New Roman Tj 14, тароз дар марказ);

-фишурда ба забонҳои русӣ ва англисӣ ҳуруфи Times New Roman 14, аз 100 то 250 вожа бо сабти мақсаду вазифаи таҳқиқ, баёни мухтасари кор ва хулосаҳои асосие, ки навоварии илмии корро дар бар мегирад;

-калидвожаҳо ба забонҳои русию англисӣ оварда мешаванд, 5-7 калима ё ибора, ки ду ё се вожаро дарбар мегирад; ҳуруфи Times New Roman 14, тарҳаш-курсив, тароз дар бар, вожаҳо ё ибораҳои калидӣ бо вергул аз ҳам ҷудо карда мешаванд);

-мақола ҳатман бояд номгӯйи адабиёти истифодашударо бо зикри танҳо сарчашмаҳои иқтибосгардида дар бар гирад. Рӯйхати адабиёт дар охири мақола бо назардошти саҳифаи умумии сарчашмаи истифодашуда навишта мешавад. Ҳангоми навиштани рӯйхати мазкур тартиби ҳуруфи алифбо ва талаботи ГОСТ бояд ҳатман риоя карда шаванд;

-иқтибосҳо дар қавсайни квадратӣ бо қайди рақами адабиёт мутобиқи рӯй-хати сарчашмаҳо ва саҳифаи он бояд ишора шаванд, масалан: [5, 25] ё [5,25; 6,77];

Матни мақолаи пешниҳодшаванда нусхаи ниҳоӣ маҳсуб шуда, бояд пурра аз назари таҳрир гузаронида шавад ва аз ғалат орӣ (тоза) бошад.

Мақолаҳое, ки ба идораи маҷалла бо нақзи талаботи мазкур ирсол мегар-данд, мавриди баррасӣ қарор намегиранд.

Масъулияти салоҳият, боэътимодии аснод ва муҳтавои мақолот бар дӯши муаллифон ва муқарризон мебошад.

Идораи маҷалла

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

«Историк» - научно-теоретический журнал Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана пуб-ликующий материалы серии исторических наук, издаётся согласно закону Республики Таджикистан «О печати и средствах массовой информации».

ЦЕЛЬЮ И ЗАДАЧАМИ НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ИСТОРИК» ЯВЛЯЮТСЯ:

-оперативное освещение результатов исследовательской деятельности учёных Республики Таджикистан, а также учёных стран ближнего и дальнего зарубежья по следующим отраслям науки: история, историография, археология, этнография, антропология, источниковедение, нумизматика, история культуры, история литературы, история философии и история религии;

- развитие международного сотрудничества в сфере истории, археологии и этнографии;

- предоставление возможности исследователям публиковать результаты научных изысканий;

- освещение актуальных проблем и перспективных направлений исторических наук;

- поиск новых знаний для духовного и социального развития населения Республики Таджикистан в целом и её регионов;

-пропаганда достижений научно-исследовательской деятельности учёных Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, а также исследователей других ВУЗов и учреждений образования и науки Республики Таджикистан.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ИСТОРИК»:

-редакционная коллегия журнала принимает для рассмотрения и публикации ранее не опубликованные в печатных и электронных изданиях научные статьи, рецензии, научные обзоры, отзывы, содержащие научные идеи, результаты и достижения фундаментальных теоретических и прикладных исследований по следующим отраслям исторической науки: история, историография, археология, этнография, антропология, источниковедение, нумизматика, история культуры, история литературы, история философии и история религии;

- решение о публикации или об отказе в публикации принимается на основе актуальности, новизны и научной значимости представленных материалов;

- авторы (соавторы) несут всю полноту ответственности за достоверность представляемой научной информации и всех данных, содержащихся в статьях, отзывах, обзорах и рецензиях;

- все представленные в редакцию журнала материалы в обязательном порядке проходят проверку на сайте antiplagiat.ru, после чего редколлегия извещает ав-торов (соавторов) о результатах оценки рукописи и сообщает о приёме материала к дальнейшему рецензированию или об отказе от рецензирования;

- поступившие в редакцию статьи, отзывы, обзоры и рецензии в случае поло-

жительного ответа после проверки на сайте antiplagiat.ru направляются на внутреннее рецензирование с целью их экспертной оценки ведущими специалистами в соответствующей отрасли науки;

- статьи, допущенные к внутреннему рецензированию, должны быть оформ-лены в полном соответствии с требованиями, предъявляемыми к публикациям, которые размещены на сайте журнала: **http:istorik.tarena.tj**

- если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению или доработке статьи, автору направляются замечания и предложения рецензента (без указания сведений о нём) для доработки и исправления материала;

-доработанный материал представляется автором в редакцию журнала и направляется на повторное рецензирование вместе с ответом автора по каждому пункту замечаний;

- редколлегия имеет право на редактирование статей без изменения её научного содержания. Орфографические и стилистические ошибки исправляются корректором без согласования с автором (авторами). При необходимости правка согласуется с автором (авторами);

- вариант статьи, направленный автору (авторам) на доработку, должен быть возвращён в редакцию в оговоренный срок с внесёнными исправлениями и изменениями в электронном и распечатанном виде;

- статьи, не принятые к опубликованию, автору (авторам) не возвращаются. В случае отказа от публикации материала редакция направляет автору (авторам) мотивированный отказ;

- редакция предоставляет рецензии по запросу экспертным советам ВАК при Президенте РФ.

ТРЕБОВАНИЯ
К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ (ОБЗОРОВ, ОТЗЫВОВ, РЕЦЕНЗИЙ), ПРИСЫЛАЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ИСТОРИК» ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. А. ДОНИША НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКИСТАНА

Для размещения в журнале принимаются ранее нигде не опубликованные научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специаль-ностям: 07.00.02 - отечественная история; 07.00.03 - всеобщая история (соответствующего периода); 07.00.06 - археология; 07.00.07 - этнография, этнология и антропология; 07.00.09 - историография, источниковедение и методы исторического исследования; 07.00.10 - история науки и техники: 07.00.15 - история международных отношений и внешней политики.

Авторы в обязательном порядке предоставляют в редакцию следующие документы:

-текст статьи на русском или английском (по возможности с переводом на русский язык), или таджикском языке с обязательной подписью автора (авторов) на печатном варианте статьи;

-рецензию доктора или кандидата наук, заверенную в отделе кадров по месту его работы;

-справку с места учёбы (для аспирантов и магистрантов).

Печатные варианты документов направляются в редакцию по адресу: 734025,

Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 33, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Тад-жикистана, главный корпус, 1-этаж, кабинет 21. Электронные версии по адресу элект-ронной почты:**manzura_h@mail.ru,** или **mukhbirjon.kendzhaev@mail.ru** Телефон для справок:(+992 37) 221-37-42; адрес сайта журнала: **http:istorik.tarena.tj**

В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ ВАК ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РТ, СТАТЬЯ ДОЛЖНА СОДЕРЖАТЬ:

- индекс УДК (размещается в начале статьи отдельной строкой слева);
- индекс ББК (размещается в начале статьи отдельной строкой слева);
- фамилию, имя, отчество автора (авторов) полностью на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;
-учёную степень, учёное звание автора (авторов), наименование и шифр научной специальности (согласно номенклатуре), по которой ведётся исследование, на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;
-аспиранты, соискатели, преподаватели, докторанты указывают кафедру и учебное заведение (магистранты-направление подготовки) на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;
- указание на должность, место работы, город, страну на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;
- e-mail и телефона автора или соавторах для связь;
- название статьи на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках (заглавными буквами, шрифт Times New Roman 14 или Times New Roman tj 14, выравнивание по центру);
- аннотация на русском и английском языках (шрифт TNR 14, выравнивание по ширине, от 100 до 250 слов с указанием цели и задач исследования, краткого хода работы и основных выводов, содержащих научную новизну);
- ключевые слова на русском и английском языках (5-7 слов или словосочетаний из двух или трёх слов, через запятую, шрифт TNR 14, начертание - курсив, выравнивание по ширине);
- статья в обязательном порядке должна содержать список использованной лите-ратуры с указанием только цитируемых работ. Список литературы приводится в конце статьи с общим объемом страниц источника. Список использованной литературы оформляется в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ.
- ссылки даются в скобках, в которых указывается номер использованного источника сог-ласно списку использованной литературы, а затем цитируемая страница.

Статьи принимаются в течение года. Редакция оставляет за собой право отбора мате-риала, а также право сокращения публикуемой статьи. Текст, присылаемой рукописи яв-ляется окончательным и должен быть тщательно выверен и исправлен. Статьи, направ-ляемые в редакцию с нарушением вышеперечисленных требований, к рассмотрению не принимаются. За компетентность и содержание публикуемых материалов несут полную ответственность авторы и рецензенты.

Редакция журнала

ИНДЕКСИ ОБУНА: 77771

МУАРРИХ - маҷаллаи илмӣ-назариявӣ

Муассис: Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон

Ақидаи ҳайати таҳририя метавонад ба нуқтаи назари муаллифони мақолаҳо мувофиқ наояд. Барои мазмуни мавод ва маълумоти саҳеҳ муаллифон масъуланд. Истинод ба сарчашма, муаллиф ва шумора ҳатмист.

Мусаҳҳеҳ: **Манзура ҲАСАНОВА**
Котиби масъул: **Мухбирҷон КЕНҶАЕВ**
Муҳаррири техникӣ: **Илҳом БАҲРОМОВ**
Саҳифабанд ва ороишгар: **Тӯрахӯҷаи ТОҲИРЗОДА**

Ба матбаа 31. 03. 2022 сол таҳвил шуд. Ба чопаш 14.04. 2022 имзо шуд. Андозаи 70х100$^{1}/_{8}$.
Коғази офсетӣ. Чопи офсетӣ. Ҷузъи чопӣ 12. Адади нашр 100 нусха. Супориши №39

ҶДММ матбааи «Ганҷи хирад»
734025, шаҳри Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 21. Тел: 227-71-01

ИСТОРИК- научно-теоретический журнал

Учредитель: Институт истории, археологии и этнографии
им. Ахмада Дониша Национальной академии наук Таджикистана

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы. При полной или частичной перепечатке или воспроизведения любым способом ссылка на источник обязательна.

Корректор: **Манзура ХАСАНОВА**
Ответственный секретарь: **Мухбирджон КЕНДЖАЕВ**
Технический редактор: **Илҳом БАҲРОМОВ**
Дизайн и верстка: **Турахуджаи ТОХИРЗОДА**

Сдано в типографию 8. 07. 2022 г. Подписано в печать 00. 07. 2022 г. Формат 70х100$^{1}/_{8}$.
Офсетная бумага. Офсетная печать. Печатный лист 11. Тираж 100 экземпляр. Заказ № 39
Отпечатано в типографии ООО «Ганҷи хирад»
734025, г. Душанбе, проспект Рудаки, 21. Тел: 227-71-01